

5

2011

РОСССНЯ XXI

5.2011 сентябрь-октябрь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

После капитализма _____ **6**

Страницы истории

Петр Савельев

Хорошо забытое старое _____ **66**

Михаил Горинев

Евгений Преображенский:
большевик из поповичей _____ **88**

Национальная доктрина

Наталья Суржикова

Этничность и вера в практиках российского
плена 1914–1919 гг.
(по материалам уральского региона) _____ **116**

Европейские параллели

*Филипп Тараторкин,
Андрей Юрганов*

Русская парадигма
венгерского профессора _____ **142**

Актуальный архив

Мария Ферретти

Ярославский рабочий
Василий Иванович Люлин ____ **154**

Редакционная почта

Владимир Трофимов

Проблемы коммунистического
движения во второй половине
XX века _____ **192**

Contents in English look at the page 208

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

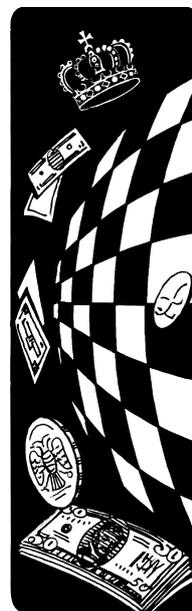
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Будущее не может быть исследовано. Исследованию доступно лишь то, что обладает реальностью, то есть то, что уже произошло. Будущее же скрыто в прошлом и настоящем, мы видим и примысливаем его в реальных возможностях. По существу, в основе нашего мировоззрения всегда лежит осознание будущего.

Это осознание будущего не следует конкретизировать в воображаемых картинах, отражающих наши чаяния или страхи; в основе нашего видения будущего должно быть научное

**проникновение в прошлое, а также
непредубежденное постижение
настоящего. Все дело в том, чтобы
в происходящей на наших глазах
борьбе, сквозь нее, ощутить ту
глубинную борьбу, от исхода
которой зависит существование
человечества вообще.**

Карл Ясперс

Сергей Кургинян

ПОСЛЕ КАПИТАЛИЗМА¹

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР**

УДК
323.2

The text published is the conceptual document which defines the nature and character of Russia's development in the post-capitalist epoch. Sure, the question is not only the analysis of the current situation; rather it is the question of the analysis of the future. The author clearly defines the paradigmatic characteristics that the new Russia has to comply with as it has chosen its own historical path of development. The USSR's collapse is the global historical drama played out "with no war" and no ultimate defeat. The contemporary Russia as the legal successor to the USSR has a chance to perform a gigantic historical spurt at whatever cost, has strengths including intellectual and social ones for such movement to the future. Now it is important to understand why Russia did not fully accept the western Modern's path, which was successfully employed and still employs Asia. The point is that the Modern remains to be the paradigm of the West. Asia accepts the paradigm unconditionally since, despite all Asia's uniqueness and distinctive character, in this instance Asia does not pretend to invention of its own peculiar path. In the early new history Russia clearly saw its assignment. The barbarian pseudo-capitalism did not naturalized in Russia and the counter-Modern facilitates its complete destruction. The only way to rescue Russia is to emerge in a new capacity, mobilize efforts for the path of Russia's own project establishment.

Ключевые слова: крах СССР; посткапиталистическая эпоха; парадигмальные характеристики новой России; собственный проект развития.

Key words: the USSR's collapse; post-capitalist epoch; paradigmatic characteristics of the new Russia; own project establishment.

E-mail: ecc@ecc.ru

---

¹ Программный документ общественного движения «Суть времени», предложенный к обсуждению на летней школе в Хвалынске 14 августа 2011 года.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ РАМКА

Любое движение объединяет людей с разными взглядами и убеждениями. Это естественно и в каком-то смысле необходимо. Но это не имеет никакого отношения к всеядности: должно быть нечто, объединяющее людей, решивших вместе делать общее дело.

Для движения «Суть времени» это четыре главных принципа.

Принцип №1. Все мы относимся к краху СССР как к личной трагедии. Ответственные за этот крах силы лишили нас нашей Родины. Это особенно ясно теперь, когда все те же силы стремятся добить до конца Россию, используя буквально те же приемы, которые позволили им организовать крах СССР.

Итак, потеря СССР для нас – это утрата. Боль этой утраты с годами не ослабевает. Даже наоборот. Ибо по прошествии времени лишь нарастает трагическое осознание того, как много мы тогда потеряли.

«Пепел Клааса стучит в мое сердце», – говорил великий фламандец Тиль Уленшпигель.

Пепел СССР стучит в наши сердца. Именно это нас объединяет.

Те, в чьи сердца не стучит этот пепел, не могут быть вместе с нами.

Разрушенный Советский Союз живет в наших сердцах. И поскольку он в них живет – СССР может быть восстановлен.

Способность хранить в сердце то, что исчезло в реальности, – главная предпосылка реванша. Да, именно реванша – мы говорим о нем и только о нем.

Реванш – это осознание горечи поражения и готовность к победе. Только это и ничего больше.

Мы переживаем крах СССР как поражение своего народа и свое личное поражение. Но мы не капитулировали. Мы готовы продолжить борьбу и победить.

Принцип №2. Мы хотим знать, почему распался Советский Союз и кто виноват в этой трагедии? Мы понимаем, что ответ на этот вопрос крайне сложен. Что враг применил против нас сложное и коварное оружие. Что враг и теперь создает разного рода ложные цели и дымовые завесы. Мы не хотим простых ответов. Ибо понимаем, что простота тут хуже воровства.

Мы не пощадим сил ума и души для того, чтобы добраться до истины. Мы готовы учиться, брать новые и новые барьеры сложности в поисках окончательного ответа.

Не готовые дать окончательный ответ сегодня, мы дадим его завтра. В русских сказках говорится о семи парах стоптанных железных сапог. Если будет надо, мы стопчем семьдесят семь пар таких железных сапог.

Ибо мы хотим окончательного ответа на свой вопрос. И мы этот ответ получим.

Принцип №3. Мы хотим понять не только то, кто виновен в распаде СССР и в чем подлинный замысел сил, сумевших обеспечить его распад.

Мы хотим понять еще и то, как можно вернуть утраченное. Только ради этого мы и прорываемся к истине. Возвращение утраченного еще на порядок сложнее, чем получение ответа на вопрос о том, как и почему отнял у нас любимое.

Мы не боимся и этой сложности. Мы хотим обрести настоящий, полноценный ответ на вопрос о том, как вернуть утраченное. И мы этот ответ обречем.

Принцип №4. Без любви разум бессилён. Без разума любовь слепа.

Но и разума, и любви недостаточно. Мы хотим понимания природы своего поражения, понимания путей к победе – не просто для того, чтобы потешить свой ум и успокоить сердечную боль. Мы хотим не только понять, как вернуть утраченное. Мы хотим это утраченное вернуть.

Сердце и разум, даже объединившись, бессильны, если нет воли. У нас эта воля есть. Мы хотим бороться за то, чтобы вернуть утраченное. Мы не хотим экстаза, мы не будем биться в конвульсиях. Мы сможем остудить чувство, не потеряв при этом его. Наш разум может и будет брать один барьер сложности за другим.

Но все это для нас не упражнения души и разума. Нам нужно любить и знать для того, чтобы действовать.

Вслед за Марксом мы говорим: ученые слишком долго объясняли мир, тогда как дело в том, чтобы его изменить.

Вот и все, что нас объединяет. Только эти четыре принципа – и ничего другого. Они задают концептуальную, моральную, экзистенциальную, политическую рамку. Внутри нее мы чувствуем и мыслим по-разному. Мы лишь отправляемся в общий путь. Мы верим, что странствие в поисках утраченного сблизит нас. И при этом мы всегда будем оставаться разными. Это, повторяем, нормально и даже необходимо. По-разному мы переживаем утрату и понимаем природу этой утраты.

Но мы хотим вернуть утраченное. И мы его вернем.

Те же, кто не разделяет объединяющие нас четыре принципа, пусть отойдут в сторону. Нам одинаково чужды и сектантская нетерпимость, и безволие всеядности.

Оговорив все то, что нас объединяет, мы переходим к тому, что, по нашему мнению, делает возможным реализацию нашей основной и единственной стратегической цели.

ЧАСТЬ 1. О СОДЕРЖАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Глава 1. Двадцать лет спустя

Двадцать лет назад распался Советский Союз.

Двадцать лет назад было спущено развевавшееся над Кремлем Красное знамя.

Двадцать лет назад антикоммунизм и антисоветизм стали официальной идеологией новой постсоветской России.

Двадцать лет назад было заявлено, что распад СССР является не катастрофой, а освобождением России от чудовищных оков советизма. И возвращением в лоно мировой цивилизации. То есть в капитализм.

Во имя этого возвращения в капитализм отреклись от очень и очень многого. От созданного гигантскими усилиями и гигантскими жертвами великого государства. От советского образа жизни. И – от своего исторического пути.

Ведь проект под названием «капитализм» оказался, мягко говоря, очень трудно совместим с Россией как историко-культурной личностью.

Об этом достаточно убедительно говорил Ленин в своей ранней работе «Развитие капитализма в России». Но об этом же говорили противники Ленина из лагеря почвенников. И тоже достаточно убедительно.

Впрочем, дело не в том, кто именно и что говорил по данному поводу. Дело в исторической практике. Буржуазия Российской империи складывалась веками. И выдвинула из своих рядов выдающихся политиков и общественных деятелей. Но в решающий момент, после Февральской революции, эта буржуазия проявила потрясающие безволие и бездарность. За полгода она проиграла все. Ее поведение коренным образом отличалось от поведения буржуазии французской, английской и даже немецкой или итальянской.

Отличия были столь разительны, что неизбежно встал вопрос о причинах такой несостоятельности класса, которому история предоставила все мыслимые и немыслимые возможности.

Крах российской буржуазии после Февральской революции обернулся крахом страны, которую большевики с огромным трудом спасли от окончательной гибели. И ведь как спасли? Проводя радикально антибуржуазную политику. То есть отказавшись от сращивания исторической России с буржуазностью. Обнаружив какой-то непреодолимый тканевый барьер между этой самой буржуазностью и Отечеством.

Большевикам было некогда. Они не имели возможности ломать перья, объясняя, почему либо капитализм, либо Россия. И классический марксистский аппарат не позволял им философски осмыслить подобное «либо-либо». Ведь, согласно этому аппарату, любая страна должна пройти период капиталистического развития.

Большевики как раз и заявили, что Россия этот период уже прошла – худо-бедно, но как-то. В каком смысле прошла? Почему прошла?

Большевики не давали по этому поводу вразумительного ответа и не могли его дать.

Этим занимались их противники из почвеннического лагеря. Но и они не указывали дороги вперед. Фактически они просто воспевали феодализм, противопоставляя его духовности буржуазную бездуховность.

Большевики указали дорогу вперед. И повели Россию этой дорогой – радикально антибуржуазной и антифеодальной одновременно.

Но в чем же тайна несовместимости капитализма и России как историко-культурной личности? Идет ли речь только о несовместимости любой многонациональной империи с буржуазностью, всегда оборачивающейся «парадом буржуазных национализмов»? Или речь о чем-то более глубоком?

Ответ на этот вопрос особо нужен сейчас.

Наши противники из радикального либерального лагеря уже дали свой ответ. Они сказали: «Да, русский дух, русская культурная матрица несовместимы с капитализмом. Мы, может быть, и не понимаем почему. Но мы это признаем. Да мы и не хотим особо разбираться почему. Потому что нам ясно: либо капитализм, либо смерть. А значит, во имя жизни (то есть построения капитализма) мы будем разбираться с Россией, как повар с картошкой. Побуждать русский дух к мутации, менять ядро русской культуры, радикально трансформировать русскую культурную матрицу. А что еще можно сделать?» Так говорят либералы.

Но нам, хотя бы сейчас – в самый катастрофический для России период, период невероятной безысходности, – чтобы выйти из тупика, необходим внятный ответ на вопрос, ПОЧЕМУ Россия несовместима с капитализмом. В чем именно тайна этой несовместимости?

Признаем очевидное.

Двадцать лет назад Россия снова закрутила роман с капитализмом. На этот раз с еще более катастрофическими последствиями, нежели в феврале 1917 года. При этом катастрофа Февраля, она же катастрофа несостоятельности тогдашней буржуазии как господствующего политического класса, длилась чуть более полугода. Теперешний роман новой постсоветской России с новым капитализмом длится двадцать лет. За эти двадцать лет капитализм не создал ничего, а разрушил все.

Наши противники обвиняют в этом Россию, которая лишь имитирует согласие на брак с капитализмом. А на самом деле по-прежнему культивирует в себе сосредоточенную и упрямую антибуржуазность.

А раз так, говорят наши противники, то нужны любые, самые радикальные средства побуждения России к капитализму. Да-да, еще более радикальные, чем ранее. Десоветизация на манер денацификации, внеш-

нее управление. Если надо, то и расчленение. Все это – для вящей славы капитализма.

Ведь если он не состоится, причем по-настоящему, «без дураков», то последствия будут еще более ужасными, чем десоветизация, внешнее управление, расчленение и так далее.

Ведь только в капитализме спасение, только в нем выход, только он хоть что-то может как-то удержать на плаву.

Еще до того, как наша борьба с нашими противниками вступит в решающую фазу, нам нужно для самих себя получить четкий ответ на вопрос – так ли это. А может быть, наши противники правы? Может быть, действительно, только в капитализме спасение? Может быть, в этом случае и впрямь надо подавлять любыми средствами то отторжение, которое веками мешает обуржуазить Россию?

Для того чтобы получить честный и глубокий ответ на этот вопрос, нужна новая аналитика капитализма, которая существенным образом переосмыслит все, что связано с его прошлым, и даст возможность заглянуть в его будущее.

При этом нам нужна не антикапиталистическая пропаганда и агитация. Нам нужен теоретический аппарат, позволяющий ответить честно на вопрос о сути и перспективах капитализма. А значит, и о том, в чем состоит вывод России из нынешнего ее кошмарного состояния? В том, чтобы любой ценой капитализировать страну, или в чем-то другом?

Не будем предвосхищать ответ на этот вопрос.

Не будем работать под идею.

Исследуем капитализм с предельной научной честностью, опираясь на тот аппарат, который учтет все: и объективные достижения западного капитализма, и крах антикапиталистического СССР, и унижительный кошмар последнего капиталистического двадцатилетия.

Глава 2. Отречение и отреченцы

Двадцать лет назад под лозунгом возврата в мировую цивилизацию (то бишь в капитализм), под лозунгом ускоренного обретения «нормальной жизни» (то бишь капитализма) произошло фундаментальное отречение от собственного исторического пути во имя ускоренного построения «светлого капиталистического будущего».

Особый цинизм состоял в том, что это отречение было оформлено как возвращение к исконным национальным традициям, которые растоптали «гады-большевики».

Отреченцы дозированно использовали досоветскую символику и семантику. Расчленив империю и растапывая все ценности, которые ее создали, отреченцы предъявляли народу антисоветский псевдоимперский суррогат. Они фактически не скрывали при этом, что речь идет именно о

суррогате, который должен примирить с их новой политикой широкие слои российского общества.

При этом отреченцы не скрывали своего презрения к этим самым широким слоям. Воодушевленные тем, что «слои» уже поддержали их, выбрав Ельцина в июне 1991 года президентом РСФСР, отреченцы относились к поддерживавшему их населению как к быдлу, «пиплу», который «схавает» любой суррогат.

Можно и нужно обсуждать причины, по которым вот уже двадцать лет в России длится страшный сон отреченчества. И нельзя не признать очевидное: этот сон не мог бы длиться так долго, если бы Россия не получила страшные повреждения.

Сон отреченчества беспрецедентно долог. Его последствия кошмарны и унижительны. Это касается всего: образования и здравоохранения, промышленности и сельского хозяйства, обороны и безопасности, правопорядка и демографии.

Все это не позволяет отмахнуться от вопроса о том, жива ли страна вообще. Оставим дежурных оптимистов наедине с теми, кто дежурно внимает их дежурным восклицаниям по поводу того, что Россия «встала с колен». И честно спросим себя, идет ли речь о невероятно долгом и кошмарном сне или же о смерти страны?

Задавшись этим вопросом, не будем играть в поддавки. А будем тщательно измерять параметры, которые позволяют получить правдивый ответ на этот страшный вопрос. И признаем, что Россия, встав на капиталистический путь уродливым, как никогда, образом, получила страшную травму. Но тем не менее она жива. И понемногу выходит из своего двадцатилетнего сна, весьма похожего на коматозное состояние.

Не надо сладких иллюзий. Россия еще не проснулась полностью. Она по-прежнему колеблется между жизнью и смертью. Весьма велика возможность, что силы, которым нужна именно смерть России, добьются искомого. Но, как бы велика ни была эта возможность, шанс на жизнь у России есть. И этот шанс необходимо использовать полностью. Непростительны здесь любое безволие, любая апатия, любые ссылки на бесконечную слабость друзей России и бесконечную силу ее врагов.

Но что должно быть предложено России, которую капиталистический соблазн уже довел до коматозного состояния? Тот же капитализм, но в неизмеримо большей дозе плюс подавление всего антикапиталистического? А если антикапиталистична вся традиция? Тогда ее надо подавлять всю целиком? Но что тогда останется от России?

Глава 3. На подступах к методу

Нам нужен метод, способный в полной мере раскрыть содержание современной эпохи. Ведь именно от ответа на вопрос об этом содержании зависит все остальное.

Дает ли эта эпоха шанс чему-либо, кроме капитализма? И если да, то чему?

Понятно, что если такого шанса нет, то крах России фактически неизбежен. А если что-то и сохранится в результате мутации духа, смены ядра, ломки культурной матрицы, то сохранившееся уже не будет Россией. Но если такой шанс есть, то может ли Россия им воспользоваться?

Уже на подступах к ответу, который носит буквально судьбоносный характер, надо договориться о методологии, позволяющей получить искомый ответ, не поддаваясь ни соблазну пропагандистского упрощенчества, ни соблазну бесконечных академических умствований.

Политическая методология имеет три базовых элемента – честность, ум и волю. Именно от честности, ума и воли тех, кто ищет выход из тупика, зависит, удастся ли из этого тупика действительно выйти.

Начнем с честности. Весь мир говорит о том, что Россия проиграла «холодную войну». И что державы-победительницы ведут себя теперь с Россией так, как и подобает вести себя победителям с побежденным. Неужели у нас до сих пор не хватает честности на то, чтобы признать: «Да, налицо именно факт унижительного, чудовищного разгрома»?

Чего мы боимся, прячась от очевидности? Того, что эта очевидность раздавит так называемые здоровые силы? Здоровые силы – это стойкие силы. Поэтому бояться тут нечего. Тот, кого подобное признание может раздавить, и так будет раздавлен при первых же серьезных испытаниях.

Итак, издержки минимальны, а приобретения огромны. Признание факта унижительного, чудовищного поражения мобилизует стойких, мужественных людей. Пережив этот факт по-настоящему, такие люди не сломаются, а, напротив, обретут особые силы. Воистину «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат».

Признание своего поражения, переживание поражения как величайшей трагедии станет этим тяжким млатом. В огне особого переживания, которое с эпохи Древней Греции и поныне называют «катарсис», родится булат – новый человеческий материал, который один лишь может спасти Россию от почти что неминуемой смерти.

Обсудив то, что касается честности, перейдем к уму.

Проиграла ли Россия в 80-е годы XX века «холодную войну»? То, что она проиграла какую-то войну, безусловно. Но была ли эта война той канонической «холодной войной», о которой говорили классики антисоветизма?

Один из умнейших антисоветчиков, Збигнев Бжезинский, написал книгу «Победа без войны». Тем самым он подчеркнул, что состязание, проигранное Россией, носило более сложный характер, чем классическая война, пусть даже и холодная. Нам абсолютно необходимо понять, какое именно состязание мы проиграли. Тут недопустима никакая неточность. Потому что враг намерен повторить все те же приемы и добить Россию окончательно. Нам нужна поэтому полная – глубокая и беспощадная – аналитика явления, именуемого перестройкой. Тем более, что все уже понимают: России теперь, двадцать лет спустя, навязывается новая перестройка, «Перестройка-2». И именно эта перестройка, коль скоро ей не удастся дать отпор, станет окончательной русской смертью.

При всей важности таких понятий, как «интеллектуальная война», «диффузная война» и так далее, наиболее глубоким и адекватным сути дела понятием является Игра.

В конце 80-х годов Россию не победили – ее обыграли. Осознание этого обстоятельства немедленно приводит к обнаружению ключевого противоречия нашей эпохи – противоречия между Игрой и Историей. Никогда в предшествующие тысячелетия подобное противоречие не достигало такого накала и такой беспощадности.

Конечно же, знаменитая статья «Конец истории», написанная двадцать лет назад американским политологом Френсисом Фукуямой, бессодержательна, как все модные тексты. Но почему эта статья стала столь знаменитой? Почему она фактически превратилась в идеологию глобализма и даже чего-то большего?

Потому что проблема конца истории бесконечно более глубока и трагична, чем статья с одноименным названием, написанная по гарвардским банальным клише. Конец Истории – это начало всевластия Игры как манипулятивных комбинаций, создаваемых элитой в условиях отсутствия народной воли, отсутствия народа как такового. Ведь именно народ творит историю, и именно история создает народ как творца истории.

Те, кто разрушал двадцать лет назад Советский Союз, воевали не только с СССР как геополитическим противником и с коммунизмом как идеологическим противником. Они воевали с историей как таковой. Для борьбы с историей были опробованы совершенно новые технологии, созданные в лоне политического постмодернизма, ненавидящего и историю, и большие идеологические проекты, с помощью которых осуществляется историческое движение. Все это – и даже проект «Человек».

Война с СССР и коммунизмом была войной с историей и человеком. А значит, войной с гуманизмом и развитием.

СССР и коммунизм оказались ключевыми и одновременно слабыми звеньями в исторической цепи. Демонтаж СССР и коммунизма – всего лишь пролог к демонтажу истории и человечества.

Признаем же унижительность поражения.

Поймем могущество и коварность своего врага, масштабность его злых помыслов, окончательность его антигуманных проектов.

Признав унижительность поражения и поняв масштаб того зла, которому мы проиграли, осознаем и масштаб утраты. Ведь одним из решающих слагаемых в победе врага было созданное врагом состояние умов и сердец, в котором исчезло само понятие «утраченное».

Ибо утрачивалось советское. А советское было представлено как позорная, кровавая патология, лишенная какого-либо позитивного содержания вообще. Ну может ли такая патология переживаться в качестве утраты? Да нет! Если прошлое – это ужас, то разрыв с прошлым – это счастье. «...Те, кто говорил, что прошлое – это не ужас, нам лгали, лгали, лгали! Они скрывали правду от нас!.. А теперь наконец-то мы эту правду обрели! Мы прозрели! Мы отрекаемся от прошлого, каемся за него!» – вот что, по сути, звучало рефреном в головах многих наших соотечественников.

Такое отречение от прошлого дополнялось крайне специфическим образом счастливого будущего. С каждым новым витком катастрофы, порожденной отреченчеством, становилось все яснее, что образ будущего носит беспрецедентно материалистический, по сути, глубоко антидуховный характер. Что в этом будущем вместо «рая на земле» должны появиться райки и раечки – джинсовые, колбасные и иные.

Итак, отречение от прошлого вообще, от свойственной прошлому идеалистичности – и подмена идеальности как таковой чечевичной похлебкой райков и раечков. Вот в чем был замысел врага. Вот за счет чего он хотел добиться окончательной цели. Враг преуспел в этом замысле. Но окончательной победы над Россией и историей как таковой он пока еще не добился. И потому злобствует. Потому рвется к новым десталинизациям, десоветизациям, новым перестройкам и перестроечкам.

Пережив поражение и поняв его масштаб, мы должны спросить себя, смиряемся ли мы с поражением.

Тем самым проблемы чувства и ума дополняются третьей проблемой – проблемой воли.

Сегодня эта проблема является ключевой. Перед теми, кто всерьез готов продолжить борьбу, стоят задачи неслыханной сложности. И им отведено совсем немного времени для того, чтобы эти задачи решить.

Если готовые бороться воспримут себя как данность, как то, что есть, и только, если они не будут преобразовывать самих себя, ставя на место унылой данности процесс собственного восхождения, собственного самопреобразования, новая схватка будет неминуемо проиграна. Причем проиграна окончательно.

И тут к трем рассмотренным нами методологическим факторам – честности, уму и воле – добавляется основной и решающий суперфактор. Имя ему любовь.

Есть ли у тех, кто хочет бороться за Россию, эта любовь? Не любовь вообще, а любовь предельная и окончательная, творящая чудеса? Чему (или, точнее, кому) адресовано это чувство? Одеждам, в которые облачаются историко-культурная личность? Или самой этой личности? И что есть эта личность? Как не расчленить ее, умертвляя научной понятийностью? И как не впасть в другую крайность – в нестойкий и бесплодный мистический экстаз?

Тайна не раскрывается в манифестах. Тайна требует таинства. Поэтому, оговорив всю важность преобразующей любви – любви предельной и окончательной, будем исходить из того, что эта любовь уже есть. И спросим себя: если она есть – что дальше?

Дальше речь идет именно о ее возвышающей, преобразующей силе.

Честность говорит, что любимое гибнет.

Любовь требует, чтобы ты спас гибнущее.

Честность говорит, что ты – такой, как ты есть, – ничего не можешь.

Любовь говорит, что ты должен.

Конфликт между «должен» и «не могу» все более накаляется и кажется все более безысходным. Наконец, ум подсказывает выход: «Это ты такой, как ты есть, не можешь спасти любимое. Но поскольку ты обязан это сделать, то ты просто должен стать другим. И этот "ты-другой" решит задачу, которую "ты-наличествующий" решить не можешь».

Реванш – это признание поражения и готовность победить в будущем. Не болтать о победе, а победить. Поскольку Россию обыграли в сложнейшей игре, поскольку ей вновь навязывают сложнейшую игру, то реванш заключается в том, чтобы выиграть. Но поскольку игра сложнейшая, то выиграть можно только в полной мере поняв игровые правила, принципы ведения игры и многое другое.

Понять все это надо не только умственно, но и тотально. То есть так, как понимают люди, которым самим предстоит вести игру и побеждать.

Игра не просто сложна и коварна. Она отвратительна. Все твоё существо отторгает подобное тотальное понимание. Тем более что степень сложности требует тут высочайшего и явно у тебя отсутствующего профессионализма. А большинство из тех, у кого профессионализм есть, уже предали и перебежали на сторону противника.

Но, поскольку спасти любимое можно только выиграв эту игру, ты постигаешь все, что тебе нужно для этого выигрыша. Ты становишься специалистом так, как становится медиком мать, желающая спасти своего ребенка. При этом ты реально становишься другим. Честность, ум, воля и

любовь преобразуют тебя. И в этом преобразованном состоянии ты уже можешь решить поставленную задачу.

Это не магия и не мистика. Наиболее очевидная для всех форма самозменения – это образование. Как образование вообще, так и самообразование. Задача политического образования и самообразования приобретает в нынешней ситуации крайне актуальный характер.

Для спасения страны нужны тысячи и даже десятки тысяч по-новому политически образованных людей, связанных узами глубокого взаимопонимания как нравственного, так и теоретического. Людей, прошедших одну большую политическую школу. В чем-то подобную знаменитому ленинскому Лонжюмо, но неизмеримо более глубокую, подробную и массовую.

Разговоры о спасении нужны лишь постольку, поскольку на их основе сформируются отряды спасателей. Маркс был прав: ученые слишком долго объясняли мир, тогда как дело в том, чтобы его изменить.

Но ведь, констатируя это, Маркс не отказался от объяснений, не правда ли?

Глава 4. Мы и наши предшественники

Создавая «Коммунистический манифест», Маркс анализировал буржуазию своего времени.

Настало время для анализа совсем другой буржуазии. Буржуазии нашего времени.

Для анализа буржуазии своего времени Маркс использовал созданный им понятийный аппарат. Этот аппарат не потерял значения и поныне. Но считать этот аппарат универсальным, одинаково применимым во все времена и с одинаковой полнотой описывающим все стороны интересующего нас явления, безусловно, нельзя. «Капитал» Маркса, другие работы самого Маркса и его последователей фокусируют внимание на важнейшем факторе – факторе материального производства. Или, иначе говоря, законах той искусственной материальной среды, которую способен создать и развивать только человек. И которая, будучи отчасти подвластна человеку, одновременно властвует над ним.

Макс Вебер спорил с Марксом не как с коварным злодеем, а как с величайшим ученым, сумевшим блестяще проанализировать ключевой фактор – материальное производство. Признавая колоссальную важность самой этой искусственной материальной среды и действующих в этой среде закономерностей, Вебер убеждал сторонников Маркса рассмотреть в качестве другого независимого фактора общество. То есть не материальную, а социальную среду – столь же искусственную, как и материальная среда, создаваемая человеком. И имеющую свои законы, как создаваемые человеком, так и властвующие над человеком.

Человек создает общество как систему регуляторов, утверждал Вебер. Эта система регуляторов носит исторически преходящий характер. История есть смена типа регуляторов. А значит, и типа общества. Искусственную материальную среду создает и контролирует не отдельный человек. Ее создает и контролирует организованное в сообщества (то есть общества) человечество.

Но разве Маркс не говорил о социальности человека?

Безусловно, говорил. Причем с предельной определенностью.

Все дело в том, что Маркс не хотел признавать систему общественных регуляторов (в его терминологии – надстройку) отдельным фактором, хоть отчасти автономным от искусственной материальной среды (в его терминологии – базиса).

Для Маркса, как и для Эйнштейна или Фрейда, наличие ряда равнозначимых факторов было неприемлемо, если можно так сказать, эстетически. Этим трем великим ученым обязательно нужно было вывести все законы из одного источника. Неважно, какого именно: эйнштейновской кривизны пространства-времени, марксовской теории труда или фрейдовского Эроса. В конце жизни и Эйнштейн, и Фрейд отказались от принципа выведения мира из одного фактора. Эйнштейн фактически признал темную энергию, Фрейд – Танатос. Но Маркс не дожил до XX века с его далеко идущими и очень мрачными коррективами. Стал ли он сам что-то под конец пересматривать и что именно – это вопрос открытый.

Стремление Маркса вывести все из одного принципа, создав именно монистическую, а не какую-то другую теорию, предопределило крайне сложное отношение Маркса к современной ему имперской России. Решив заниматься Россией отдельно, Маркс тем самым уже встал на путь отказа от методологического и теоретического монизма. И никто не знает, как далеко продвинулся бы он на этом пути.

Но именно неокончателность движения Маркса по этому пути не позволяет полностью опереться на его теоретические положения ни в вопросе о содержании современной эпохи, ни тем более в вопросе о шансах России в XXI столетии.

Насущно необходим синтез Маркса и Вебера. Аналитика искусственной среды, создаваемой и развиваемой человеком, должна быть не отменена, а дополнена аналитикой социальной среды, определяемой системой регуляторов.

Только на такой основе возможна и аналитика современного капитализма, и прогностика, то есть определение перспектив этого капитализма. А значит, и ответ на вопрос о содержании современной эпохи. Маркс многое раскрыл и поразительно многое предугадал. Но ведь не все же он раскрыл и не все предугадал.

Марксизм сыграл сложнейшую роль в жизни советского общества. Он создал это общество. Он помог этому обществу решить очень многие задачи. Но он и затормозил это общество в своем развитии.

Советские идеологи боялись развития марксизма. Они всячески блокировали это развитие, считая, что устойчивость советского общества определяется каноничностью идеологии, в которой Марксу уготована роль мудреца на все времена. Но марксизм был предельно не пригоден для создания канона и каноничной идеологии.

Канонизация Маркса стала одной из черт советского общества. Другой чертой стал оголтелый антимарксизм – как почвенный, так и либеральный (попперовский). Третьей чертой – произвольные трактовки марксизма, подчиненные политической борьбе советских элитных кланов. Все это не позволяло нам дать адекватный ответ на новые вызовы.

В советскую эпоху синтез Маркса и Вебера не произошел по причинам сугубо политическим. Он был идеологически не нужен. И потому волевым образом отменен. Вопреки научной необходимости. Вопреки тому, что все предпосылки для этого синтеза уже были созданы.

В меньшей, а возможно и большей, степени были созданы и другие предпосылки. Ибо, помимо искусственной среды (которую человек создает и развивает и которая влияет на самого человека), помимо социальной среды (которую человек, опять-таки, создает и развивает и которая, опять-таки, влияет на самого человека), есть еще и сам человек. Как автономный фактор, ничуть не меньший по значению, чем техносфера и социум.

Человек, развивая материальную среду и социум, развивает и самого себя.

Человек, подчиненный законам материальной среды и социальным законам, подчинен еще и закономерностям культурно-антропологического характера.

Эти закономерности достаточно подробно рассмотрел один из величайших психоаналитиков и философов XX века Эрих Фромм. При этом Фромм восхищался Марксом, а не опровергал его. Он называл Маркса одним из величайших умов человечества. Он хотел дополнить марксизм автономным человекознанием. И он знал, как именно осуществить подобное дополнение.

Новый аппарат, включающий эти дополнения, а также многое другое (скрытую метафизическую полемику Маркса и Гегеля, теологическую аналитику исторического материализма Вальтера Беньямина, «Тектологию» Богданова и так далее), позволяет по-новому оценить содержание современной эпохи. В теоретическом плане предстоит еще сделать очень и очень многое. Но о содержании эпохи уже сейчас можно говорить с

достаточной определенностью. И тут, конечно, решающее значение имеет синтез Маркса и Вебера.

Глава 5. Капитализм реальный и иллюзорный

Крах капиталистических иллюзий – вот в чем принципиальная новизна современной эпохи.

А ведь именно на этих иллюзиях строился проект ускоренного построения капитализма в России. А значит, и демонтаж СССР, советской системы, мировой коммунистической системы, мирового идеологического и политического баланса сил. Все это решено было демонтировать ради того, чтобы скорее запрыгнуть пусть даже в самый убудочный, но все же капитализм.

Когда-то Илья Эренбург написал роман «Трест ДЕ», имея в виду некий политический трест, провозгласивший лозунг «Даешь Европу!».

СССР, советский образ жизни, весь альтернативный капитализму мировой проект раскурочили создатели «Треста ДК» («Даешь капитализм!»).

Создатели этого Треста утверждали, что только в капитализме спасение. Они говорили: «Плевать на то, насколько капитализм совместим с Россией. Нечего с этой самой Россией цацкаться. Если капитализм с нею несовместим, тем хуже для нее. Ибо только в капитализме спасение».

Аргументы создателей «Треста ДК» оказались очень убедительны и соблазнительны для наивного советского общества. Но то, что общество приняло за горькую правду, к 2008 году окончательно обнаружило свою иллюзорность.

Капитализм как безальтернативный уклад, как окончательный итог человеческой истории – это иллюзия. Пропаганде этой иллюзии послужила достаточно элементарная на первый взгляд, но имеющая далеко идущий подтекст статья Френсиса Фукуямы «Конец истории».

Теперь мы видим, что нет никакого конца истории в том смысле, в каком его понимают Фукуяма, неогегельянцы, у которых Фукуяма учился, и авантюристы, превратившие опус Фукуямы в политический флаг так называемого глобализма.

Что нет ни этого конца истории, ни конфликта цивилизаций, провозглашенного Хантингтоном – консервативным собратом Фукуямы, который взялся концептуально окормлять Демпартию США.

Но что же есть?

Мы уже констатировали, что налицо крах капиталистических иллюзий. Тех самых иллюзий, которые породили самый горький и унижительный период нашей истории.

Период перестройки и постперестройки: «Долой "совок" во имя капитализма!»

Период самоизмены: «Упирались рогом, не хотели капитализма, доигрались, пора опомниться!»

Период отказа от собственного исторического пути: «Зачем нам этот самый путь, если есть одна-единственная капиталистическая историческая магистраль?»

Период низменных и надрывных капиталистических упований: «Раз оплошали, не на ту карту поставили, то выбросим фантазии на свалку и хоть наедемся досыта да развлечемся по-настоящему».

То, что казалось реальностью, оказалось иллюзией.

То, что казалось иллюзиями, оказалось реальностью, отброшенной с катастрофическими результатами во имя рухнувших, рассыпавшихся иллюзий.

Зафиксировав это, зафиксируем и другое.

Что об этом крахе иллюзий предупреждалось еще в концептуально-аналитическом манифесте «Постперестройка». Ровно двадцать лет назад предупреждалось: «Не принимайте иллюзии за реальность!».

Ровно двадцать лет назад говорилось и об иллюзорности победы мирового капитализма, и о страшных последствиях затеи, планируемой в России «Трестом ДК».

Увы, вопреки этим предостережениям общество поддалось упоительному пению капиталистических сирен, поднятых для грязной пиар-работы этим самым «Трестом ДК».

Теперь хозяева Треста невероятно обогатились, а все остальные кусают локти. Но ведь иначе и не могло быть. Ибо оказался построен тот самый мафиозный псевдокапитализм, о котором говорилось в «Постперестройке». Ибо рухнули те самые глобальные капиталистические иллюзии, которые обсуждались в этой книге. И обрушение произошло именно по тому сценарию, который был в ней описан.

И если хотя бы сейчас не опомниться, то все будет развиваться именно по этому абсолютно губительному для России, да и для мира, сценарию. А значит, надо опомниться хотя бы сейчас.

Сейчас или никогда. Такова цена обсуждаемого вопроса.

Если и сейчас, в условиях колоссальной разочарованности историческими результатами последнего десятилетия, страна не найдет в себе силы для преодоления навязанной ей стратегии отречения от собственного исторического пути, крах неизбежен. И он не заставит себя долго ждать. Если Россия не сумеет опомниться сейчас, она исчезнет с карты мира до 2020 года.

Глава 6. Будущее «Треста ДК»

В противоположность тому, что здесь утверждается, «Трест ДК» упорствует, настаивая на том, что альтернативы капитализму нет. А зна-

чит, этот капитализм надо достраивать, наплевав на все издержки, сколь бы велики они ни были.

Верит ли сам «Трест ДК» в свою историческую правоту?

Прочитайте внимательно все его псевдоконцептуальные документы. Ознакомьтесь с идеями авторов «Стратегии-2020» (и дополнениями к «Стратегии-2020»), «Стратегии-2030» (и дополнениями к стратегии «Стратегии-2030»), стратегии демократической модернизации, стратегии интеллектуализации экономики («4И», «5И» – кто больше?)...

У вас все это не вызывает чувства предельного разочарования и крайней неловкости?

Разумеется, вызывает. Но ведь речь идет не о большей или меньшей глубине мысли отдельных сочинителей. Речь идет о фиаско «Треста ДК».

Вот почему в заказанных им документах нет ни слова правды.

Вот почему в них нет ни желания признать катастрофичность наличествующего, ни воли к преодолению тех тенденций, которые усугубляют катастрофичность уже не год от года, а день ото дня.

«Трест ДК» по-прежнему не верит в то, что некапиталистичность России – это не уродство, а нечто совсем другое. Вот почему его сирены в лучшем случае могут сменить интонацию своего пения. Но и не более того.

Неверие в историческую, глобальную значимость всего того, что сделало Россию непохожей на своего западного исторического оппонента (а также тех, кто оппоненту этому подражает), не позволяет выработать стратегию выхода из нынешнего губительного состояния. Ибо само это состояние как раз и порождено подобным неверием.

Нет веры – нет любви, нет надежды. Но тогда, конечно, нет и полноты ответственности. А без нее – откуда возьмутся силы для преодоления макросоциальных тенденций, несовместимых с жизнью страны?

Откуда возьмется элементарное желание всерьез говорить о серьезном?

Концептуальные документы Треста несерьезны, и это фундаментальная их особенность, связанная с тем, что никто из творцов этих документов ни на минуту не сомневается в том, что документы – сами по себе, а процессы – сами по себе. Не пряча даже на людях саркастические улыбки, творцы этих документов совсем уж не стесняются, когда ведут так называемые «интеллектуальные дискуссии». Тут все говорится напрямую. Мол, пульса нет. А на нет и суда нет. Раз пульса нет, то надо болтать и готовить «свал».

Итак, официоз не хочет и не может преодолеть губительные тенденции. Ибо они порождены тем, от чего официоз никогда не откажется и что ему гораздо дороже жизни страны. А коль скоро официоз не хочет и не может преодолеть губительные тенденции, крах неминуем.

Официозу на этот крах наплевать. Нам – нет.

Официоз не хочет обустроить Россию. Он хочет обустроиться в своих зарубежных поместьях и оттуда наблюдать крах России так, как зритель наблюдает увлекательное театральное представление.

Официоз сильно ошибается во всем, что касается собственного обустройства на Западе. Но тем хуже для него. Мы же обустроиваться на Западе не собираемся. Мы хотим победить вместе со страной или погибнуть вместе с нею. И мы верим в победу. Мы не ищем себе отдельной уютной гавани. Россия – тот корабль, с которого мы не побежим.

Да, этот корабль находится в плачевном состоянии. Да, впереди ужасные испытания. Ну и что?

Мы принимаем вызов. И потому обращаемся к обществу с этим манифестом, взыскующим исторической, глобальной ответственности.

Мы адресуем свой манифест тем, кто прозрел. Кто уже понял всю постыдность и губительность «импульсов», благодаря которым Россия сбилась со своего исторического пути. Кто хочет вернуть Россию к самой себе – к собственной правде и подлинности.

Остальные тоже прозреют, но слишком поздно. Вот почему так важно, чтобы прозревшие сейчас нашли в себе силы для стратегического ответа на страшные вызовы. Чтобы уже сейчас были полностью осмыслены гримасы последнего двадцатилетия. Чтобы были извлечены фундаментальные уроки. Чтобы произошедшее не повторилось более никогда. И чтобы в этом «никогда» было искупление позора последнего двадцатилетия.

На основе извлеченных уроков нужно незамедлительно выработать новый концептуальный и стратегический курс. Он же – новый исторический проект, спасительный и для России, и для всего человечества.

Но проекта мало. Нужен субъект, который способен этот проект осуществить.

Проект – сейчас или никогда.

Субъект – сейчас или никогда.

Сейчас или никогда – главный лозунг нашей эпохи. Потому что потом уже будет поздно. Потому что потом уже не будет никакого «потом» для тех, кто любит Россию.

Тем, кто осознал все это или готов к подобному осознанию, – наш новый и последний манифест.

Мы обосновали уже, почему «последний».

Почему «новый», мы обоснуем сейчас.

Глава 7. Только ли крах иллюзий?

Продолжая обсуждать содержание современной эпохи, мы категорически отказываемся сводить ее к констатации краха капиталистических

иллюзий. Нужна аналитика, позволяющая выявить генезис этого краха, его структурно-функциональные особенности, его последствия и возможные пути выхода из него.

Именно для этого нужна методология, основанная на синтезе Маркса и Вебера. Результаты ее применения к анализу современной ситуации таковы.

Буржуазия как класс сформировалась в недрах феодального общества.

Феодализм допускал и даже поощрял создание подобного класса.

Феодалам нужны были кредитуемые их торговцы. Но еще больше им нужны были зачатки будущего промышленного производства.

Рыцарь не мог обойтись без кующего ему доспехи оружейника. Королю для победы в войнах нужны были не только пики и мечи, но и мушкеты, пушки, корабли. А также многое другое.

Задолго до победы капитализма сформировался неизбежный исторический компромисс между феодалами и буржуа. Успехи науки и техники, порожденный этим рост промышленности постепенно склоняли чашу весов в сторону буржуа.

Политическим оформлением этой тенденции стали великие буржуазные революции. Но они – при всей их беспощадности и радикальности – лишь дооформили то, что уже имело место. Буржуазия к этому моменту уже полностью состоялась. Буржуазные семьи восходили по лестнице успеха, исповедуя дух скромности, трудолюбия и законопослушания. Этому способствовало оформление в недрах христианства новой религии – протестантизма.

Нельзя никоим образом приукрашивать триумфальное шествие к власти класса капиталистов. Этот класс никогда не чурался грабежа. Многие буржуазные состояния формировались на основе торговли рабами, пиратства, чудовищного ограбления колоний. И все же тот фундамент, на котором было возведено величественное здание западного, а впоследствии и восточного капитализма, не был криминальным.

«Мы трудимся, а вы занимаетесь кутежами», – говорили буржуа феодалам.

«Мы живем скромно, а вы утопаете в роскоши», – говорили они, демонстрируя свои скромные коричневые сюртуки, свой экономный образ жизни, свою культуру, свои жилища.

Какие бы криминальные черты ни населяли тихий омут восходящей буржуазии, суть этой буржуазии была антикриминальной.

«Это феодал добывает деньги разбоем или дворцовым угодничеством, а мы трудимся, копим деньги, передаем свои скромные накопления детям, которые накапливают больше таким же честным трудом, – и так из поколения в поколение», – вот что говорили буржуа всем другим слоям феодального общества. Сказанное не было ложью. Общество имело кон-

ПОСЛЕ КАПИТАЛИЗМА

кретные социальные доказательства того, что честный труд, цепкость, ум, расчетливость, способность к продуманному риску являются основополагающими чертами нового восходящего класса.

Сравним все это с проектом нашего «Треста "Даешь капитализм!"».

В советском обществе, в отличие от общества феодального, буржуазия не могла формироваться в виде нового законопослушного класса, имеющего свои нормы, свои ценности, свои принципы, свои идеалы и, наконец, свой Проект.

Сколько денег мог накопить за свою жизнь законопослушный советский высокооплачиваемый специалист? Мог ли такой, сколь угодно высокооплачиваемый, но законопослушный специалист накопить хотя бы миллион рублей? Даже если академик откладывал по тысяче рублей в месяц (а это почти фантастический вариант) и осуществлял свою деятельность, находясь в статусе академика, 30 лет (а это тоже почти фантастический вариант), он мог накопить 360 тысяч рублей.

Представители творческой интеллигенции – писатели, кинорежиссеры, киносценаристы, художники и так далее, – проявив все качества пушкинского скупого рыцаря, могли, наверное, накопить несколько больше. Но в истории СССР нет представителей этих профессий, проявлявших подобные качества и тяготевших к подобным накоплениям.

Внимательный анализ перечня всех высокооплачиваемых профессий показывает, что законопослушный слой советских граждан, обладавших высокой и сверхвысокой способностью накапливать средства, вряд ли превышал тысячу человек. А совокупный потенциал накопления, безусловно, не превышал 1 миллиард рублей.

Между тем для осуществления проекта «Треста ДК» нужно было ускоренно скупить основные фонды, стоившие гораздо больше триллиона рублей.

Тем самым Трест должен был либо отказаться от своего проекта ускоренного построения капитализма в России, либо допустить скупку основных фондов далеко не законопослушными гражданами, принадлежащими к трем категориям.

Первая – так называемые цеховики. Это советские граждане, работавшие на грани или за гранью нарушения закона. Чаще всего за гранью. И все же это была самая законопослушная из тех групп, на которые «Трест ДК» мог опираться в своем проекте. Потому что представители этой группы хоть что-то производили. Пусть левым способом, пусть из незаконно добываемого сырья. Кроме того, представители этой группы, все время находясь в зоне крайнего риска, обязаны были в какой-то степени дистанцироваться и от местного коррумпированного аппарата, и от сто процентного криминала, теснейшим образом связанного с отечественными

ми спецслужбами. В противном случае цеховик погибал или сгнивал в тюрьме.

Расшаркиваясь и перед криминалом, и перед коррумпированными чиновниками, цеховик не мог себе позволить оказаться в предельной зависимости от данных категорий своих коллег. Много ли цеховиков преуспело за годы реализации проекта «Треста ДК»? В лучшем случае речь идет о десятках по-настоящему преуспевших представителей этой категории.

Вторая категория – ничего не производящие спекулянты. В советском обществе существовала жесткая социальная регуляция цен. Поэтому любой советский торговец, решивший продавать свои товары хотя бы на рынке, имел огромную прибыль, ничего не создавая. Если первую категорию можно назвать темно-серой, то вторая уже относится к черной.

Третья категория, совсем уж черная, это воровские общаки.

Выводя за скобки более сложно построенные начальные капиталы (спецслужбистские в том числе), мы приходим к выводу, что приватизация, осуществленная «Трестом ДК», была по определению криминальной. Но и выведенные нами за скобки более сложно построенные начальные капиталы тоже были криминальными.

Итак, буржуазия, которая медленно возрастала в недрах феодализма, – вне зависимости от того, идет ли речь о буржуазии западной или восточной, – была по существу некриминальной. А буржуазия, которую возвращал «Трест ДК», была криминальной. И не могла быть другой.

Продажа предприятий за бесценок или даже раздача их даром, конечно, имели место. Но и этот тип приватизации ничего не менял по существу в «цвете» ускоренно создаваемого российского капитализма.

Уже одно это радикальнейшим образом отличало создаваемый в России капитализм от капитализма сколь-нибудь нормального. Хотя и этот, так сказать, нормальный капитализм тоже был по сути своей грабительским. И зачастую предпринимались самые радикальные усилия для того, чтобы сдерживать крайние и абсолютно разрушительные проявления его грабительской сути.

Хозяева «Треста ДК» возвращали не нормальный (хотя и несовершенный, как все другие уклады) капитализм. Они возвращали криминального монстра. Возвращали псевдокласс-пожиратель. Они его растили. Класс стал пожирать все и вся. И занимается этим все двадцать лет, причем по принципу «аппетит приходит во время еды».

Могли этого не понимать создатели «Треста ДК»? Безусловно, не могли. Но они создали именно то, что и хотели создать, – смерть России. Пусть они не лгут, что хотели спасти Россию, приобщая ее к капитализму. Не этим они занимались, осуществляя свой, по сути, ликвидационный проект.

Сопоставив тип накоплений, сопоставим и остальное.

Ведь существует так называемый этап первоначального накопления капитала. В классических случаях медленного формирования капитала в недрах феодализма в первоначальном накоплении может преобладать «белое» слагаемое. Хотя всегда присутствуют и другие. Но если капитал формируется быстро, то доли «серого» и «черного» слагаемых естественным образом увеличиваются на первой фазе – фазе первоначального накопления. А потом возникает острейшая необходимость выйти из этой фазы. Оторвать накопившийся капитал от криминальной пуповины. Если этого не сделать быстро и беспощадно, государство, в котором господствующим является капитал, не вышедший из первоначального накопления, становится не криминализованным, а криминальным.

Криминальное государство не может быть устойчивым по определению. Оно не может сосуществовать с нормальными, пусть и криминализованными, но не криминальными государствами.

Грань между криминальным и криминализованным государством – это грань между жизнью и смертью. Криминальные государства уничтожаются беспощадно. Пример – уничтожение пресловутых пиратских королевств. Даже если этого не происходит, криминальные государства уничтожают сами себя. Но обычно их, как разносчиков смертельного заболевания, уничтожают те, кто с ними соприкасается.

Могли ли не понимать этих азов создатели «Треста ДК»? Нет, они не могли всего этого не понимать. Но они делали все, чтобы российский капитализм не вышел из стадии первоначального накопления. Они всячески поощряли все виды его криминализации. И они добились своей цели. Класс мутировал окончательно, пустив метастазы во все институциональные оболочки.

Налицо опять же не воля к построению капитализма, а воля к уничтожению России криминальным псевдокапитализмом. Через передачу этому криминальному псевдокапитализму всех функций господствующего субъекта. И – превращение государства в криминального монстра.

Предупреждал ли манифест «Постперестройка» о том, что так произойдет? Безусловно.

Произошло ли это? Конечно.

Произошло ли это случайно или по глупости? Ни одним образом.

Является ли ситуация обратимой? При том, повторяем, что исторической России присуще мощное отторжение любого, даже некриминального капитализма.

С прискорбием должны констатировать, что никаких реальных ползновений к тому, чтобы исправить ситуацию, у нынешней власти нет. На повестку дня даже не ставятся очевидные задачи, вытекающие из всего вышеизложенного. Например, задача выхода из смертельно затя-

нувшейся фазы первоначального накопления капитала. Или задача декриминализации капитала. Место этих конкретных задач все в большей степени занимает подозрительное прекрасноедушие.

Не изжитая за двадцать лет наивность? Или маска, надетая субъектом, который понимает, что страну вот-вот дождут до конца, и не желает сопротивляться этому?

Отторжение исторической Россией любого капитализма...

Сознательное формирование в течение этого двадцатилетия капитализма криминального и несовместимого с жизнью России...

Что еще жизненно важно обсудить в связи с судьбой капитализма у нас и в мире, в связи с ответом на жгучий вопрос о содержании современной эпохи?

Глава 8. Буржуазия и общественные задачи

Наиважнейшей чертой нормального класса буржуазии была способность этого класса выступать в качестве общественного лидера. То есть локомотива истории. Нормальная буржуазия той созидательной эпохи и впрямь была историческим классом. Классом-лидером. Классом, осуществлявшим то, что необходимо было широчайшим слоям тогдашнего общества.

Провозгласив лозунг «свобода, равенство, братство», буржуазия, конечно же, создала общество, весьма далекое от этого великого идеала. Но она не была при этом исторически бесплодна.

Она сломала унижительные сословные перегородки.

Она дала крестьянам помещичью землю.

Она создала новый тип общности – буржуазную нацию.

Она сумела предложить новое понимание человеческого удела, новые ценности, новые идеалы.

Да, вскоре выяснилось, что у буржуазной медали есть обратная сторона. Что великие свершения покупаются ценой невероятных страданий эксплуатируемых масс вообще и рабочего класса в первую очередь. Что под сурдинку разговоров о ценностях на пьедестал потихоньку возводят Золотого тельца.

И все же для той восходящей, исторически состоятельной буржуазии ни гуманизм, ни прогресс не были пустыми словами.

У той восходящей, исторически состоятельной буржуазии была своя миссия, свой образ будущего, своя великая историческая мечта.

Это нашло отражение в искусстве и культуре.

То восходящее, исторически состоятельное буржуазное общество не было культурно бесплодным. Оно создало великую литературу, великую музыку, великую живопись. А значит, сумело придать новое качество гуманистическим устремлениям человечества.

Поэтому нельзя отрицать культурную, а значит и гуманистическую, миссию буржуазии. Да, созданная ею культура была беспощадна по отношению к своему создателю. Но это не аномалия, не патология, а норма исторической жизни. Отдадим же должное величии той буржуазии, которая начала формироваться на Западе в лоне феодализма с середины XV века. И к началу XIX века стала господствующим классом и классом-лидером.

Глава 9. Буржуазия как класс, создавший и осуществивший колоссальный исторический и социокультурный Проект

Свойственные России раздумья по поводу того, «что делать?» и «кто виноват?», необходимы, но недостаточны. Ибо нельзя ответить на вопрос «ЧТО делать?», не поняв, КТО именно будет осуществлять данное ЧТО.

Отвечая на вопрос, ЧТО именно надо делать, мы занимаемся аналитикой ПРОЕКТА, призванного осуществить необходимые исторические преобразования.

Отвечая на вопрос, КТО именно должен осуществлять это ЧТО (то есть реализовывать исторический необходимый ПРОЕКТ), мы занимаемся аналитикой субъекта.

Нет проекта без субъекта. И нет субъекта без проекта.

Ибо субъект, не имеющий проекта, вершит произвол и очень быстро покидает историческую сцену. А проект, который лишен субъектности, является абстрактной утопией.

Без субъекта проект повисает в воздухе. И превращается в унижительную маниловщину.

Восходящая буржуазия имела проект «Модерн» и одновременно брала на себя роль субъекта. То есть класса, способного этот проект осуществить.

Восходящая буржуазия сформировала социальный заказ на свой великий проект.

Этот заказ осуществили великие мыслители.

Их имена вошли в историю. И не изымаемы из нее.

Великая когорта просветителей смогла открыть для человечества новые социальные и духовные горизонты. Но эта когорта была лишь частью интеллектуального воинства, призванного буржуазией под свои исторические знамена.

Ибо, предлагая одной части общества светский, узко просветительский вариант проекта «Модерн», буржуазия предлагала другим слоям общества накаленно-религиозный вариант того же самого проекта «Модерн».

Таким образом, заявленный буржуазией великий проект намного шире классического просветительства. При том, что классическим чаще

всего именуют просветительство европейское, противопоставляя его американскому или, шире, англосаксонскому.

Но и такое противопоставление не исчерпывает даже самых важных нюансировок, вне которых проект «Модерн» просто не существует. А значит, религиозные модификации проекта «Модерн» (так называемый христианский модернизм, шире – религиозный модернизм вообще) очень тонко сопрягаются со светскими модификациями того же самого великого проекта.

Проект «Модерн» – это великое здание, в котором нашлось место для очень и очень многого.

Именно дополнение данной характеристикой всего того, что называется марксистской аналитикой капитала, и является простейшей формой осуществления синтеза теорий Маркса и Вебера.

Буржуазия – это класс, создавший новый тип искусственной материальной среды, в которой обитает человечество. Иначе – новый тип производительных сил.

И буржуазия – это класс, создавший новую социальную среду с принципиально новыми регуляторами. То есть не только производственные отношения как нечто, определяемое производительными силами, но и нечто намного большее: новый тип легитимности.

Глава 10. Классовое господство и легитимность

Легитимность – это принимаемое обществом объяснение причин, по которым один класс осуществляет господство по отношению к другим классам. Для того, чтобы общество приняло факт господства того или иного класса, данный класс должен выступать в качестве безусловного и безальтернативного носителя очень нужных обществу благ. Тогда и только тогда формируются устойчивые уклады и устойчивые политические системы.

История учит нас, что господство без легитимности крайне уродливо и крайне недолговечно. Господствующий класс, теряющий легитимность, должен заменять ее грубым доминированием. Теми штыками, которые не раз упоминал Ленин, подчеркивая, что усидеть на них невозможно.

Создав великий проект «Модерн», буржуазия обрела историческую легитимность. При этом крайне важно оговорить, что буржуазия, предъявив проект «Модерн» в качестве общего блага, а себя – в качестве субъекта, осуществляющего проект (то есть являющегося источником этого блага), фактически очертила границы собственной легитимности. А значит, поселилась на определенной проектной, идеологической, смысловой территории. Застолбив эту территорию как свою.

Соседние территории тем самым оказались чужими.

Именно проект «Модерн» легитимирует буржуазию в качестве субъекта, осуществляющего данный проект.

Именно на территории Модерна, территории собственной легитимности, буржуазия отчасти усмиряет свойственный ей разбойный дух. И частично превращается тем самым из «класса-для-себя» в «класс-для-других».

Именно на территории Модерна не происходит по данной причине исторической и экзистенциальной мутации класса буржуазии. Не происходит ее окончательного отчуждения от идеалов и целей.

Очевидно, что выход за территорию Модерна как территорию собственной легитимности чреват и для буржуазии, и для человечества в целом чудовищными, абсолютно губительными последствиями.

И вновь сравним этот классический тип оформления нормальной буржуазности с тем, что оформлялось в России. Создала ли наша криминальная буржуазия и ее создатели – «Трест ДК» – новый тип легитимности? Были ли предприняты хоть какие-то попытки что-либо сделать в этом направлении? Ничуть не бывало. Напротив, «Трест ДК» и его идеологическая обслуга подавляли любые попытки оформления чего-либо легитимного. Потому что легитимность всегда порождается той или иной моральной установкой, а также теми или иными ценностями и идеалами.

Никогда ни один класс, стремящийся к легитимности, не станет сам исповедовать религию Золотого тельца. И уж тем более не будет навязывать эту религию обществу. Последнее не только аморально, но и вопиющим образом контрпродуктивно.

Между тем «Трест ДК» занялся именно уничтожением всех предпосылок к какой-либо легитимации чего бы то ни было. Невиданный по своей хищной паразитарности класс оказался вдобавок ко всему лишен моральной, идеальной узды. Нет никаких исторических прецедентов осуществления кем-либо когда-либо чего-либо подобного.

Но, как бы ни была важна констатация сугубой патологичности и неслыханной бесперспективности всего, что связано с нынешним российским капитализмом, намного важнее обсудить другое. Судьбу любого современного капитализма. Да, именно любого. Пусть и лишенного тех монструозных черт, которые навязаны российскому капитализму и заводят его – да и все общество – в неслыханный, беспрецедентный тупик.

Глава 11. Буржуазия и современность

Не происходит ли сегодня выхода всей буржуазии, всего мирового капиталистического уклада за пределы собственной легитимности?

Не покидает ли сегодня весь буржуазный класс ту проектную, ценностную, смысловую территорию, на которой он только и может существовать в качестве «класса-для-других»?

Не расплывается ли сегодня весь буржуазный класс со всеми своими историческими обязательствами?

Не сбрасывает ли с себя сегодня весь буржуазный класс узду морали, целей, норм, общезначимых идеалов и ценностей?

А если он и впрямь сегодня занимается именно этим?

В зависимости от того, каков ответ на этот вопрос, по-разному будет определяться содержание современной эпохи.

Мы отвечаем утвердительно. Мы говорим: «Да, именно весь капитал, вне зависимости от степени его патологичности или нормальности, теряет всемирно-историческую легитимацию. Именно потеря этой легитимации – очевидная, коль скоро теория Маркса может быть дополнена хотя бы теорией Вебера, – стократно усугубляет чудовищность нашей внутренней ситуации. И не дает нам никаких шансов на исправление нашего капитализма. Разве что кому-то захочется произвести методологическую и политическую инверсию и заняться построением в отдельно взятой стране особого капитализма, который не потеряет легитимности у нас – при том, что он потеряет ее везде».

Но проблема слишком тягостна и остра для того, чтобы упражняться в подобных сомнительных методологических и политических изысках.

Слишком ясными и зловещими становятся, увы, симптомы покидания современной буржуазией территории собственной легитимности.

А поскольку впервые буржуазия попыталась сделать это в Германии в 1933 году, то масштаб проблемы огромен. Речь идет о самом грозном из всех вызовов, которые когда-либо маячили на всечеловеческом горизонте.

Но – и это вытекает из всего, сказанного выше – поскольку мы опять оказались слабым звеном в мировой цепи, то именно нам предстоит заняться всем сразу. И осознанием того, насколько реален подобный римейк, возвращающий нас в ситуацию смертного боя с фашистской силой темною. И поисками ответа на этот самый римейк. Коль скоро он и впрямь реален и даже неотвратим.

Вот чем объясняется наше особое политическое внимание к такой, казалось бы, абстрактной проблеме, как проблема проекта «Модерн», волновавшая и самого Вебера, и его последователей.

Ощущая все неблагополучие нынешней российской и общемировой ситуации, мы хотим получить точный ответ на самый проклятый вопрос современности – вопрос об окончательной потере капитализмом своей проектной (а значит и всяческой) легитимности.

Такой ответ нужен сегодня всем и везде. Но он особо нужен сегодня нам на нашей многострадальной земле.

Почему Россия в 1917 году отвергла капитализм? Была ли в этом историческая правота и историческая обусловленность?

Что именно она отвергла? Капитализм по Марксу или капитализм по Веберу – при том, что капитализм может быть понят как полная и замкнутая система, только если он является и капитализмом по Марксу, и капитализмом по Веберу, и капитализмом по Фромму. И все же для нас сейчас важнее всего те слагаемые капитализма, которые проанализировал Вебер. И которые задаются понятием «проект «Модерн»».

Глава 12. Проект «Модерн» и судьба России

Судьба России вскоре будет решаться так называемыми лишними людьми. Каковыми в условиях дальнейшего распухания российского криминального капитализма скоро станет как минимум 100, а то и 120 миллионов наших сограждан.

Ибо криминальному капитализму нужно никак не более 40 миллионов для того, чтобы создать супермашину воровства и цинично отрекомендовать ее в качестве государства.

Без массированного давления извне российский криминальный капитализм будет двигаться к желанной для него цели создания именно подобного «государства», как говорят, вразвалочку, не спеша.

Большинству наших сограждан, в том числе и прежде всего представителям ненужных уже интеллектуальных профессий, будут предоставлены на выбор две возможности: гибнуть здесь или спешно бежать за рубеж.

Проект «гибель» (с его модификациями «маргинализация», «люмпенизация» и так далее) и проект «бегство» будут осуществляться одновременно. Одни будут сваливать. Другие гибнуть. Спиваться, сходить с ума, опускаться на маргинальное дно, деградировать, люмпенизироваться и так далее. Как мы видим, оба проекта уже правят бал в современной России. О чем теперь многие наши социологи говорят даже без содрогания, а напротив, как о чем-то нормальном. И чуть ли не оптимальном.

Для достижения криминального антиидеала нужно, чтобы в год мясорубка проекта «бегство» пропускала через себя хотя бы 5 миллионов людей. И мясорубка проекта «гибель» – столько же.

Вывод из социума 10 миллионов человек в год очень скоро превратит страну в суперструктуру, состоящую из мафиозного ядра и мафиозной же периферии. Структура будет становиться все более и более шаткой. Продержится ли она 6–8 лет или рухнет раньше, зависит от непредсказуемых обстоятельств.

В гниющем доме обрушение может начаться от чего угодно. От того, что вы сильно хлопнули дверью. От того, что вы дернули оконную раму. От того, что вы чихнули, наконец. А поскольку внешние силы побуждаются к активным действиям всей логикой мирового процесса, то... Представьте себе быстро гниющий дом, по которому бьют тараном.

Тут можно спорить только об одном: рухнет ли он с первого удара или с десятого. А также о силе и сосредоточенности этих ударов.

Пока еще так называемые лишние люди (они – реальный цвет и большинство нации, они же – наш народ и так далее) не оказались окончательно превращены в нежизнеспособный фарш криминально-капиталистической мясорубкой, у них есть время опаматоваться. Наш моральный, экзистенциальный, исторический долг – всячески способствовать этому. Не щадя сил. Подчиняя себя этой цели полностью.

Упования на то, что наши братья, они же «лишние» (а мы при подобном ходе событий столь же лишние, как они), опаматуются, отреагировав на простейшие наши лозунги, – от лукавого. В подобном случае все сразу хватаются за великие ленинские простейшие лозунги и декреты. Забывая, что лозунги были выдвинуты фактически на самой последней стадии процесса взятия власти. А до этого существовали совершенно другие стадии, на которых шла совсем другая, отнюдь не лозунговая, деятельность.

Большевики апеллировали не только к хлебу, миру и разделу помещичьей земли. В противном случае они никогда бы не смогли бы победить эсеров, у которых они эти апелляции, мягко говоря, позаимствовали. Большевики апеллировали к новому великому Красному антикапиталистическому проекту. В котором историческая Россия каким-то сложным образом сумела рассмотреть нечто, глубоко созвучное ее сокровенной сути.

Банальное нытье об антирусской сути большевизма вскоре перестанет убеждать даже самих нытиков. По прошествии двадцати страшных лет слишком многим уже понятно, что даже интеллигентский, очень западный на первый взгляд большевизм каким-то способом оказался созвучен сокровенным и глубочайшим народным чаяниям. Чайниям предельным, хилиастическим.

А ведь помимо интеллигентского большевизма существовал еще и глубочайший народный большевизм, чья тайна до сих пор не раскрыта. И без которого большевики никогда бы не смогли ни взять власть, ни тем более ее удержать.

Итак, не будем ни отрицать значение простейших лозунгов, ни увлекаться их соблазнительной простотой. Либо Россия в XXI столетии обретет себя после всего случившегося, воодушевившись новым большим проектом, либо она перестанет существовать.

Наша задача – предъявить России этот большой проект, который был бы преемником всего ее прошлого и одновременно был бы устремлен в будущее.

Сначала большой проект – сколь бы сложен и неочевиден он ни был. Потом – простейшие лозунги.

Наша задача – не только предъявить такой проект, но и создать полноценный субъект, способный реализовывать этот новый проект так же, как буржуазия прошлых веков реализовывала свой великий проект «Модерн».

Большевистская партия в 1917 году предъявила народу не только большой проект, но и себя в качестве субъекта, способного этот проект реализовать. А коль скоро это так, то большевистская партия не была партией в классическом смысле этого слова. Она была чем-то гораздо большим.

Нас не интересует проект как научная литература любого, даже самого высокого, качества.

Проект – это нечто большее. Это мощнейший смысловой магнит, способный втянуть в себя все, что хранит в себе тайную способность определенным образом намагничиваться.

Ситуация – вот что превращает в смысловые магниты самые холодные, высоколобые тексты. Не будем разводить руками, говоря о невозможности решения подобной задачи. В конце концов, именно ситуация превратила в подобные магниты сверхсложные тексты Маркса. Именно ситуация создала целый слой людей, которые днями и ночами сосредоточенно впитывали марксистскую сверхсложность. Не лишенную, конечно, политической страсти. Но и не тождественную ей. Страсть извлекали из Маркса те, кто его читал. Точнее, они эту страсть обнаруживали, скручивали в накаленный волевой жгут, усиливали, преобразовывали.

Сделать все это они смогли лишь потому, что в спину им дышала новая ситуация, она же История. Некоторые из них говорили, что слышат ее шаги. Другие – что она их выкликает по именам. Они не просто говорили об этом. Они подтверждали это подвижническим трудом и подвигом.

Так что не будем говорить о том, что сопряжение Маркса с Вебером, а также бог знает с кем еще не даст того эффекта, который в начале прошлого столетия породил высоколобый труд под названием «Das Kapital».

Обсудим лучше то, насколько мощно ворожит современность, превращая в сгусток политической и метафизической страсти синтез Маркса и Вебера.

Глава 13. Судьба Модерна и судьба капитала

Рассмотрение вопроса о судьбе капитализма через призму потери или сохранения легитимности требует выхода за рамки классического марксизма, для которого вопрос о легитимности по определению не может носить основополагающего характера. Строго говоря, в понятийном языке марксизма вообще нет понятия «легитимность».

Для понимания судьбы капитализма необходимо введение подобного понятия в чуждый ему марксистский контекст. Это и проблема теории, и

практическая политическая проблема. Ее решение возможно только в рамках синтеза Маркса и Вебера. В противном случае мы либо потеряем марксизм (что приведет к существенной аналитической, а значит и политической, дезориентации), либо не получим доступа к аналитике ключевой проблемы XXI века.

Капиталистический класс оформился политически и исторически, создавая проект «Модерн».

Стремясь к господству и легитимности, этот класс предъявил обществу данный проект в качестве своего главного и ценнейшего нематериального актива.

Вне проекта «Модерн» капиталистический класс полностью лишен и исторического ореола, и вытекающей из него легитимности. Капиталистический класс минус проект «Модерн» – равно чему? Дворцам и яхтам, кутежам и биржевым спекуляциям, заводам и пароходам? Всего этого совершенно недостаточно для того, чтобы сделать правомочными свои притязания и привилегии.

Вне Модерна уродлив и криминален даже нормальный капиталистический класс. А уж наш российский мутант – тем более.

А значит, аналитика Модерна – это постижение судьбы капитала в XXI веке. Судьба капитала полностью предопределена судьбой Модерна. А вопрос о судьбе капитала – это ключевой конкретный политический вопрос XXI века. Сохранение капитализмом легитимности лишает некапиталистические и антикапиталистические политические движения стратегических перспектив. Потеря капитализмом легитимности открывает для таких движений именно конкретные стратегические политические перспективы. Другой вопрос, сумеют ли эти движения воспользоваться подобными перспективами.

Но разве для практической политики вопрос о самом наличии перспектив не является ключевым?

Конечно, кроме легитимности, есть еще и «господство в собственном соку». Теряя легитимность, капитализм сохраняет подобное господство. И может попытаться осуществлять его на основе голой силы. То есть бесконечно жестокого, зверского и полужвериноного доминирования.

Но, во-первых, подобные формы господства никогда не были устойчивыми. Об этом говорит нам весь исторический опыт человечества.

А во-вторых, какой-то шанс подобные формы господства имеют только в условиях конца истории. То есть ускоренного формирования не каких-то там призрачных мировых правительств, а внятной и абсолютно антидемократической Железной пяты.

Противоречия между Китаем и США, между США и Европой, между всеми этими гигантами и Индией не позволяют капитализму сформировать всемирную Железную пяту в короткий исторический срок.

Таким образом, вопрос о легитимности капитализма, тождественный вопросу о судьбе Модерна, имеет очень существенное политическое значение. Ибо это, повторяем, вопрос о наличии или отсутствии у оппонентов капитализма шансов на стратегическую победу.

Итак, сначала надо разобраться с судьбой Модерна. То есть с проблемой, не имеющей никакой прописки в доме под названием «марксизм». Подчеркиваем – никакой. Ни концептуальной, ни понятийной, ни лингвистической. А потом уже нужно заняться аналитикой расстановки классовых сил в условиях делегитимации капитализма. Если, конечно, такая действительно существует. То есть перейти на привычную для марксизма аналитическую и теоретическую платформу.

Так какова же судьба Модерна?

Нельзя ответить на этот вопрос, не разобравшись хотя бы вкратце, что же такое этот самый Модерн.

Глава 14. Проект «Модерн»

Рассуждая о Модерне, и сам Вебер, который Модерн еще проектом не называл, и его последователи противопоставляли Модерн (или, иначе, современность) Премодерну, который они называли традиционным (или аграрным) обществом.

Модернизация – это переход из традиционного (или аграрного) общества в общество современное (или индустриальное).

Маркс сказал бы, что это переход из феодальной формации в капиталистическую. Но в каком-то смысле традиционное общество – это более широкое понятие, нежели феодализм. Хотя и достаточно к нему близкое.

Но дело тут не в игре понятий. А в том, как раскрывают содержание слова «общество» (или социум) сам Вебер, его последователи. Все те, кто видит в обществе особую реальность, существенно автономную по отношению к суперреальности, каковой является тип искусственной материальной среды, внутри которой сформировано общество.

Если бы Вебер и его последователи говорили только об аграрном обществе, то они были бы совсем близки к Марксу и другим сторонникам теории формаций. Но они говорят о традиционном обществе. И это не игра словами. Традиционное общество – это общество с определенными регуляторами. Эти регуляторы для ученых, принадлежащих к интересующей нас школе, являются ничуть не менее важными, чем доминирующий способ производства (конечно же, аграрный в случае традиционного общества).

Для интересующего нас научного направления, важность которого определяется именно ситуацией (или, точнее, близостью катастрофы), тип общества связан, прежде всего, с регуляторами, превращающими

элементы (то есть отдельных людей) в систему (то есть в полноценное общество).

Традиция – вот что регулировало общественную жизнь на этапе Премодерна. Потому-то общество Премодерна и называется традиционным.

Традиция как душа традиционного общества (вспомним пушкинское «привычка – душа держав») рождает коллективизм, общинность. И наоборот. Разрушение общины – это демонтаж традиционного общества.

Итак, традиция как главный регулятор. Коллективизм как способ существования. Что дальше? Конечно, сословный принцип как принцип разграничения ролевых функций. Фамильная аристократия как господствующий класс. Монарх как выразитель ее интересов. Религия как легитимация монархии (монарх – помазанник Божий).

И народ как целостность, цементируемая религией. Той самой религией, которая обеспечивает легитимацию монарха. Французскому монарху было важно получить помазание в Реймском соборе. Это давало ему настоящую легитимность. И в этом один из краеугольных сюжетных камней истории Жанны д'Арк.

Созревание буржуазии в лоне феодального (или традиционного) общества... Формирование буржуазии как класса преимущественно городского (в отличие от феодалов как крупных земельных собственников)... Формирование буржуазии как хозяина индустриального сектора (в отличие от феодалов, являющихся хозяевами сектора аграрного)...

Все это сильнейшим образом воздействовало на общественную жизнь. Но ничуть не менее сильно на нее воздействовало и другое. На социально-метафизическую сцену по очереди вышли два новых действующих лица.

Сначала религиозные раскольники-протестанты. Они существенным образом проблематизировали легитимность тогдашней монархической власти. Французский монарх, помазанный католической церковью в Реймском соборе, был легитимен именно как король католиков. И он совершенно не был легитимен для протестантов, которые считали католическую церковь, осуществляющую помазание французского короля, церковью сатаны. Спасение от этого искали в особом типе абсолютизма, при котором легитимность религиозного помазания мягко трансформируется в нечто, определяемое формулой Людовика XIV «государство – это я».

Но такая трансформация не обеспечивает устойчивой легитимности. Кроме того, на сцене появляется еще одно новое действующее лицо – светский человек. А для него – что католический Рим, что Кальвин и Лютер... Одно слово – религиозные мракобесы. Пока светских людей было мало, их сжигали на кострах инквизиции. Но потом их стало много. А потом – не просто много, а очень много. Ну, и как регулировать общество в условиях, когда так меняется человек?

Новая материальная среда, пропитанная духом науки и техники, и новый человек, впитавший вместе с этим духом и крамольную светскость... И новая материальная реальность, и новая реальность, духовная, культурная, антропологическая, одинаково давят на социум. И требуют, чтобы возникли новые регуляторы, новые правила социальной игры. В противном случае социума не будет вообще. Ведь даже относительно устойчивая искусственная материальная среда все равно не воспроизводится сама собой как среда природная. А уж социальная среда – тем более.

Капитализм заявил: «Я создам новые правила, новые регуляторы и спасу общество от распада и смуты».

Это было очень важное заявление, поскольку население еще помнило ужас смут. Религиозных войн – и не только. Капитализм пришел и легитимировал себя великими социальными преобразованиями.

Капитализм отменил сословный принцип.

Капитализм атомизировал традиционное общество, вбросив в городскую пролетарско-индустриальную жизнь огромное количество сельского населения.

Капитализм сформировал новую общность – нацию. Теперь уже не религия, а язык, гражданство, культура, этос регулировали принадлежность индивидуума к подобной общности.

Капитализм действительно создал новый индустриальный мир.

Капитализм предоставил новые права огромной массе ранее бесправного населения.

Капитализм (и это, возможно, главное) сделал закон гиперрегулятором построенного им принципиально нового общества. Теперь уже все регулировали не традиция, не привычка, которая «душа держав», а писанный и строго исполняемый закон. Подкрепленный соответствующими юридическими институтами.

Капитализм построил новую политическую систему, назвав ее демократической.

Капитализм переустроил все подсистемы предыдущего традиционного общества. И тем самым капитализм сделал – что именно? Правильно. Он реализовал проект «Модерн», легитимировав тем самым себя в виде класса не только господствующего, но и исторически лидирующего.

Помимо вышеназванных обычных слагаемых рассматриваемого проекта «Модерн», у этого проекта есть еще и метафизика. Причем как религиозная, так и светская.

При всей важности религиозной метафизики Модерна, его содержание, конечно, определяется наличием светской метафизики. То есть наличием прогресса и гуманизма как сверхценностей.

Подчеркиваем – не как обычных ценностей, а именно как сверхценностей. Метафизика проекта «Модерн» существует только до тех пор, пока прогресс и гуманизм обладают именно сверхценностным содержанием.

Причем такое содержание должно носить всеобщий и одновременно абсолютный характер. То есть быть адресованным каждому народу, каждому представителю рода человеческого и человечеству в целом.

Что же касается религии, то Модерн лишь допускает ее, решительно отделяя церковь от государства и до предела рационализируя религию. То есть подвергая ее весьма существенным трансформациям.

Баланс между разумом и верой в религиозном модернизме резко сдвигается в сторону приоритета разума. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Глава 15. Исчерпание Модерном своих возможностей

После того, как аналитика проекта «Модерн» произведена, прогностика фактически является делом техники.

Не составляет труда доказать, что исчерпание касается всех вышеописанных слагаемых проекта «Модерн». Но, прежде всего, бросается в глаза то, насколько Модерн исчерпал свой метафизический ценностный потенциал.

Ключевой и грубейшей приметой подобного исчерпания является абсолютизация категории «демократия». Современная западная практика основана на абсолютном приоритете формальной демократии над чем угодно еще.

Между тем еще совсем недавно Модерн явным образом не был синонимом демократии. Очевидным свидетельством этого являлся позитивный смысл, вкладываемый западными политиками и политическими философами в понятие «авторитарная модернизация».

Теперь США и Запад в целом объявили авторитарную модернизацию своим главным врагом. Фактической «осью зла». Можно ли так поменять курс, не расплевавшись с метафизикой Модерна – то есть с прогрессом и гуманизмом? Конечно, нет.

Формальная демократия?

Если в какой-нибудь архаической стране есть два клана каннибалов... Один из которых считает, что лакомиться надо и женщинами, и мужчинами... А другой – что только женщинами...

Если эти два клана создают две партии. Проводят демократические выборы. Формируют парламент. Вырабатывают каннибальский консенсус. «Мы, мол, согласны в главном: что человечина – это нормальный пищевой продукт. Но у нас дискуссия по частным вопросам...»

Если соблюдены все процедуры проведения дискуссий и правильно разделены ветви каннибальской власти, то формальная демократия налицо, не так ли? Но при чем тут Модерн?

Приведенный пример может показаться чересчур экзотическим. Хотя на самом деле это отнюдь не так. И скоро при проведении в Центральной Африке той политики, которую Запад сейчас проводит в Северной Африке, все будет происходить буквально так, как описано в этом примере.

Но поддержка Соединенными Штатами и Западом в целом «Братьев-мусульман», движения «Талибан», других движений, вдруг ставших «демократическими», – это уже совсем не экзотика. Демократия у нас на глазах превращается из содержания в форму. Причем в форму не только безразличную к своему содержанию, но и агрессивно ему противостоящую. Что категорически ставит крест на прогрессе и гуманизме как сверхценностях проекта «Модерн». Да и на Модерне в целом.

Но дело вовсе не только в политическом отказе Запада, этого локомотива Модерна, от сверхценностей Модерна и от Модерна как такового. Налицо еще более глубокий отказ.

Экологическая проблематика, поставленная в повестку дня еще Римским клубом, тоже далеко не случайна. Ибо проект «Модерн» зиждется на праве – пусть формальном, но жестком – каждой страны мира на этот самый прогресс. А также на гуманизм. Даже в колониальный период такое право существовало. И это позволяло Кипплингу как певцу британского колониализма рассуждать о «бремени белых». То есть о том, что западный локомотив, именуемый «белым», тянет за собой в сторону прогресса и гуманизма поезд с множеством вагонов. Как «белых», так и не «белых».

Философия и аналитика Римского клуба основаны на правомочности и даже необходимости открепления всех вагонов поезда от локомотива, ранее тянувшего эти вагоны в определенном направлении.

Ускоренное развитие всего человечества – пока утопия. Но ускоренное развитие огромных азиатских стран (таких, как Индия и Китай) – это уже реальность. Локомотив не может тянуть за собой такие вагоны. Он не может предоставить двум с лишним миллиардам пассажиров этих вагонов те же материальные блага, которые предоставлены команде локомотива.

Во-первых, для этого на планете нет необходимых ресурсов.

А во-вторых, это очень быстро превратит пассажиров в хозяев поезда. Для команды локомотива такая метаморфоза категорически неприемлема.

Рассмотрев политическую и политэкономическую подоплеку отказа Запада от сверхценностей проекта «Модерн» (а значит, и от проекта как такового), необходимо перейти к еще одной подоплеку – антропологической.

Проект «Модерн» проникнут волей к развитию. Но к развитию определенному. Тому самому, которое именуется прогрессом.

Этот тип развития предполагает, что используемый для развития антропологический материал (то бишь вид «человек разумный») остается без изменения.

Что советский проект создания нового человека (а значит, и нового гуманизма) утопичен и контрпродуктивен одновременно.

Что надо не искоренять в человеке зло, а использовать это зло во благо.

Что правильно организованное зло будет способствовать этому благу так же, как звериная конкуренция за выживание способствует великому делу эволюции.

Модерну удалось правильно организовать антропологическое зло. В этом его огромное достижение. Правильно организованное зло стало генератором развития. Причем такого развития, которое, прежде всего и быстрее всего, касается производительных сил. Или иначе – искусственно созданной материальной среды.

Человек же стал обуславливаться этой средой все в большей и большей степени. Что означает в лучшем случае его крайне медленное развитие. А на самом деле чревато стагнацией, а то и деградацией человека.

В результате возник колоссальный разрыв между качествами искусственной среды обитания и тем, кто в этой искусственной среде обитает. Обитатель почти не развивается (или даже деградирует). А среда развивается стремительно. Подобный разрыв именуется «ножницами».

«Ножницы» с каждым годом раскрываются все шире и шире. Когда они раскроются до определенной степени, катастрофа неизбежна. Каким-то образом (неважно, собственно, каким именно) неразвивающийся элемент, он же антропос, извлечет из развивающейся среды (она же технос) нечто, позволяющее уничтожить и технос, и антропос.

Воспрепятствовать этому может или ускорение развития антропоса, или прекращение развития техноса. Но Модерн не предполагает ускорения развития антропоса. У него нет ключей к этой двери. Одновременно Модерн не может остановить (тем более свернуть) технос. Тем самым Модерн фактически капитулирует. Он признает, что не в состоянии избежать приближающейся катастрофы по очень многим причинам. Как общим, так и частным. Как материальным, так и нематериальным.

К числу фундаментальных нематериальных причин относится исчерпание заявленного Модерном метафизического принципа утешения. Человек – это единственное живое существо, знающее о своей смертности и тяготящееся этим знанием. Соответственно, это существо жаждет утешения. То есть каких-то версий собственного бессмертия. Основной версией утешения, которая известна человечеству, является религия.

С того момента, как эта версия перестает работать (а она перестает работать, как только человек становится нерелигиозным), нужна другая версия утешения. Модерн фактически заявил о том, что он способен обеспечить психическое и социальное здоровье мира, в котором нет утешения. Попытки той же Великой Французской революции предложить в рамках Модерна альтернативные версии утешения (Богиня разума, Верховное существо Робеспьера) оказались пресечены.

Безутешительность Модерна была высокоэффективной на протяжении всего XIX века. Но уже к началу XX-го века модернистский (прогрессистский, гуманистический) пафос безутешительности выдохся. Безутешительные проекты вообще быстро выдыхаются. А когда безутешительный пафос Модерна («на земле остаются наши дела») выдохся, проект стал сбоить.

К началу XXI века стало ясно, что речь идет не об отдельных сбоях, а о неисправимых поломках самого проектного механизма.

Таково вкратце метафизическое истощение Модерна.

Описав его, перейдем к истощению социальному.

В социальном плане Модерн держится на принципе раздробления традиционного общества. Дробя это традиционное коллективистское общество на атомы-индивидуумы, Модерн обретает высокую социальную динамику. Фактически речь идет о том, что традиционное общество бросается в топку локомотива под названием Модерн. До тех пор, пока есть традиционное общество, топка раскалена. В нее можно бросать все новые и новые порции этого общества. Но, когда ресурс традиционного общества обнуляется, топка остывает. А локомотив перестает двигаться.

Это хорошо видно на примере Запада и стран Азии, ставших на путь Модерна. В Азии – Индии, Китае, Вьетнаме – огромная часть населения все еще пребывает в состоянии Премодерна, то есть является почти неограниченным ресурсом для этой самой топки. Но ведь именно почти неограниченным. Раньше или позже ресурс для топки Модерна будет выработан полностью и в Азии, и во всем мире. Что делать дальше?

Те, кого не интересует подобная проблема будущего, могут повнимательнее присмотреться к настоящему. На Западе ресурс традиционного общества сведен к нулю. В топку Модерна бросать нечего. Разве что нелегальных мигрантов. В России ситуация та же самая. Что делает рассуждения о нашей модернизации особо трагикомическими. Разговора же о Модерне у нас вообще категорически избегают.

Соответственно, преимущество получают страны, где ресурс традиционного общества еще не выработан, но уже используется для топки проекта «Модерн». Такое социальное преимущество сразу же переходит в преимущество политэкономическое.

И тут обнаруживается, что Модерн исчерпал себя не только политически, метафизически и социально, но и политэкономически.

После краха СССР и возвращения мира в как бы гомогенный капитализм, в мир вместе с гомогенностью капитализма вернулся и закон неравномерности развития этого самого капитализма на его высшей – империалистической – стадии.

Старые капиталистические страны развиваются все медленнее. Молодые начинают их догонять. Старые пытаются сохранить лидирующие позиции с помощью войны. Классический тип такой войны – Первая мировая.

В этом смысле третья мировая должна быть похожа на Первую, а не на Вторую. Ибо Вторая развернулась в мире, лишенном капиталистической гомогенности, и потому являлась войной идей и проектов, а не войной экономических интересов.

Освободившись от войн идей и проектов – как горячих, так и холодных, – мир вернулся к войнам экономических интересов. США должны остановить Китай, дабы сохранить лидирующие позиции. Отказаться от лидирующих позиций США не могут и не хотят.

Есть два способа остановить Китай. Мягкий, в котором удастся выстроить контрбаланс и подорвать внутреннюю стабильность Китая. И жесткий. Вряд ли мягкий сработает. Но тогда будет использован жесткий. И мир очень быстро втянется в ядерную войну.

Институциональное исчерпание Модерна тоже достаточно очевидно. Модерн использует институт права в качестве своего гиперрегулятора. Что происходит в мире с международным правом? И что начинает происходить с правом, опирающимся на принцип национального суверенитета?

Далее исчерпание Модерна перекидывается на этот самый суверенитет. А значит, и на институт государства. Все говорят о кризисе национального государства. Но национальное государство – это одно из ключевых изобретений Модерна. Соответственно, кризис нации и государства ведет к окончательному исчерпанию макросоциальных оснований Модерна.

Но столь же правомочно обсуждение микросоциального исчерпания. Человек Модерна, семья Модерна, коммуникативные поля Модерна, культура Модерна – все это близко к окончательному исчерпанию.

Даже если Модерн и сохранится в Азии – толку-то? Сохранившись лишь в одном макрорегионе, Модерн потеряет свойства универсального, всечеловеческого проекта. И, как уже указывалось выше, Модерн в Азии всего лишь будет исчерпан чуть позже, чем в Европе. Поэтому ключевым на сегодняшний день является вопрос о том, что находится по ту сторону Модерна. Тем более что дышащий на ладан Модерн еще и подталкивается к окончательному обрушению своим создателем Западом. Знаменитая

«Арабская весна» ясно и ярко свидетельствует об этом. И это всего лишь одно из свидетельств.

Видя, как Модерн исчерпывает себя, Запад лихорадочно пытается убить собственное дитя. Этим он лишает капитализм всяческой легитимности. Но, может быть, Запад (да и капитализм в целом) делает это во имя обретения новой легитимности? Может быть, у Запада (да и капитализма в целом) есть в загашнике какие-то альтернативы в том, что касается легитимности?

Обсуждая судьбу капитализма и содержание эпохи, мы не можем обойти стороной столь важный и столь острый вопрос.

Глава 16. Модерн и другие

Модель конфликта цивилизаций, вытщенная американскими неоконсерваторами в 2001 году в качестве альтернативы концу истории, потерпела крах вместе с избранием Барака Обамы. Фактически она потерпела крах еще раньше. Когда сами же неоконсерваторы стали обсуждать проект нового Большого Ближнего Востока и прочно вмонтированные в этот проект «весны» – как арабские, так и иные.

На смену этой модели пришла, причем всерьез и надолго, модель стратегического союза исламизма и США, исламизма и Запада. Эта модель уже материализована в конкретных альянсах: Запада и «Братьев-мусульман», Запада и талибов.

Исламизм, который американские неоконсерваторы объявили главным врагом, теперь становится чуть ли не лучшим другом США. Якобы потому, что он отвечает волеизъявлению народов исламского мира.

Такое лукавое объяснение никого, конечно же, не удовлетворяет и не может удовлетворить. Но здесь нам важно не детальное рассмотрение заявленного сюжета, а выявление стратегического содержания, маркируемого этим сюжетом.

Для того чтобы это содержание выявить, надо понять, чем исламизм отличается от ислама – великой мировой религии, заслуживающей всяческого уважения.

Исламизм – это достаточно позднее изобретение. В этом смысле он принципиально отличается от фундаментализма. При том, что и фундаментализм является на самом деле в существенной степени исламским новоделом, а не исламской архаикой.

Архаика, а точнее невзятие барьера современности, – это Премодерн. Можно ли говорить об исламском Премодерне, пусть и с определенными оговорками? Конечно, можно. Часть исламского мира по разным причинам как объективного, так и волевого характера стережется Модерна и блюдет свою премодернистскую чистоту. Но это малая и не очень хорошо очерченная часть.

Гораздо шире распространено другое. Сознательный отказ элит мусульманских стран от Модерна, который уже стал обживать эти страны. Подобный отказ носит характер пресловутой консервативной революции. Сторонники такого отказа не чураются использования модернистских и даже постмодернистских политических технологий. Соединение таких технологий с отказом от Модерна и стремлением вернуть реальность к премодернистскому состоянию (конечно же, в подобной ситуации не ограниченному) – это Контрмодерн.

Контрмодерн – такой же проработанный проект, как и Модерн. Можно смело утверждать, что Контрмодерн с глубоким внутренним удовлетворением следит за исчерпанием Модерна и содействует этому исчерпанию.

И в этом смысл стратегического, а не ситуационного альянса исламизма с Западом. Потому что Запад разрабатывает для себя новый проект под названием «Постмодерн». То есть приспосабливается к очень специфической жизни на обломках рухнувшего Модерна.

Эта «жизнь после жизни» основана на глубочайшем презрении к сверхценностям Модерна, каковыми являются прогресс и гуманизм. Особо враждебен для постмодернизма гуманизм, воспевающий величие человека.

Постмодернизм, во-первых, ненавидит любое величие вообще. И, во-вторых, особо ненавидит человека. Для него человек – это «проект, который завершается».

Постмодернизм надеется поставить на место слишком для него жесткой конструкции под названием «человек» нечто предельно аморфное и текучее. То, что с полным правом можно назвать постчеловеком и постчеловечеством.

Постмодернизм презирает и ненавидит историю.

С особой силой постмодернизм ненавидит развитие. Идеалом постмодернизма (при том, что постмодернизм категорически отказывается от идеальности как таковой) можно считать управляемую деградацию, управляемое гниение.

Культура постмодернизма (а ведь именно культура формирует тип человека) пропитана духом смерти. Постмодернизм не скрывает это. Он открыто присягает Танатосу. А также духу всех и всяческих извращений.

Подробное описание постмодернизма как проекта (при том, что постмодернизм отрицает наряду с человеком и идеальностью любую проектность, любую подлинность, любую метафизичность) здесь явным образом неуместно.

Но аналитика капитала не может быть полноценной без выявления двух альтернатив проекту «Модерн» – проекта «Контрмодерн» и проекта

«Постмодерн». А также связи между этими двумя альтернативными Модерну проектами.

Тут уместно указать на два типа связей.

Во-первых, на связь, создаваемую для ведения общей игры двумя очень разными игроками. Тут весьма показателен формирующийся союз США и исламизма. Ибо этот союз формируется для ведения общей игры.

И, во-вторых, на связь, создаваемую для построения новой архитектуры мира. Пусть неокончательной архитектуры. Пусть всего лишь переходной архитектуры. Но все же архитектуры.

Какова же эта архитектура?

В 50–60-е годы XX века китайский лидер Мао Цзедун выдвинул далеко не бессмысленную модель, ядром которой был мировой город. А периферией – мировая деревня.

В сооружаемой сейчас наспех переходной архитектуре Постмодерн хочет стать архитектурным ядром. То есть чем-то вроде мирового города. Контрмодерн же претендует на роль мировой деревни. Разделение ролей и сфер влияния, конечно же, носит неокончательный характер. Но сам принцип этого разделения способен решить массу задач, которые в рамках проекта «Модерн» категорически не могут быть решены.

Например, можно отказаться от всеобщего развития. А в каком-то смысле и от развития вообще. Контрмодерну развитие враждебно. «И это замечательно!» – считает его постмодернистский партнер. Ведь в этом случае не надо будет развивать всю периферию, делиться с нею драгоценными ресурсами, волноваться по поводу того, что эта периферия может стать более эффективной, чем ядро. И даже должна стать более эффективной.

Да и Постмодерн никоим образом не претендует на развитие как сверхценность. Если в мировом городе что-то и останется от развития, то это что-то будет всецело подчинено задаче удержания под контролем контрмодернистской периферии.

Итак, Модерн близок к истощению. Он вдобавок стал не нужен правящему классу. И его хотят добить как можно быстрее. У него есть альтернатива в виде союза Постмодерна и Контрмодерна.

Можно ли считать, что игра уже сыграна и что вмешательство в игру фактически невозможно?

Нет. Поскольку, во-первых, силы Модерна хоть и близки к истощению, но еще достаточно велики. И, во-вторых, этому зловещему переформатированию мира мешает существование России.

ЧАСТЬ 2. РОССИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Глава 1. Лишние люди

К чему на самом деле стремится «Трест "Даешь капитализм!"», разрушивший двадцать лет назад СССР и сформировавший новую реальность?

Осознает ли этот Трест всю меру патологичности построенного им капитализма?

Готов ли он исправлять эту патологию, купировав хотя бы самые чудовищные процессы? Например, затянувшуюся оргию первоначального накопления капитала. То есть такого ограбления своего народа, при котором народ уже не может нести на своих плечах груз российской государственности.

Или же Трест сознательно наращивает эту патологичность, преследуя зловещие ликвидационные цели?

А может быть, наращивание патологичности происходит само собой? В силу того, что Трест потерял управление, изжил окончательно за эти двадцать лет свои амбиции по построению в России нормального капитализма и полноценному вхождению страны в европейскую (или, как говорилось раньше, мировую) цивилизацию?

Не желая дополнительно сгущать и без того весьма прискорбные краски, рассмотрим предположение, что Трест (или наименее деструктивная часть его) все еще питает иллюзии по поводу превращения России в так называемую «нормальную капиталистическую страну, способную и в НАТО войти, и в ЕС»... И так далее.

Мы не утверждаем, что имеет место именно этот случай. Мы рассматриваем его в качестве наиболее благоприятного. Так вот, даже в этом случае – налицо тупик. Как тактический, так и стратегический. Тактический тупик порожден суммой нерешаемых или почти нерешаемых проблем, обнаруживаемых с помощью классического марксистского анализа.

Проблема №1.Выход из оргии первоначального накопления капитала.

Вглядываясь в происходящее предельно вдумчиво и благожелательно, отрицая пропагандистский подход и опираясь только на аналитические данные, мы с прискорбием вынуждены констатировать отсутствие каких-либо, даже мельчайших, телодвижений, говорящих о том, что «Трест ДК» действительно намерен решить хотя бы эту проблему.

Да, с прискорбием. Потому что превращение нашего капитализма в нечто нормальное (то есть совместимое с жизнью страны) спасло бы Россию. А для нас Россия дороже, чем наши идеи и проекты.

Проблема №2, столь же принадлежащая сфере марксистской классики, как и проблема №1, – так называемое разделение труда.

Мировой рынок фантастически зарегулирован. Россия не сверхдержава, не СССР. Она по определению должна не диктовать правила, а вы-

полнять их. Существующие правила – а они будут только ужесточаться – предписывают России очевиднейшую роль сырьевого придатка. А как иначе?

Россия не может вывести на мировой рынок гигантское количество дешевой и дисциплинированной рабочей силы. Это могут сделать Китай, Индия, другие азиатские страны.

Россия не может стать одной из ключевых аграрных держав мира. Она может и должна снабжать себя продовольствием. Она может и должна продавать зерно и другие сельхозтовары, поелику это возможно. Но она не может быть стратегическим конкурентом специализирующихся на аграрном производстве стран первого мира, превративших сельскохозяйственное производство в производство высокотехнологическое. И – дотирующих его в огромных масштабах.

Не может она стать стратегическим конкурентом и ключевых сельскохозяйственных стран третьего мира. В которых существуют огромные армии очень дешевых и очень трудоспособных работников. И в которых можно снимать не один, а три урожая в год.

«Трест ДК» разрушил систему российской индустрии. Он угробил за эти двадцать лет не только нужных этой индустрии ученых и инженеров, но и рабочий класс, созданный в Советском Союзе с огромным трудом и лишенный сейчас даже элементарного самовоспроизводства.

Постиндустриальные сценарии?

В условиях, когда ученые и инженеры получают меньше низкоквалифицированного рабочего? В условиях фантастического недофинансирования всей российской интеллосферы? Эта сфера разгромлена «Трестом ДК» еще более беспощадно, чем сфера индустрии. А также аграрная сфера, потерявшая за счет проекта «Треста ДК» 30 миллионов гектаров посевных площадей. Больше, чем в Великую Отечественную войну.

Итак, остается только роль сырьевого придатка. Постыдная и бесперспективная даже в условиях высоких цен на сырье. А если цены начнут падать? А ведь это более чем вероятно.

Но, даже в условиях высоких цен на сырье, на что обрекает Россию данный сырьевой, периферийный сценарий?

Признаем очевидное: производство сырья на экспорт требует не более 10 миллионов человек. Еще 20–30 миллионам будет отведена «почетная» роль разнообразного сервиса. Как административного и финансового, так и другого. А как же остальные? Ведь в России живет не 40, а 140 миллионов человек.

Экономисты высочайшей квалификации издадут одно исследование за другим. И в один голос говорят о том, что сырьевой, периферийный сценарий, который мы сейчас рассматриваем, предписывает оставшимся 100 миллионам роль так называемых лишних людей.

Возможно, этих людей будут подкармливать при высоких доходах от экспорта сырья. А возможно, и нет. В последнем случае от них будут освобождаться как мягкими, так и иными способами. Их будут спаивать, накачивать наркотиками, ввергать в полужвериное состояние, проворачивать через мясорубки так называемых локальных конфликтов. И так далее.

Лишними в этом случае станут не только простые люди, но и так называемая интеллигенция. Она окажется не нужна в таком количестве даже для обслуживания периферийного капитализма. А иная роль для нее в этом сценарии не предусмотрена.

Но и проблема №1, и проблема №2, и другие проблемы сходного типа, прекрасно выявляемые классическим марксистским анализом, не являются самыми существенными, коль скоро и впрямь «Трест ДК» хочет и может привести наш патологический псевдокапитализм в сколь-нибудь удобоваримое состояние.

В этом случае суперпроблема – легитимация.

Пусть даже «Трест ДК» занят не ликвидацией России, не ее пожиранием и расчленением, а чем-то менее зловещим.

Пусть даже этот Трест предполагает какое-то сколь угодно скромное «онормализование» отечественного капитализма. Чем и как Трест намерен легитимировать свое бесконечно уродливое дитя? Вряд ли Трест предполагает какие-то сверхоригинальные способы подобной легитимации. Ведь он планирует не только построить капитализм, но и вписать Россию в так называемое мировое сообщество. Пусть даже и в качестве периферии оною.

Так вот, и периферия мирового сообщества, и его ядро всегда используют один и только один способ легитимации капитала – проект «Модерн». А значит, «Трест ДК» должен насаждать в России именно этот проект, не так ли?

Крайне робкие и крайне неуклюжие телодвижения нашего Треста, вдруг заговорившего о какой-то модернизации, не имеют ничего общего с реализацией в России сколь-нибудь полноценного проекта «Модерн».

Во-первых, никто, нигде и никогда не реализовывал проект «Модерн» теми методами, которые рекомендуют идеологи нашей модернизации.

Во-вторых, проект «Модерн» исчерпан.

В-третьих, в России, в отличие от могучих азиатских стран, нет традиционного общества, которое можно бросить в топку Модерна.

А в-четвертых... И вот тут мы переходим к самому главному.

Глава 2. Модерн – и историческая Россия

Политический процесс не приобретет искомого характера, если мы не скажем правду самим себе и другим. В том числе и тем, кто является

нашими самыми непримиримыми противниками. Мы должны сказать ухмыляющимся десталинизаторам, десоветизаторам, антиимперцам и русофобам:

«Да, вы правы! Историческая Россия несовместима с Модерном.

Да, для того чтобы преодолеть эту фундаментальную несовместимость, нужно отказаться от всего: от русскости, от имперскости, от советскости. При этом нужно отказаться от всего сразу. Потому что и русскость, и имперскость, и советскость – это звенья одной цепи».

Признав эту правду – а это-то и бояться делать многие искренние российские патриоты, – нужно сделать следующий шаг. И ответить себе на вопрос, почему Россия не модернизируема. И почему она веками сопротивлялась модернизации – ей и только ей.

Ведь в итоге на модернизацию согласилась даже глубокая Азия, гораздо более далекая от западного центра модернизации, нежели Россия, чья культура, конечно же, являясь христианской, является одновременно и западной.

Так почему же Россия не модернизируема? В отличие не только от Европы и США, но и от Китая и Индии?

Потому что у Европы и США есть органичная для них и разработанная до деталей парадигма развития – Модерн.

Европа и США поставили в мировой историософской игре именно на эту карту. Они невероятно много выиграли. И заплатили за этот выигрыш весьма высокую цену.

Европа и США выиграли потому, что в течение пяти последних веков (начиная примерно с 1500 года нашей эры и вплоть до конца XX века) Модерн был той парадигмой, в рамках которой развитие осуществлялось наиболее мощно и системно. Европа и США развивались потому быстрее других, и сумели лучше других легитимировать капитализм. Ибо только проект «Модерн», как много раз уже говорилось, позволяет осуществить такую легитимацию.

Азия, в отличие от Европы и США, не обладает фундаментальным ноу-хау в вопросе о развитии. В этом вопросе Азия не претендует на свою собственную парадигмальность. В других вопросах у Азии есть такие претензии. Причем и глубокие, и убедительные. В вопросе же о парадигме развития Азия таких претензий лишена полностью. Поэтому она относительно легко заимствует Модерн как чужую парадигмальность. Она приспособливает Модерн к своей культуре, своему миропониманию. Приспособливает – но не впускает внутрь себя. Приспособливает – и добивается огромных успехов. Вначале тактических – в виде повышения качества жизни, роста экономической (а значит, и любой другой) мощи. Но это лишь первый шаг.

Наращивая свои успехи, Азия, конечно же, стремится вывести из игры векового западного конкурента. Сделав это, Азия будет по инерции развиваться до тех пор, пока в топку Модерна можно будет бросать остатки ее традиционного общества. А потом она застынет. Развитие прекратится. Лишенное его, человечество в каком-то смысле перестанет быть человечеством. Этот сценарий был бы единственным, если бы не Россия.

Ведь даже если Запад осмелится бросить вызов Азии и уничтожить ее до такой степени, чтобы она не могла соединить свои восточные возможности с западной парадигмой модернизации, это ничего, по сути, не изменит.

Осуществить что-то подобное можно только с помощью массивной ядерной войны. Но предположим, что это удалось осуществить. Что дальше?

Запад не может длиться Модерн по очень многим причинам. Модерн действительно близок к исчерпанию. Что же касается Запада, то, в отличие от Китая и Индии, он не может бросать в топку Модерна свое традиционное общество. Потому что это общество Запад уже давно использовал с подобной целью. И теперь ему бросать в топку нечего.

Итак, заимствование Азией западной парадигмы Модерна...

Огромные успехи Азии, достигнутые за счет такого заимствования...

Крах Запада как конкурента Азии...

Инерционное движение Азии в рамках позаимствованного ею западного Модерна...

И – остановка развития.

Повторяем, это было бы единственным сценарием, если бы не Россия. И это станет единственным сценарием, если Россия будет уничтожена.

Но почему Россия вообще, а в ее нынешнем состоянии тем более, может воспрепятствовать рассмотренному нами губительному сценарию? Или сценариям, если в качестве второго сценария рассматривать беспощадное уничтожение Азии Западом?

Потому что у России, в отличие от Азии, есть своя парадигма развития, качественно отличная от той парадигмы, которая именуется проектом «Модерн».

Дело не в том, что у России есть особый путь, о котором так любят говорить наши почвенники, избегая особых уточнений в вопросе о том, что стоит за словом «особый».

Дело в том, что Россия являлась и является – даже в ее нынешнем, крайне прискорбном состоянии – монопольным обладателем такого нематериального актива, как альтернативная Модерну парадигма развития.

Россия веками не хотела интегрироваться в Модерн. Но она веками же развивалась. Из этого логически проистекает не ее инаковость вообще, а ее способность сформулировать, а главное – реализовать немодернист-

ский способ развития. Не отказаться от развития, подобно премодернистской Азии. Не скопировать развитие, подобно Азии, расплывавшейся с премодернизмом. А развиваться иначе. Причем фундаментально иначе.

До тех пор, пока Запад мог демонстрировать фантастические успехи Модерна, побуждая Азию скопировать Модерн, наш способ развития был своего рода пятиколесным велосипедом. И можно было нас спросить: «Изобрести-то вам подобное чудовище удалось... Только вот зачем?»

Порою «пятиколесный велосипед» оказывался очень эффективным средством передвижения. Это, безусловно, было так в советский период. Но и в досоветский удавалось, оставаясь в рамках своей парадигмы развития, достигнуть достаточно впечатляющих результатов.

Россия срослась со своей парадигмой развития не в меньшей степени, чем Запад со своим проектом «Модерн». Отодрать Россию от своей парадигмы можно только сменив ее культурное ядро, демонтировав ее культурную матрицу. То есть полностью изгнав из России русский дух, фундаментальную русскость.

Но, если бы Модерн был окончательным историософским триумфом, а наша парадигма развития окончательным же образом потеряла бы всю и всяческую эффективность, Россия оказалась бы перед трагической дилеммой: отказываться от развития, обрекая себя на уничтожение, или расплываться со всем, что казалось ценным и важным.

Но нет и в помине никакого историософского триумфа Модерна. Модерн агонизирует. Спасать его можно отчасти только для того, чтобы продлить эту агонию и успеть привести человечество на иные рельсы истории. Альтернатива – отказ от истории вообще, грозящий чудовищными последствиями.

Если Модерн агонизирует, то ноу-хау России в том, что касается развития, является бесценным для каждого, кому дорого человечество. И кто не хочет, чтобы оно бесславно закончило свой путь, согласившись на неразвитие. Хоть в азиатском его варианте, хоть в западном.

Да, Россию соблазнили на отказ от этого ноу-хау, внушив ей, что это никому не нужный «пятиколесный велосипед».

Да, оказавшись в ловушке этого соблазна, Россия обрекла себя на саморазрушение. Но ее отказ не является окончательным и бесповоротным. Она еще не разрушила себя до конца.

Ей всего лишь нужно опять начать двигаться вперед, используя изобретенное ею средство передвижения.

Нужно научиться опять использовать это средство.

Нужно научиться любить это средство, понимать, сколь оно важно с точки зрения исторической судьбы человечества.

Нужно научиться вновь любить и уважать себя как создателя подобного средства.

Отрекшись от отречения, Россия спасет себя и мир. Она спасет человечество как сущность, неотделимую от развития.

Упорствуя в отречении, осуществленном двадцатилетием ранее, Россия окончательно погубит себя. Она окажется не только страной, в которой 100 миллионов граждан являются лишними людьми. Она окажется фундаментально лишней страной. Страной, которой нет места в новой миропроектной конфигурации. Той конфигурации, которая неминуемо возникнет, если России не отречется от отречения.

Глава 3. Новая конфигурация – и Россия

Азия не хочет отказываться от Модерна. Она понимает, что использование этого чуждого ей, но очень удобного для нее средства передвижения породит всемирно-историческую победу Азии, после которой можно будет и отказаться от чуждого средства передвижения.

Запад вообще и США прежде всего не могут согласиться на что-либо подобное. Запад понимает, что избежать азиатского триумфа можно двумя способами.

Простой способ предполагает буквальное уничтожение Азии. Коль скоро Запад решится на это, ему придется не только разрушить производительные силы крупнейших восходящих государств Азии. Ему придется еще и истребить большую часть населения таких государств. То есть никак не менее миллиарда человек. А на самом деле гораздо больше.

Нельзя сказать, что Запад к этому не готов. Запад готов любыми средствами бороться против триумфа Азии. И все же простой способ сопряжен с серьезнейшими издержками.

Запад понимает, что уничтожить Азию, не уничтожив самого себя, очень трудно. И потому делает ставку на сложный способ избегания азиатского триумфа, прибегая к простому способу на крайний случай. Каков же этот сложный способ?

Сложный способ предполагает изменение миропроектной конфигурации.

Проект «Модерн» перестает быть магистральным для человечества. В игру вводится, прежде всего, проект «Контрмодерн». Для начала запускается его так называемая исламистская версия (еще раз настоятельно просим не путать ее с исламом). Одновременно в игру вводится и проект «Постмодерн».

Сутью Контрмодерна является сознательный отказ от развития вообще. Даже от функционального технического развития. Идеалом объявляется Новое Средневековье. Возвращение к Премодерну? Никоим образом.

В Премодерне существовало все то, что здесь должно быть отменено. Все то, что позволило создать Модерн. Прежде всего, своя (небуржуаз-

ная, но очень накаленная) воля к прогрессу и гуманизму. Эта воля взращивалась премодернистским Западом в лоне определенных и определенным образом эволюционирующих религиозных идей. Именно логика подобной эволюции и привела к светской метафизике Модерна. Метафизике прогресса и гуманизма.

Контрмодерн все это отрицает. Он изымает из Средневековья его потенциал развития и человеколюбия. Утвердить нечто подобное можно только одним способом – побудив определенные сообщества к регрессу.

Советская «перестройка», а также начавшаяся сейчас российская «перестройка-2» – это и есть такие побуждения к регрессу. Хотел ли «Трест ДК» строить в России капитализм или же он имел гораздо более далеко идущие мрачные планы? В любом случае то, что «Трест ДК» совершил, породило регресс и не могло не породить его.

Изменение миропроектной конфигурации предполагает осуществление подобной же побудительной регрессивности в гораздо большем объеме. Недаром президент США Барак Обама назвал «Арабскую весну» (то есть побуждение исламского мира к регрессу и архаизации) вторым падением Берлинской стены. Первое падение Берлинской стены знаменовало собой регресс на территории Северной Евразии. Второе падение Берлинской стены знаменует собой регресс на территории огромного, сопряженного с нами региона, где протекают опаснейшие процессы.

Потом «берлинские стены» начнут падать одна за другой, открывая тем или иным регионам дорогу в регресс.

Этот регресс не обязательно должен носить исламистский характер. Но именно исламизм обладает влиянием на огромные массы и носит достаточно накаленно-регрессивный характер. Поэтому ему отведена роль своеобразного локомотива регресса, локомотива архаизации со всеми вытекающими отсюда последствиями для России.

Продолжение процессов регресса и архаизации на нашей территории – плюс стратегическое партнерство США и исламизма на ниве нового контрмодернистского Средневековья... Неужели непонятно, что одно это не оставляет для России вообще никаких шансов? Россия не может быть конкурентом исламизму во всем, что касается контрмодернистских действий. Она теряет себя как носителя спасительной парадигмы развития. Она уже оказалась нежизнеспособной в Модерне. Еще быстрее обнаружится ее нежизнеспособность в Контрмодерне. Нежизнеспособность – да и ненужность.

Образуется ли в этом случае на месте России исламистский халифат или мозаика архаизированных государств... Будет ли исламистский контрмодернистский халифат воевать с Китаем или модернистский Китай начнет выхватывать нужные ему кусочки архаизированной мозаики? Так ли это важно, если в любом случае Россия перестанет существовать?

Но России нет места и в Постмодерне. Это чужой и чуждый проект, разрешение на присоединение к которому находится в чужих и чуждых руках. Это проект, конкурирующий с Контрмодерном по степени мерзостности. Причем мерзостности, никак не совместимой с тем, что составляет суть России как исторической личности.

И наконец, это проект, совершенно несовместимый с территориальной целостностью России.

Модерн в России? Но Модерн, как мы убедились, близок к исчерпанию. Кроме того, у России нет возможности использовать для модернизации ресурс под названием «традиционное общество». Нет у России, в отличие от Азии, этого ресурса. А на нет и суда нет.

И наконец, Россия гораздо сильнее, чем Азия, сопротивляется классическому Модерну как чему-то чуждому и опасному. Она сопротивляется ему каждой клеточкой своего историко-культурного тела.

Россия понимает, если не умом, то сердцем, сколь важна для нее и для мира парадигма развития, резко отличающаяся от той, которую предлагает Модерн. Навязать ей Модерн можно только осуществив неслыханное насилие – духовное, культурное, политическое. Раньше, чем это насилие породит Модерн, оно убьет Россию. А вместе с ней и хранимую Россией парадигму развития, бесконечно важную именно сейчас, когда Модерн исчерпал себя.

Итак, Модерн уничтожает Россию.

Но и новая миропроектная конфигурация, предлагаемая капиталом, неспособным далее предьявлять Модерн в качестве источника своей легитимности, тоже уничтожает Россию.

В чем же выход?

В том, чтобы Россия в полной мере осознала себя в качестве единственного носителя парадигмы развития, которая качественно отличается от парадигмы, предлагаемой Модерном. Парадигмы, которой исчерпание Модерна придает особое всемирно-историческое значение. Что же это за парадигма?

Глава 4. Альтернативный Запад

Что препятствует четкому рельефному осознанию природы и содержания того трагического парадигмального дара, которым историческая судьба наделила Россию?

Дара, от которого она отреклась двадцать лет назад. Дара, который сейчас имеет неслыханное значение для человечества.

Осознанию природы и содержанию этого дара мешает затянувшийся конфликт западников и почвенников. Конфликт историософский и политический. Конфликт, тянущийся через столетия. Конфликт, сформировавший стереотипы понимания нашей исторической судьбы.

Эти стереотипы всегда мешали нашему окончательному историософскому самопониманию и самоопределению. Но сейчас они опасны и вредны более чем когда бы то ни было.

Западники убеждены в том, что есть один-единственный Запад, являющийся абсолютным благом, которому Россия никак не может причаститься.

Почвенники убеждены, что Запад – это абсолютное зло, от которого Россия должна держаться как можно дальше.

При этом никогда не давалось позитивного ответа на вопрос о том, чем именно является Россия, коль скоро она не является Западом.

Почвенническая мысль в целом сводилась к тому, что Россия не Запад. Но что же она такое? У почвенников ответа на этот вопрос не было. И ясно почему. Будучи людьми бесконечно тонкими и умными, почвенники не могли не понимать, что Россия никак не может быть Востоком, Азией. Разница между Россией и Китаем и Индией была слишком разительна.

В конце концов, речь шла об общей у России и Запада христианской самоидентификации. Непримируемая война двух ветвей христианства: католицизма и православия – не могла помешать осознанию того факта, что речь идет всего лишь о непримиримой войне двух ветвей одного и того же христианства.

Итак, для почвенников Россия не Запад, но и не Восток. Что же тогда?

Историософия не может удовлетвориться той эклектикой, которую предлагает ей столь уважаемая наука, как геополитика. Геополитику все ясно. Раз Россия не Запад (то есть не Европа) и не Восток (то есть не Азия), то она гибрид – то есть Евразия. С геополитической точки зрения, Россия, конечно, именно такова. Ну и что? Даже с политической точки зрения подобный разговор ущербен, поскольку есть и «либеральная Евразия» Андрея Сахарова, и несколько «консервативных Евразий». Что уж говорить об историософии?

Евразийцы остро переживали свою историософскую недостаточность. И не знали, чем и как ее компенсировать.

Может быть, назвать Россию мостом между Востоком и Западом? Но если подобные определения и имели определенное содержание в XVIII и XIX веках, то уже к концу XX-го это содержание полностью испарилось. Что уж говорить о втором десятилетии XXI века? Тут стало окончательно ясно, что Востоку (например, Китаю) не нужен никакой особенный мост для того, чтобы строить отношения с Западом. И каково тогда место России в мире?

Размышляя по этому поводу, Владимир Соловьев написал следующее:

*Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?*

Как мы видим, необходимость определения историософской сущности своего Отечества порождает расщепление понятий, с помощью которых можно дать такое определение. Понятие «Восток» расщепляется. Появляются два очень разных Востока. Но жизнь понятий, как ее ни назови: диалектикой или как-то иначе, – имеет свои законы. Согласно этим законам, коль скоро понятие «Восток» расщепилось, породив два Востока, должно расщепиться и понятие «Запад», породив два Запада.

Существование двух Западов вытекает не только из подобной диалектики понятий, которая, в конце концов, абстрактна и умозрительна. О существовании двух Западов говорит нам и история. Два Запада существуют с древнейших пор.

Они воспеты еще Гомером в «Илиаде». Ибо война между Троей и ахейцами – это и есть война одного Запада с другим. Причем война непримиримая. В каком-то смысле метафизическая. Иначе и не воспел бы ее Гомер. А если бы даже и воспел, то не оставил бы столь глубокого следа на тысячелетия.

Другой, уже не греческий, а римский поэт, Вергилий, оставивший столь же глубокий исторический, философский и художественный след, возводит род Энея, то есть Рим, к Криту. Соответственно, война между ахейцами и Троей предстает войной между крито-минойской и крито-микенской цивилизациями.

Мы говорим здесь даже не об исторических фактах, которые по-разному трактуются в разные эпохи, а о делящихся во времени идентификациях. О культурных нитях, тянущихся в лабиринте историософии.

Нить, сотканная Вергилием в его «Энеиде», тянется через эпохи, как и нить, сотканная Гомером. На этих поэмах формируются идентичности. Поэмы эти учат наизусть в лицах и гимназиях. И потому задаваемые ими социокультурные модели намного важнее археологических раскопок и исторических манускриптов.

Древний Рим очень много взял из Греции. Но он всегда ощущал ее в качестве своей враждебной альтернативы. Срывая непокорные греческие города, римские воины писали на табличках «мечь за Троию».

Империя Цезаря и империя Александра Македонского – это два разных Запада.

Константин Великий, покидая Рим, стремился построить новую восточную столицу в Трое. И лишь потом выбрал Константинополь.

Византийцы называли себя ромеями и при этом прекрасно понимали, что они являются альтернативой Риму, а не его повторением.

Эту тянущуюся из глубины веков альтернативность Византия передала Москве.

Дело тут вовсе не в Третьем Риме. А в том, что, приняв дар этой альтернативности, Россия окончательно оформила себя в качестве второго

Запада. Альтернативного тому классическому, который связал свою судьбу не с Грецией, а с Римом.

А теперь посмотрим внимательно в контуры той альтернативной парадигмы развития, которая одна лишь и противостоит Модерну, оставаясь именно парадигмой развития.

Модерн, дробя традиционное общество, бросает его в топку и движется вперед, формируя общество индивидуумов. Общество атомизированное и лишь потому регулируемое созданными Модерном институтами. Институтом права, который является для Модерна социальным суперрегулятором. Политическими институтами и так далее.

Россия после Петра уже не может использовать регуляторы Премодерна, эффективные лишь в случае, когда общество остается традиционным. Петр слишком сильно разорвал с традицией. Но Россия не признает право в виде суперрегулятора, а значит, не переходит на территорию Модерна. И при этом Россия развивается, причем стремительно.

Что же является суперрегулятором, позволяющим России сформировать быстро развивающееся немодернистское общество?

Анализ показывает, что таким регулятором является культура, которая в России играет совсем иную роль, чем на Западе. На Западе никто не будет говорить, что театр – это кафедра. Никто не будет воспринимать даже самых гениальных писателей как пророков. И моральных (а в чем-то даже религиозных) учителей.

Между тем так Россия отнеслась и к Толстому, и к Достоевскому.

Итак, Россия сохраняет коллективизм, обеспечивая развитие. А Модерн как западный вариант развития опирается на разрушение коллективизма.

Россия создает в советский период уникальный индустриальный и даже постиндустриальный коллективизм.

Одного этого достаточно, чтобы подтвердить принципиальную несхожесть Модерна и российского варианта развития.

Но ведь есть и многое другое. Россия не принимает той концепции светской безутешительности, на которой основан Модерн. Она все время ищет именно светскую или квазисветскую утешительность (то есть вне-религиозный шанс обретения бессмертия). Об этом говорит и «Общее дело» Федорова, и философия космизма, и большевистское богостроительство. Тут важны не исторически преходящие частности, а воля России к нахождению светской утешительности.

И вновь альтернативная парадигма развития.

Жанр документа не позволяет нам подробно описать все уровни подобной альтернативности. Приведенных доказательств достаточно для того, чтобы признать факт ее наличия. А нам здесь достаточно только этого признания. Ибо пора переходить к анализу политических и именно

политических последствий, вытекающих из данного фундаментального факта.

Россия приняла большевизм. С одной стороны, как западное марксистское учение. А с другой, – как нечто свое, глубоко народное. Но, приняв западное марксистское учение, Россия приняла не капитализм, не Модерн как способ легитимации капитализма, а нечто альтернативное. Мы вновь видим верность России фундаментальному принципу альтернативного Запада.

Может быть, поэтому Запад ненавидит Россию гораздо более яростно, чем он ненавидит Восток. Так ненавидят близкое и иное. Так ненавидят историсофского конкурента. Ибо полноценная историсофская конкуренция может иметь место только в случае, если у конкурентов есть альтернативные парадигмы развития.

А теперь вдумаясь в полученный нами политический результат.

Если Модерн был способом легитимации капитализма и если Россия веками (и до большевиков, и при них) была носительницей альтернативной Модерну идеи развития, то как Россия могла легитимировать свой капитализм? Ведь это потребовало бы для нее перехода на территорию Модерна, не правда ли?

Россия, оставаясь собой, храня свое великое предназначение, свой дар судьбы, не могла не отвергнуть капитализм. Маркс был западником и антикапиталистом. Ревнителем развития и противником Модерна. Потому он и оказался яростно принят именно Россией. Яростно принят и глубочайше переосмыслен. Из того, что предлагала ей историческая судьба, Россия могла принять только марксизм. Она его и приняла, переиначив на собственный лад. Есть органическое для России двуединство большевизмов: западнического, марксистского – и своего, народного. Без этого двуединства большевики не могли бы даже выиграть гражданскую войну. А уж тем более построить новое великое государство.

Вот что мы потеряли в 1991 году. Не одну из возможных форм государственности мы потеряли тогда. А свою историческую судьбу.

Вот что мы утратили. И вот что должны обрести. Как мы можем это не обрести, если наш капитализм оказался ходячей патологией? Если мы не можем принять Модерн, не расплевавшись с исторической судьбой и собственной идентичностью? Если Модерн исчерпан и сдан в утиль капиталистическим Западом, который взрастил для себя подобную легитимность? Если у нас нет основополагающих азиатских условий продления агонии Модерна? Если мы не хотим продлевать агонию, а хотим обрести новую жизнь?

Капитализм полностью потерял легитимность. Он либо ускоренно превратится в фашизм, либо покорно сойдет с исторической сцены. Скорее всего, он с нее покорно не сойдет. Капитализм сооружает новые ми-

ропроектные комбинации уже за пределами собственной легитимности. И за пределами капитализма как такового. Но эти комбинации так же несовместимы с жизнью России, как и переход на территорию агонизирующего Модерна.

Так как же можно спасти Россию, а вместе с нею и идею развития, а значит – все на свете? Гуманизм... Человека как такого...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ОТРЕЧЕНИЯ

Приняв капитализм, а значит, и Модерн, Россия отреклась от себя. Теперь ей надо отречься от своего отречения. То есть от Модерна и капитализма. Соответственно, она должна обрести новую жизнь уже по ту сторону капитализма.

Это не вкусовщина, не волонтаризм, не маниловщина, не утопические мечтания. Это единственный шанс России и человечества. Если, конечно, человечество не хочет погрузиться в пучину контр- и постмодернистских игр.

Первый проект – агонизирующий Модерн...

Второй и третий проекты – Постмодерн и Контрмодерн, зловещая суть которых усиливается созданием пост- и контрмодернистской миропроектной конфигурации.

Если Россия не может и не должна найти себя во всем этом, ей нужен Четвертый проект.

В основе этого проекта – альтернативная парадигма развития, которая пронесена Россией через века и которая в условиях агонии Модерна одна лишь только и может спасти идею развития. А значит, человека и человечество.

Прямые повторы малопродуктивны с исторической точки зрения. И все же не составляет труда увидеть, что коммунизм, осмеянный и оболганный, не случайная глупость, занесенная чужаками на попорченную российскую почву. Он-то как раз глубоко созвучен русской судьбе. Он отвечает высшему принципу этой судьбы, каковым, конечно же, является именно альтернативная парадигма развития.

Россия отреклась от коммунизма очень не вовремя.

Россия присягнула капитализму очень не вовремя.

Что ж, даже в самых страшных ошибках есть какой-то нам иногда до конца не видимый исторический смысл. Зачем-то это произошло. Зачем же? Не затем ли, чтобы Россия, испив горькую чашу и оказавшись над бездной, осознала глубину всего того, от чего отреклась когда-то? И смогла найти в себе силы... нет, не для прямого возврата в прошлое. А для глубочайшего переосмысления этого прошлого.

Нам и миру нужен сейчас не римейк на красную тему. Нам нужен Четвертый проект, который вобрал бы в себя все лучшее из растоптанно-

го советского прошлого. Который одновременно с этим учел бы некую, лишь сейчас проявленную произошедшей трагедией, великую и загадочную традицию. Не для того ли произошла трагедия, чтобы традиция была проявлена до конца?

Четвертый проект, вобрав в себя все лучшее от коммунизма, который Россия исторически пережила, воскресит все то, что исторический коммунизм не доделал, не доосмыслил, отбросил.

Исторический коммунизм отбросил метафизику, высший принцип светского утешения. Мы восстановим этот принцип в своих правах.

Исторический коммунизм отбросил необходимость бороться за нового человека и новый гуманизм. Мы вернем это в новый проект и новую жизнь.

Исторический коммунизм совершил онтологическую и одновременно психологическую ошибку. Он не сумел победно, радикально противопоставить принцип жизненной полноценности (того, что Эрих Фромм назвал словом «быть») принципу отчужденности (названному Фроммом словом «иметь»). Мы исправим эту ошибку.

Исторический коммунизм вообще не сумел построить мост между частным принципом эксплуатации и общим принципом отчуждения. Мы построим этот мост.

Исторический коммунизм остановился, решив индустриальные задачи, у того барьера, за которым наука становится полноценной производительной силой. Со всеми вытекающими из этого политэкономическими и политическими последствиями. Мы возьмем этот барьер.

Мы признаем, что место интеллигенции как прослойки занимает когнитариат как класс, обладающий в XXI веке всеми правами, вытекающими из того, что наука стала полноценной производительной силой.

Мы понимаем, что этот класс разгромлен в последнее двадцатилетие. Что ж, тем самым именно он в России стал наиболее гонимым, наиболее эксплуатируемым. Мы соберем осколки разгромленного класса. Мы построим этот класс и обопремся на него.

Четвертый проект не только историческая необходимость. Не только единственный способ спасения человечества от гибели. Он еще и способ легитимации власти.

Модерн легитимировал власть капитала. Четвертый проект легитимирует власть российского когнитариата. Разгромленного и униженного, но не уничтоженного.

Мы понимаем, сколь чудовищно сложна поставленная перед нами задача.

Мы понимаем, сколь труден путь, ведущий к ее решению.

Но мы понимаем и другое. Что никаких других вариантов спасти Россию нет. Что гибель России станет еще и гибелью человечества.

ПОСЛЕ КАПИТАЛИЗМА

Внутри абсолютной безвыходности, порожденной чудовищным поражением нашей страны, мы нашли маленький просвет. Мы увидели, что из тупика выйти можно. А значит, и нужно.

Мы лишь нащупываем пути этого выхода. Но там, где раньше мы видели лишь абсолютную безысходность, – луч света, бьющий сквозь узкую щель. Свет этот – из нашего посткапиталистического будущего. Построив которое, мы искупим случившееся двадцать лет назад. Мы вернем утраченное и обретем большее.

Мы еще не прозрели до конца. Но мы уже не слепы. И не беспомощны. Мы хотим прозреть сами и помочь прозреть другим. Мы собираем всех, кто стремится к тому же самому. Мы преодолеваем дух поражения в себе и других.

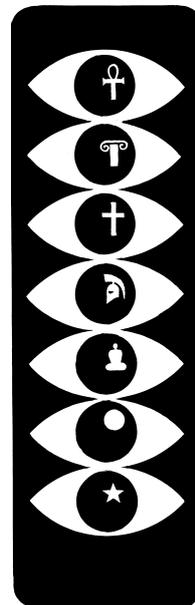
У нас есть шанс на победу. И мы должны его использовать до конца. Это наш долг перед живыми и мертвыми.

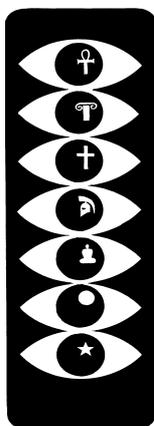
Всякий исторический закон есть заключение от следствий к причине, заключение, как известно, весьма проблематичное, ибо одно и то же следствие может быть вызвано разными причинами. И если два различных причинных ряда шли некоторое время параллельно, из этого не следует, что они и в будущем, как и в отдаленном прошлом, шли и будут идти рядом.

Питирим Сорокин

Все дело заключается в том, чтобы не смешивать две точки зрения, как это происходит, когда утверждают, будто о людях надо судить в соответствии с ценностями их времени, – и впадают в противоречие; мы можем либо судить, исходя из наших ценностей (но не в этом задача историка), либо сообщить, как люди того времени судили или могли судить, исходя из их собственных ценностей.

Поль Вен

Петр Савельев

**ХОРОШО
ЗАБЫТОЕ
СТАРОЕ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
329.1/.6

The author tracks the development of conceptual basis of the Russian empire's political parties study. Over the past 15 years an impressive progress in study of the Russian political parties has been achieved: full scale serial publication is going on, monographs dedicated to individual parties have been written, and several general works that allow characterize the system of political parties have been published. However understanding of enormous volume of accumulated material is impeded by an inadequate attention to methodological issues. On one hand, historians and specialists in history of parties perform their studies in insulation from each other. Interdisciplinary studies are the pressing need. On the other hand, conceptual results produced by the Russian scientists and political figures of the early 20th century are left behind though these results deserve attention and scrutiny.

Ключевые слова: Россия в начале XX в., политические партии, историография, развитие концепций, теория партий и партийных систем.

Key words: Russia in the beginning of 20th century; political parties; historiography; development of conceptual basis; theory of political parties and systems of political parties.

E-mail: savelev57@bk.ru

Не знаю как Вы, уважаемый читатель, но я очень часто ловлю себя на мысли о том, что все в истории, в том числе и изучение конкретных проблем, развивается по некой виртуальной спирали. На каждом очередном витке выясняется, что, казалось бы, решенные уже вопросы, требуют нового осмысления. А оно включает в себя не только формирование совершенно новых подходов, но часто и возвращение к прежним, хорошо забытым концепциям. В полной мере это относится и к изучению политических партий Российской империи.

РОССИЙСКИЙ ПАРТОГЕНЕЗ И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

Возникнув в рекордно короткие сроки в 1905–1906 гг., российские партии представляли собой не беспорядочный конгломерат политических субъектов, но, постепенно определяя отношения друг к другу, вступали между собой в союзы или вели борьбу, не только пытались разрушить существующую российскую государственность, но и стремились стать причастными к новой государственной власти, участвовали в выборах в Государственную думу, а внутри нее, создав партийные фракции депутатов, конфликтовали друг с другом и с правительством на законодательном поле.

Перед нами система политических партий, которая существовала и после 1906 г., постоянно изменяясь. Эти изменения касались не только отдельно взятых партий. Менялась позиция правительства по отношению к ним, менялось законодательство, менялась вся конфигурация системы. При этом очевидно, что мы имеем дело с последовательно сменяющимися и отличными друг от друга системами. Принципиально отличалась от дореволюционной многопартийность 1917 года. Она, в свою очередь, сменилась неким подобием двухпартийности, очень быстро эволюционировав в однопартийность. На рубеже 1980-х – 1990-х годов начался новый виток формирования многопартийности, в некоторых своих чертах повторявший процесс начала XX века и в то же время уникальный.

По своей спирали развивается и процесс изучения российских политических партий. Первый виток, синхронный существованию самих изучаемых объектов, представлен дореволюционной партийной публицистикой. При всей политической ангажированности, а стало быть, и односторонности этих публикаций у них было и большое преимущество перед последующей советской историографией – значительная теоретическая свобода, концептуальный поиск (основные концепции, которыми мы пользуемся до сих пор, зародились именно в это время), связь с академическими иссле-

дованиями теории партий. Тогда же предпринимаются плодотворные попытки рассматривать российские партии системно.

В 1920-е – 1950-е годы по мере развития однопартийной системы все сводится к изучению одной партии – коммунистической. При этом ее генезис невероятно удревяется, а историки чуть ли не соревнуются в поисках ее корней в возможно более далеком прошлом. Если в 20-х годах еще появлялись работы не только об отдельных партиях, но и об их борьбе в Государственной думе¹, то уже в сталинском «Кратком курсе истории ВПК (б)» вся партийная система дореволюционной России сводится к противопоставлению большевиков и меньшевиков (которые и партиями-то самостоятельными не были) при редких упоминаниях кадетов. Невероятно обедняется методологическая база исследования, сводящаяся к «марксистско-ленинскому учению о партии нового типа», а на самом деле к его пониманию И.В.Сталиным. В 1921 году он ограничился лаконичной, но выразительной формулой: компартия – это «орден меченосцев внутри государства Советского». В дальнейшем к этому было добавлено: высшая форма классового объединения пролетариата, его авангард, основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата, единство воли, несовместимое с существованием фракций². Научное осмысление истории партий прекратилось.

С 1960-х годов в советской историографии возрождается изучение «мелкобуржуазных» и «буржуазных» партий. Первой работой, посвященной специально такой партии, стала монография К.В.Гусева об эсерах³. Партии, как правило, рассматривались каждая сама по себе. Правда, советская наука в целом не осталась в стороне от создававшейся тогда теории систем⁴. В рамках интересующей нас темы системообразующим фактором выступала РСДРП–РКП (б), которая со всеми остальными партиями боролась (отражение реалии: «КПСС – ядро поли-

---

¹ Слепков А.Н. *Классовые противоречия в первой Государственной думе*. Пг., 1923; Томсинский С.Т. *Борьба классов и партий в первой Государственной думе*. Краснодар, 1924; Его же. *Борьба классов и партий во второй Государственной думе*. М., 1924; Сеф С.Е. *Буржуазия в 1905 году. По неизданным архивным материалам*. М.; Л., 1926; Мецгеряков В. *Партия социалистов-революционеров*. М., 1922. Ч.1–2; Попов Н.Н. *Мелкобуржуазные антисоветские партии*. М., 1924; Стальной В. *Кадеты*. Харьков, 1929; «Союз русского народа». *По материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г.* / Сост. В.Черновский. Ред. и вступит. ст. В.В.Викторова. М.; Л., 1929; Залетский В. *Монархисты*. Харьков, 1929.

² Сталин И.В. *Соч.* Т.5. С.71, 72; Т.6. С.170–186; Т.8. С.31–60.

³ Гусев К.В. *Крах партии левых эсеров*. М., 1963.

⁴ Садовский В.И. *Общая теория систем как метатеория*. М., 1971.

тической системы СССР»). Позитивными итогами этого периода изучения российских политических партий были значительное накопление фактического материала, формирование круга специалистов по истории партий, регулярно собиравшихся на научные конференции.

Во второй половине 1980-х годов предпринимаются попытки создания обобщающих работ, в которых российские партии рассматриваются в определенной системе⁵. На этом уровне происходит некая ревизия концепции: уточняются определение понятия «партия», классификационные схемы, представления о генезисе и социальной базе партий⁶. Для объяснения процесса генезиса политических партий была применена концепция модернизации России как страны второго эшелона развития капитализма. Поставлен вопрос о различии типов партий. Особенно нужно отметить применение историками математических методов, в дальнейшем, к сожалению, не получившее достойного продолжения⁷. Была предложена классификация партий по территориальному и национальному признакам: имперские (общероссийские), региональные и национальные с использованием доктринального критерия – социалисты, либералы и консерваторы, а репрезентативной признана выборка пяти крупнейших партий: Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), Партии социалистов-революционеров (ПСР, эсеры), Партии народной свободы (ПНС, кадеты), Союза 17 октября (октябристы) и Союза русского народа (СРН, черносотенцы). Сравнительный анализ этих партий с использованием математических методов позволил сделать следующие выводы. Основная масса организаций и членов

⁵ *Непролетарские партии России. Урок истории / Отв. ред. К.В.Гусев, Л.М.Спирин. Авторы – В.В.Коллин, В.И.Миллер, С.В.Тютюкин, В.В.Шелохаев. М., 1984; Басманов М.И., Гусев К.В., Подушкина В.А. Сотрудничество и борьба: Из опыта отношений КПСС с непролетарскими и некоммунистическими партиями. М., 1988; Непролетарские партии России в трех революциях / Отв.ред. К.В.Гусев. М., 1989.*

⁶ См., например: *Непролетарские партии России. Урок истории... С.3–15; Тарновский К.Н. О предпосылках образования в России марксистской партии нового типа // Вопросы истории КПСС. 1987. №10; То же // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1989. Кн.2. С.207–232; Тарновский К.Н. О некоторых особенностях формирования непролетарских партий в России // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С.20–29; Волобуев О.В., Миллер В.И., Шелохаев В.В. Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные проблемы // Там же. С.5–20; Свалов А.Н. О пролетарских партиях «старого» и «нового» типа // Рабочий класс и современный мир. 1990. №1. С.142–147.*

⁷ *Леонов М.И., Уткин А.В., Шелохаев В.В. Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987.*

этих пяти партий была сосредоточена в европейской России в крупных городских центрах, прежде всего в столицах, сельское же население и все население азиатской части страны было мало причастно к политической деятельности. При преимущественно интеллигентском составе всех партий исследование выявило высокий уровень связей социал-демократов и социалистов-революционеров с рабочими. Вместе с тем установлено отсутствие корреляции между численностью социал-демократических организаций и размахом стачечного движения. Октябристы и кадеты были связаны с городскими слоями населения. Причем их электорат отличался более высоким уровнем грамотности по сравнению с социалистами. Неожиданным результатом анализа стал выявленный факт высокого уровня корреляции численности либералов и численности забастовщиков. Исследование показало отсутствие тесных связей СРН с какими-то определенными социальными группами. Дворяне играли важную роль в руководстве всех 5 партий (РСДРП – 24%, эсеры – 60%, кадеты – 80%, октябристы – 72% и СРН – 50%). Причем у кадетов и октябристов достаточно четко и определенно прослеживается относительное преобладание лиц, владевших недвижимостью и значительными капиталами. Сделан и вывод о том, что в 1905–1907 годах в России сложилась многопартийная система с массовыми партиями⁸.

Крах КПСС и советской системы привел к решительному отказу от государственно-охранительной концепции в отечественной историографии. Начался поиск новых методологических подходов, концептуальное сближение с зарубежной историографией. Прежде всего, было преодолено представление о монополии одной, большевистской партии на истину.

Важнейшим достижением текущего историографического этапа стала масштабная публикация документов отдельных партий в серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие», начатая в 1994 году и продолжающаяся ныне (издано уже около полусотни томов)⁹.

⁸ Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. *Политические партии России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение (количественный анализ)*. // *История СССР*. 1990. №4. С. 76; 81–82; 85–86.

⁹ *Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии: В 6 т. М., 1994–1996; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 т. М., 1996; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы 1900–1907 гг.: В 3 т. М., 1996; Меньшевики. Документы и материалы 1903 – февр. 1917 г. М., 1996; Правые партии. Документы и материалы. 1905–1907 гг.: В 2 т. М., 1998 и др. – В истекшем году опубликованы: Бунд.*

Трудно переоценить значение создания энциклопедии «Политические партии России»¹⁰, с авторским коллективом более 100 ученых. В ней представлено около 900 статей о 127 партиях, их печатных органах и почти 700 руководящих деятелях.

С середины 1990-х годов началось и создание на основе более широкой источниковой базы и ревизии прежнего концептуального подхода монографий об отдельных политических партиях¹¹.

Эти же тенденции характерны и для двух учебников по истории политических партий России¹². В отличие от книги «Непролетарские партии России» их авторы исходят из иного понимания дефиниции «партия». Вместо «активная часть класса» теперь это «активная часть общества», «группа единомышленников», отстаивающая интересы «определенной части народа». Общим в определении остается наличие организационной структуры и деятельности по завоеванию и удержанию политической власти¹³. В то же время высказано и важное соображение о том, что выработка общеприемлемого определения партии вряд ли возможна. Это действительно так, ибо в масштабе всемирной истории партии прошли многовековую путь развития, постоянно изменяясь вслед за изменениями общества. Этот процесс продолжается и в наши дни. Поэтому и не может быть универсального определения, верного для всех времен и народов. Поэтому партологи идут по пути выделения признаков типа партии, характерного для определенной исторической эпохи.

Немало внимания уделяется по-прежнему проблеме классификации партий. Причем во втором варианте учебника говорится о возможности разных подходов к ней, в зависимости от интересующего исследователя

Документы и материалы. 1894–1921 гг. М., 2010; Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной Делегации РСДРП. 1922–1951 гг.: В 2 ч. М., 2010.

¹⁰ *Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В.Шелохаев. М., 1996.*

¹¹ *Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1998; Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997; Городецкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998; Сыпченко А.В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М., 1999; Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001; Тютюкин С.В. Меньшевизм: Страницы истории. М., 2002; и др.*

¹² *История политических партий России / Под. ред. А.И.Зевелева. М., 1994; Политические партии России: История и современность / Под. ред. А.И.Зевелева, В.В. Шелохаева, Ю.П.Свириденко. М., 2000.*

¹³ *Непролетарские партии России. Урок истории... С.4; История политических партий России... С.5–7; Политические партии России: История и современность... С.5–6.*

аспекта темы. В том числе по идеологическому критерию партии предлагается делить на консервативные, либеральные и социалистические; по тактике – на праворадикальные, умеренные и леворадикальные; по месту в Государственной думе – на правые, центристские и левые; по территориальному принципу построения и деятельности – на общероссийские, региональные и национальные. Допускается также осторожное использование социального критерия классификации¹⁴. Значительно пересмотрены представления о генезисе российских политических партий, который представляется теперь как длительный, многофакторный процесс, имеющий как сходство, так и значительные отличия относительно соответствующего процесса в западноевропейских странах¹⁵.

Ряд важных концептуальных вопросов был поднят на международной конференции, посвященной истории национальных политических партий¹⁶. Это и возвращение к теме сравнительного количественного анализа партий, и постановка вопроса о законодательной основе многопартийности, и проблема классификации национальных партий. Но важнее всего то, что материалы конференции дают основание задуматься над тезисом об опережающих центр темпах партийного строительства на национальных окраинах империи.

Изучение отдельных партий продолжалось и в первое десятилетие XXI века. Однако размах и темпы его явно снизились, а системные исследования не получили своего дальнейшего развития. Исследователи переключились на углубленную проработку ряда чрезвычайно важных для понимания российской партийной системы проблем.

Так, активно ведется исследование механизмов деятельности Государственной думы и партийных фракций в ней¹⁷. В.В.Шелохаевым поставлен вопрос о Думе как об ускорителе российского политического процесса¹⁸.

¹⁴ *Политические партии России: История и современность...* С.8–9; 79–80.

¹⁵ *Политические партии России: История и современность...* С. 69–85; Тютюкин С.В. *Рождение российской многопартийности. // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С.112–130.*

¹⁶ *История национальных политических партий России. Материалы международной конференции. / Ред. А.И.Зевелев, В.В.Шелохаев, В.В.Журавлев и др. М., 1997.*

¹⁷ *Козбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906–1907 гг. М., 1996; Демин В.А. Государственная дума России: механизм функционирования. / Под.ред В.В.Шелохаева. М., 1996; Его же. Фракции II Государственной думы. // Вопросы истории. 2006. №10. С.25–41; Государственная дума Российской империи. Энциклопедия в 2 т. М., 2006. Т.1: 1906–1917 / Ред. В.В.Шелохаев, А.Н.Аринин, В.В.Журавлев и др.; Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг. Документы и материалы. / Ред. П.А.Пожигаило, Н.И.Демидов, В.В.Шелохаев. М., 2006 и др.*

Мощным потоком хлынула литература по истории общественно-политической мысли, доктринальным основам партийности¹⁹.

Разворачивается изучение генезиса гражданского общества и, в связи с этим, выявление механизмов формирования общественного мнения и протопартийных организаций²⁰, а также исследования в рамках теории элит²¹.

В ПОИСКАХ КОНЦЕПЦИИ

В целом за последние полтора десятка лет в изучении российских политических партий и их системы проделана колоссальная работа.

Опубликован огромный массив источников, введен в научный оборот значительный новый фактологический материал, но осмысление его значительно отстает от публикации. Кроме указанных выше работ В.В.Шелохаева и С.В.Тютюкина, концептуальный характер носят лишь постановочные статьи В.И.Миллера и

---

¹⁸ Шелохаев В.В. Государственная дума как фактор ускорения политического процесса в России // *Задавая вопросы прошлому...* М., 2006. С.72–88.

¹⁹ *Модели общественного переустройства России. XX век / Отв.ред. В.В.Шелохаев. М., 2004; Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия / Ред. В.В.Журавлев, О.В.Волобуев, В.В.Шелохаев и др. М., 2005; Общественная мысль русского зарубежья. Энциклопедия / Ред. В.В.Журавлев, О.В.Волобуев, В.В.Шелохаев и др. М., 2009; Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия / Отв.ред. В.В.Шелохаев. М., 2010; Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия / Отв.ред. В.В.Шелохаев. М., 2010; и др. В том числе 112-томная «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века» (Ред.совет: Л.А.Опенкин, А.К.Сорокин, В.В.Шелохаев и др. М., 2010).*

²⁰ Павлов Д.Б. Петербургский клуб общественных деятелей (1905–1913 гг.) // *Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в. Тамбов, 2001. С.51–59; Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 гг. Тамбов, 2002; Невоструев Н.А. Образование и развитие элементов российского гражданского общества на Урале во второй половине XIX – начале XX в. Пермь, 2005; Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX века. М., 2007; Соловьев К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. 1899–1905 гг. М., 2009; и др.*

²¹ Гаман-Голутвина О.В. Политическая элита России: Вехи исторической эволюции. М., 2006; Волобуев О.В. Инициативное меньшинство – движущая сила истории: к постановке проблемы. // *Задавая вопросы прошлому...* М., 2006. С.11–24; Кукушкина И.А. Лидер политической партии в XX в. (На примере Австрии и России) // *Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство. М., 2007. С.202–232.*

К.В.Гусева²² и С.В.Леонова²³, пока не оказавшие заметного влияния на развитие конкретных исследований. Показательно, что написаны они независимо друг от друга. Леонов даже не упоминает первую статью.

Отмечая существенные расхождения исследователей во взглядах на вопрос, когда в России установилась однопартийная система, Миллер полагал, что они вытекают из нечеткости понятийного аппарата, в частности из смешения понятий «многопартийность», «многопартийная политическая система» и «партийная система»²⁴. Последнюю он определил как совокупность политических партий, расположенных в последовательности, характерной для политического спектра²⁵. При этом он подчеркивал, что она «имеет четко определенную структуру, образуемую отдельными партиями, их блоками и – более крупно – лагерями». Вместе с тем эта система целостна, ибо ее характеристика не сводится к сумме признаков отдельных политических партий, и динамична²⁶. Значительную роль в формировании этой системы, с его точки зрения, сыграла Государственная дума. Хотя она и не стала подлинным парламентом, именно в ней сложилась система партийных фракций, которая предполагала существование определенного механизма межпартийных отношений.

Принципиально важное значение имеет мнение В.И.Миллера о том, что вторая революция в России разрушила и заменила новой систему политических партий, сложившуюся в годы первой революции²⁷. Это было неизбежно потому, что первая российская партийная система была основана на ограниченном, неравном и непрямом избирательном праве. И как только в 1917 году российские партии в равной мере оказались перед лицом всех избирателей, сложилась принципиально новая партийная система. Ряд прежде значимых партий ушел в политическое небытие, и, наоборот, на политической арене появились новые сильные игроки²⁸.

---

²² Миллер В.И., Гусев К.В. Система политических партий России: К постановке вопроса. // Кентавр. 1992. №11. С.92–99. – Ряд положений этой статьи был развит В.И.Миллером в диссертации в форме научного доклада «Революция в России. 1917–1918 гг. Проблемы изучения» (См.: Миллер В.И. Осторожно: история! М., 1997. С.23–27).

²³ Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX в. – 1917 г.) // Вопросы истории. 1999. №11–12. С.29–48.

²⁴ Миллер В.И. Осторожно: история! С.24.

²⁵ Там же. С.25.

²⁶ Миллер В.И., Гусев К.В. Указ. соч. С.95–96.

²⁷ Миллер В.И. Революция в России. 1917–1918 гг. Проблемы изучения // Миллер В.И. Осторожно: история! С.26.

²⁸ Миллер В.И., Гусев К.В. Указ. соч. С.96.

Поставив и отчасти решив вопросы о содержании понятий «многопартийность», «многопартийная (однопартийная) политическая система», «система политических партий», Гусев и Миллер полностью запутались с центральным понятием – «партия». Этот же упрек можно сделать и С.В.Леонову. Как-то походя он обозначает свой объект – «партии, созданные в конце XIX – начале XX века»²⁹. Под партийной системой он понимает совокупность политических партий, обладающих определенной внутренней структурой, логикой развития и местом в политической системе общества³⁰. Немало места уделяя выявлению особенностей российской политической системы, он указывал на ее схожесть с итальянской или французской системами³¹. Так же как и Миллер, Леонов полагает, что Февраль 1917 года «похоронил» прежнюю партийную систему и создал новую, но указывал еще и на Положение о выборах в Государственную думу от 3 июня 1907 г. как на важный рубеж в трансформации политической системы³². Совершенно справедливо он полагал, что «методологический вакуум можно заполнить, используя, с учетом российской специфики, разработанный и испытанный во всем мире политологический аппарат»³³.

Эти возможности существенно расширяются благодаря активно развивающейся отечественной партологии. Наряду с исследованиями партийной системы Российской Федерации появились и первые обобщающие теоретические работы Ю.К.Малова, С.Е.Заславского, Б.А.Исаева³⁴. В некоторых политологических работах имеются и исторические экскурсы, правда, не отличающиеся оригинальностью³⁵.

Но партология, так же как и политология в целом, объектом своего изучения имеет современные нам политические институты и отноше-

---

²⁹ Леонов С.В. Указ. соч. С.29.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С.41.

³² Там же. С.38, 42.

³³ Там же. С.29.

³⁴ Малов Ю.К. Введение в теорию политических партий: Обзор идей и концепций. М., 2005; Основы теории политических партий: Учебное пособие / Под ред. С.Е.Заславского. М., 2007 (авторы: А.Ю.Ашкеров, М.А.Бударагин, Н.В.Гараджа, В.Н.Данилов, М.В.Жаров, С.Е.Заславский, Д.Ю.Кралечкин, К.К.Мартынов); Исаев Б.А. История партий. СПб., 2007; Его же. Теория партий и партийных систем: учебное пособие для студентов вузов. М., 2008; Теория партий и партийных систем: Хрестоматия / Сост. Б.А.Исаев. М., 2008.

³⁵ Исаев Б.А., Семиндяев В.Б. Формирование политических партий России (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2000; Малов Ю.К. Указ. соч. С.126–134; Зотова З.М. 100 лет российской многопартийности. М., 2006. С.5–85.

ния. Поэтому при создании исследовательской теоретической модели партийной системы возникает проблема корректности ее применения к реалиям начала XX в. Российские партии того времени в большинстве своем относились к типу массовых партий³⁶, эпоха которых завершилась в середине XX столетия. По доминирующей идеологии это был период восходящего развития социал-демократических партий, который также уже закончился. Для нашего времени характерны всеохватные³⁷ и картельные³⁸ партии с плюралистической и прагматической идеологией. Поэтому создаваемая историком модель должна быть откорректирована трудами партологов начала XX века, в том числе и отечественных³⁹.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЕРВОМУ ВИТКУ СПИРАЛИ

Их ряд по праву открывает книга М.Я.Острогорского «Демократия и политические партии» (1898)⁴⁰. Эта во многих отношениях пионерская работа получила всемирную известность и, по сути, открыла новый период в развитии партологии, для которого было характерно стремление понять партию как организацию.

---

³⁶ Массовая партия отличается от предшествующего ей по времени создания типа партии – парламентской фракции (или кадровой партии) – своими активными действиями вне парламента, стремлением постоянно оказывать влияние на вполне определенные социальные слои общества. Впервые такой тип партии создали социал-демократы, декларируя свою монополию на представительство интересов рабочего класса.

³⁷ Всеохватные партии в борьбе за электорат сознательно отказались от представительства интересов отдельных социальных групп, претендуя на выражение общенационального интереса.

³⁸ Картельные партии возникают в результате сговора партийных функционеров и группы государственных чиновников о распределении государственных постов.

³⁹ На это уже обращалось внимание исследователями, а некоторые труды того времени были переизданы: Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии. // Диалог. 1990. №3, 7, 8, 9, 10, 13, 15; 1991. №3; Медушевский А.Н. М.Я.Острогорский и проблемы современной демократии // Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997; То же. 2010; Майоров А.Г. Концепция политических партий в трудах М.Острогорского и Р.Михельса // Политические партии России. Страницы истории; Мир политической мысли: Хрестоматия по политологии. СПб., 2002. Кн.2: Основатели российской науки о партии / Под. ред. Б.А.Исаева; и др.; Дюверже М. Политические партии. М., 2007 (издавалась неоднократно).

⁴⁰ Ostrogorski M. La démocratie et les partis politiques. Paris, 1898; Острогорский М.Я. Демократия и политические партии.

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

Острогорский исследовал с этой точки зрения английские и американские партии. И здесь, и там он обнаружил образование так называемых кокусов – закрытых собраний, на которых в узком кругу, без учета мнения партийных низов решаются наиболее важные вопросы, что ведет к бюрократизации и олигархизации партии. На родине исследователя его труд оказался невостребованным. Во-первых, потому что объектом его изучения были партийные системы, заведомо далекие от становящейся российской партийности; а во-вторых, вследствие крайне негативного отношения автора к партиям, препятствовавшим, с его точки зрения, дальнейшему развитию демократии, что прямо противоречило настроению российской общественности того времени.

М.Я.Острогорский

М.М.Ковалевский

Вообще характерно, что первые российские партологи, изучая политический процесс на родине, обращались к зарубежной практике, ибо в России с точки зрения теории того времени партий еще не было. Всемирно известный отечественный ученый, а также практик партийного строительства⁴¹ М.М.Ковалевский в труде «Происхождение современной демократии»⁴² исследовал процесс зарождения французских политических партий и их роль в трансформации политических институтов, создании новой политической системы.

Философ, историк, публицист и общественный деятель либерально-консервативного направления Б.Н.Чичерин в шестой книге своего «Курса государственной науки» (1894–1898) «Политика партий» выходил на более высокий уровень теоретического обобщения⁴³. Он полагал, что партии – явление естественное. Стараться подавить в обществе всякое самостоятельное политическое мышление – значит обрекать его на «состояние полного бессмыс-

Б.Н.Чичерин

⁴¹ *Лидер Партии демократических реформ (1906 г.).*

⁴² *Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. М., 1895. Т.1–3; Его же. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений. М., 1906. Т.1–3; Его же. Партия демократических реформ и ее программа // Вестник Европы. СПб., 1906. Кн.2. С.786–793.*

⁴³ *Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1898. Т.3.*

лия». К этому стремятся деспотические правительства, но это никогда им не удастся. Когда общество включается в решение государственных дел, из идейных направлений образуются партии с определенной программой и организацией. Последняя, с его точки зрения, необходима постольку, поскольку партия ведет не только парламентскую, но и внепарламентскую деятельность. В каждом обществе существует охранительная (консервативная) и прогрессивная (либеральная) партии. Они составляют центр. Кроме них, естественным образом возникают крайне радикальная и крайне реакционная партии. Чичерин указывал также на возможность образования партий по религиозному и национальному признакам.

Правовед Ю.С.Гамбаров в работе «Политические партии в их прошлом и настоящем» (1904) решал проблемы определения политической партии и условий ее возникновения, ее роли и места в политической системе общества. Понятие «партия» он определял как общественную группу, для которой характерна общность интересов, идей; как свободную организацию (не юридический, а социальный факт), образующуюся только в правовом государстве; ее цель – завоевание политической власти. Отсюда такой ее признак, как совместное политическое действие⁴⁴. Возникновение партий он связывал с крахом традиционного общества: «Торжество демократии разрушило везде старые устои политического общества; иерархия классов и традиционные нити, связывавшие индивид с обществом, были порваны. Требовалось найти новые связи, вылить новые формы, в которых разбитый на атомы народ мог бы проявить свои новые функции держателя верховной власти. Этими формами и стали... политические партии»⁴⁵. Гамбаров предлагал следующую типологическую схему партий: абсолютисты (т.е. сторонники абсолютной монархии), консерваторы, либералы и радикалы⁴⁶.

Рубежом в развитии русской партологии стал 1905 год. На российского читателя буквально обрушился целый поток литературы о партиях. В нем, во-первых, выделялись агитационные брошюры отдельных партий, содержащие политическую саморекламу⁴⁷. Во-вторых, это были

⁴⁴ Гамбаров Ю.С. *Политические партии в их прошлом и настоящем*. Изд. 2-е. СПб., 1905. С.3, 4, 5.

⁴⁵ Там же. С.45–46.

⁴⁶ Там же. С.18–19.

⁴⁷ *К русскому народу*. Издание торгово-промышленной партии. М., 1906; Ковалевский М.М. *Политическая программа нового союза народного благоденствия*. СПб., 1906; Корнилов А.А. *Партия Народной свободы (Исторический очерк)*. Пг., 1917; Левицкий В.О. *Исторический очерк развития Российской социал-демократической рабочей партии*. М.,

сборники программ российских партий⁴⁸. В третьих, это были обзоры, знакомившие русского читателя с западным парламентаризмом и партийностью⁴⁹. Наконец, это была публицистика лидеров российских политических партий, представлявшая собой попытку первых обобщений функционирования системы политических партий и их взаимодействия в Государственной думе.

Не претендуя на исчерпывающий характер обзора, приведем ряд примеров.

Для лидеров правых партий было характерно отрицательное отношение к партийности. Оно вытекало из враждебного отношения к демократии как «великой лжи нашего времени». Так, один из лидеров Союза русского народа И.И.Восторгов, несмотря на активную партийную деятельность, постоянно обращался с призывами к царю запретить партии и Думу и вернуться к самодержавному правлению. И все же, рассматривая партии как социальное зло, он предлагал для борьбы с ним создать

1917; *Партия демократических реформ*. СПб., б.г.; *Партия «Мирного обновления»*. СПб., 1906; *Партия свободомыслящих. Программа*. СПб., 1905; *Программа и устав крестьянской партии*. СПб., 1906; *Программа Мусульманской партии*. Б.м и г.; Трубецкой Е.Н. *Партия «Мирного обновления»*. М., 1906; и др.

⁴⁸ Велихов Л.А. *Сравнительная таблица русских политических партий*. СПб., 1906; *Основные положения программ русских политических партий. 1906 г. Наглядная сравнительная таблица* / Сост. Б-ов. СПб., 1906; *Политические партии в России: социал-революционная, социал-демократическая, торгово-промышленная, монархическая*. М., 1905; *Полный сборник платформ всех русских политических партий с приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 года и всеподданнейшего доклада графа Витте*. СПб., 1906; *Полное собрание подробных программ русских и польских политических партий*. Вильно, 1906; *Политические партии. Сборник программ существующих в России политических партий* / С прим. и предисл. Н.Васина. М., 1906; *Политические партии Финляндии* / С предисл. Н.А.Кочарова. СПб., 1909; *Российские партии, союзы и лиги* / Сост. В.Иванович. Ред. Г.Фальборк и В.Чарнолусский. СПб., 1906; *Сборник программ политических партий в России* / Под. ред. В.В.Водовозова. СПб., 1905–1906. Вып.1–6; и др.

⁴⁹ Берлин П.А. *Первый немецкий парламент*. СПб., 1906; *Его же. Политическая борьба в парламенте*. СПб., 1906; *Его же. Политические партии на Западе: их доктрины, организация и деятельность*. СПб., 1907; Жордания Н.Н. *Происхождение и развитие политических партий в Германии*. СПб., 1905; *Государственный строй и политические партии в Западной Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах* / Ред. Е.Смирнов. СПб., 1910–1916. Т.1–3.; *Политический строй современных государств*. М.; СПб., 1905–1906. Т.1–2; и др.

монархическую организацию⁵⁰. Кстати, такой опыт у правых имелся⁵¹. Настоящим инноватором Восторгов был в вопросе о создании партии православного духовенства. «Остаться вне партии невозможно практически, – писал он, – придется иметь "свою" партию»⁵². В нашей исторической литературе вопрос о том, почему же в православной стране при наличии обновленческого движения так и не возникла православная партия, тогда как на Западе католические и протестантские организации весьма влиятельны (а на Востоке – мусульманские), даже не ставился. Публицистическое наследие Восторгова дает и ответ на вопрос, отчего российские правые партии сложились относительно поздно и, в конечном счете, оказались политически несостоятельны. Это прямо вытекало из их доктрины, согласно которой любые демократические институты, в том числе и партии, суть зло.

Умеренные либералы также были весьма критически настроены по отношению к партиям. Так, историк, крупный деятель народного образования и авторитетный член партии «Союз 17 октября» В.И.Герье в политической практике исходил из конституционных идей эпохи Великой Французской революции, реализации которых, разумеется без всякого якобинства, желал в России⁵³. В полном согласии с просветительской идеологией Герье осуждал партии, поскольку они выражали частный интерес и отступление от общей воли. Но он и признавал неизбежность их существования. Задаваясь вопросом, какой из существующих в России партий следует вручить правительственную власть, он давал обстоятельную характеристику их программам и тактике, обрушивая весь огонь критики на кадетов (показательно, что и Восторгов считал ниже своего достоинства критиковать левых радикалов, сосредоточиваясь на кадетях). На поставленный же вопрос формулировался ответ, не

⁵⁰ Восторгов И.И. *Кто должен быть в Государственной думе. Две речи протоиерея Иоанна Восторгова*. М., 1906; Восторгов И.И., Щербатов А.Г. *Речи на Всероссийском съезде русских людей 6 апреля 1906 г. в Москве*. М., 1906.

⁵¹ Сенчакова Л.Т. «Священная дружина» и ее состав // *Вестник МГУ*. 1967. Серия 9: История. №2; Черёмин А.М. *Священная дружина. Российский опыт борьбы с терроризмом на общественных началах*. // *Русский дом*. 2006. Март. №3; Апрель. №4.

⁵² Иоанн Восторгов, протоиерей. *Полн. собр. соч.* СПб., 1995. Т.4. С.396. – С большими подробностями о предполагаемой христианской партии писал С.Н.Булгаков (Булгаков С.Н. *Неотложная задача (О союзе христианской политики)* // *Христианский социализм (С.Н.Булгаков)*. Новосибирск, 1991. С.25–59).

⁵³ Герье В.И. *Идея народовластия и французская революция 1789 года*. М., 1904; *Его же. Из прошлого конституционных вопросов о народовластии и свободе*. СПб., 1905; *Его же. О конституции и парламентаризме в России*. М., 1906.

отличавшийся оригинальностью: власти достойна лишь та партия, которая способна самоограничить свои политические аппетиты, то есть «Союз 17 октября»⁵⁴.

Коллега Герье по Московским высшим женским курсам правовед и социолог В.М.Хвостов в своем исследовании⁵⁵ сосредоточивался на анализе дисфункций партий. Он полагал, что партии «механизируют» политическую жизнь, придают ей шаблонный характер, препятствуют развитию политической мысли и догматизируют ее; что люди, не принадлежащие к политическим партиям, не могут проложить себе дорогу к политической деятельности; что партийность аморальна, ибо партии не стесняются в средствах и приемах (вплоть до запугивания и подкупа) для успеха на выборах, они открывают новое поле для злоупотреблений и коррупции, не выражают народной воли и нарушают мирное течение гражданской жизни.

Кадеты, напротив, восприняв новые подходы политологии рубежа XIX–XX вв., исходили из функциональности партий, их важнейшей роли в функционировании механизма демократической власти. Лидер конституционных демократов П.Н.Милюков полагал, что партии различаются, прежде всего, по своеобразию идей, которые они выдвигают, защищают и пытаются воплотить в жизнь⁵⁶. Согласно Милюкову все политические партии России начала XX века возникли не на экономической и социальной основе, а на основе идей, и люди, разделяющие эти идеи, объединялись в соответствующие политические партии. Поэтому он выделял четыре группы политических течений. Во-первых, «демократический монархизм» – т.е. все правые партии, защищающие монархию, – подчеркивая, что «демократия» – это не более чем демагогия, а «монархизм» – это абсолютизм. Эти партии, с его точки зрения, являются проправительственными, поддержанными «бюрократией». Во-вторых, «буржуазный конституционализм», т.е. октябристы, которые

---

⁵⁴ Герье В.И. *О программе партии «народной свободы»*. М., 1906; *Его же. Первая русская Государственная дума: Политические воззрения и тактика ее членов*. М., 1906; *Его же. Первые шаги бывшей Государственной думы*. М., 1907; *Его же. Вторая Государственная дума*. М., 1907; *Его же. Значение третьей Думы в истории России*. СПб., 1912.

⁵⁵ Хвостов В.М. *Общественное мнение и политические партии*. М., 1906.

⁵⁶ Милюков П.Н. *Год борьбы*. СПб., 1907; *Его же. Вторая дума*. СПб., 1908; *Его же. Третья Государственная дума и деятельность в ней фракции народной свободы*. СПб., 1909; *Его же. Наши политические партии в стране и Думе // Речь*. 1909. 25–26 ноября, 1 и 22 декабря. – Здесь указаны только публицистические произведения П.Н.Милюкова. Разумеется, его воспоминания и исторические сочинения также заслуживают самого серьезного внимания.

обречены искать себе поддержку у правительства. Причем этот союз становится тем крепче, чем опаснее становятся революционные силы. Это реакционные партии. В-третьих, «демократический конституционализм», то есть сами кадеты; их главная социальная база – городская демократия, а тактика – легальная конституционная борьба. Наконец, четвертая группа – левые партии, к которым он относится негативно.

Эти идеи развивались и конкретизировались А.С.Изгоевым⁵⁷. Он подчеркивал, что воля народа может проявиться только через партии и потому вопрос о них имеет первостепенный интерес⁵⁸. Связывая партогенез со становлением интеллигенции, он видел уже в движении декабристов идейные истоки всех наших политических партий, причем с 40-х годов XIX в. первенствующей русской идеей становится сочетание социализма с общинной идеологией. Чистый же конституционализм на русской почве сложился лишь к 60-м годам и оказался слабосильным. Первой партией в настоящем смысле этого слова, с его точки зрения, была «Народная воля», от которой ведут свое происхождение все российские демократические и конституционные партии. А важнейшим ее политическим документом он считал письмо Исполкома Александру III, которое с необходимыми дополнениями было воспринято партией Народной свободы в качестве программы⁵⁹.

Что же касается социал-демократов, то они, согласно советской историографии, исходили из «марксистского учения о партии», каких-либо следов которого нам при всем старании обнаружить не удалось. У К.Маркса и Ф.Энгельса нет ни одной работы, посвященной теории партий. Так же, как и в «учении о классовой борьбе», основоположники марксизма пользовались теоретическими наработками своих современников, никакого отношения к марксизму не имевших. Была, конечно, и новизна – выдвижение на первый план классового подхода как основы анализа. При этом следует заметить, что они никогда не доходили до абсурда в представлении возможности существования абсолютно классово «чистой» партии. Они обосновали необходимость для рабочего класса самостоятельной партии и всей своей деятельностью способствовали становлению нового типа партийных организаций – массовых социал-демократических партий. Основоположники российской социал-демократии Г.В.Плеханов и П.Б.Аксельрод также не оставили специ-

---

⁵⁷ Изгоев А.С. *Партии во второй Государственной думе*. СПб., 1907; *Его же. Наши политические партии*. Пг., 1917.

⁵⁸ Изгоев А.С. *Наши политические партии*. С.3.

⁵⁹ Там же. С.4–8.

альных сочинений по теории партий. Вместе с тем оба они исходили из теории и практики, сложившихся в Западной Европе, и возможность создания пролетарской партии связывали с конституционным переустройством России. Период же завоевания политической свободы являлся для них временем выработки лишь элементов этой будущей партии. Эти идеи, высказанные первоначально в брошюрах «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия»⁶⁰, были зафиксированы Плехановым в проекте программы русской социал-демократии⁶¹. Свои представления они сохранили на всю жизнь, а образцами для подражания для них были французские и немецкие социал-демократы. Последним особенно симпатизировал Аксельрод, регулярно знакомивший русского читателя с историей и практической деятельностью, особенно парламентской, СДПГ⁶².

Ученики Плеханова и Аксельрода отличались гораздо большим революционным нетерпением, чем учителя (впрочем, Плеханов, по собственному признанию, тоже грешил якобинством). Переоценивая степень зрелости объективных предпосылок (или стараясь преодолеть их незрелость), будущий лидер большевиков В.И. Ленин явно «перегибал палку» в вопросе о соотношении «стихийности» и «сознательности» в революционном процессе в пользу последней. Уже в своих ранних работах «Задачи русских социал-демократов» (1897) и «С чего начать?» (1901) он делал первые наброски модели нелегальной, строго законспирированной и централизованной, состоящей из профессиональных революционеров, милитаризованной «рабочей партии». Вполне оформленный вид эта модель приняла в его книгах «Что делать?» (1902) и «Шаг вперед, два шага назад» (1904). В 1903 году на II съезде РСДРП две концепции партии столкнулись. С одной стороны, концепция Ленина, отчасти поддержанного Плехановым (впрочем, ненадолго), с другой стороны – Мартова, совсем недавно во всем поддерживавшего Ленина, а теперь перешедшего на классическую позицию Аксельрода. Съезд в целом в вопросе не разобрался, делегаты высказывались то за Ленина, то за Мартова, совершенно проигнорировав идеи, сформулированные Аксельродом. Впрочем, выступление последнего на съезде⁶³ и до сих пор остается недооцененным. Аксельрод развивал мысль о различиях

---

⁶⁰ Плеханов Г.В. *Избранные философские произведения*. М., 1956. Т.1. С.108, 224.

⁶¹ Там же. С.379.

⁶² Аксельрод П.Б. *Политическая роль социальной демократии и последние выборы в Германский рейхстаг // Социал-демократ. Женева. 1890–1892. Кн.1–4; Его же. Итоги международной социал-демократии // Искра. 1900. №1.*

⁶³ См.: *Второй съезд РСДРП. Протоколы*. М., 1959. С.262, 267.

между дефинициями «партия» и «организация». Партия – это организация, но не всякая организация является партией. Законспирированная организация профессиональных революционеров может быть только организацией заговорщиков, ничего общего не имеющей с социал-демократической партией. Развивая эти идеи в статьях, опубликованных в «Искре» в декабре 1903 – январе 1904 г., он высказал мысль о том, что съезд не решил задачи создания партии⁶⁴. Эти идеи Аксельрода, а также предложенная им тактика создания широкой рабочей партии путем созыва рабочего съезда, с использованием собраний выборщиков в Государственную думу, его оценки последней как центра оппозиции и, соответственно, необходимости возможно более широкого представительства в ней социал-демократии, возможно более полное использование всех способов легализации⁶⁵ легли в основу меньшевистской концепции РСДРП.

Что же касается Ленина, то он исходил из представления о партии как организации профессиональных революционеров, одновременно являющейся и передовым отрядом рабочего класса. Отдельные подвиги в таком понимании, связанные с меняющейся политической конъюнктурой, например, появившимися возможностями легальной деятельности, не меняли сути. Ленин создавал партию-машину (тип которой так горячо критиковал М.Я.Острогорский), где каждый член занимал строго определенное место и выполнял вполне определенную функцию, был «винтиком и колесиком» этого механизма. Такая милитаризованная организация была нацелена на силовой захват власти. Это, конечно, была модель, не соответствующая общеевропейскому типу социал-демократической партии. Поэтому вполне естественно и логично в 1915 году Ленин поставит задачу полного разрыва с партиями II Интернационала и создания интернационального объединения коммунистических партий, партий нового типа. В связи со становлением в России многопартийной системы он высказал ряд интересных соображений. Во-первых, положение о перманентности развития системы партий: «ведь закончиться этот процесс и не может никогда в капиталистическом обществе...»⁶⁶. Совершенно справедливо Ленин не считал анархистов и максималистов политическими партиями⁶⁷, что иной раз делается в исторической литературе. Он предлагал и два варианта

---

⁶⁴ См.: *Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 г.* С.54–66.

⁶⁵ См.: *Аксельрод П.Б. Народная дума и рабочий съезд. Женева, 1905 (2-е изд. – СПб., 1907).*

⁶⁶ *Ленин В.И. Опыт классификации русских политических партий // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.14. С.21.*

⁶⁷ *Там же. С.22.*

классификаций партий, в основу которых был положен классовый критерий. В 1906 г. он выделил 5 основных типов российских политических партий:

- социал-демократия (общеевропейский тип) – партия пролетариата;
- трудовики, эсеры, энесы – трудовая мелкая буржуазия;
- кадеты и близкие им либеральные партии – буржуазные интеллигенты и частью даже либеральные помещики;
- октябристы – крупные буржуа;
- черносотенцы, от определения классовой принадлежности которых Ленин ушел, поскольку сделать это невозможно⁶⁸.

Анализируя партийный состав 3-й Думы в 1912 году, он предложил классификацию, дополненную линейкой правые – левые:

- крайний правый фланг – «Союз русского народа» – партия крепостников-помещиков;
- рядом с ними «националисты», отличие которых от первых несущественно;
- октябристы – помещики и крупные капиталисты, главная контрреволюционная партия;
- кадеты – либерально-монархическая буржуазия, виртуозы игры в оппозицию, боящиеся народного движения больше, чем реакции;
- эсеры, энесы, трудовики – демократическая буржуазия, представляют массы⁶⁹.

Исходя из этой расстановки сил, Ленин ставил задачу: «Помочь слабым мелкобуржуазным демократам, вырвать их из-под влияния либералов, сплотить лагерь демократии против контрреволюционных кадетов, а не только против правых – такова задача рабочей демократии»⁷⁰.

Меньшевики исходили как из другого анализа расстановки политических сил, так и из другого понимания партии. Один из их лидеров Ю.О.Мартов в работе «Политические партии в России» (1906) определил партию как «союз людей единомыслящих, ставящих себе одни и те же цели и сговорившихся соединить свои силы для согласной деятельности в государственной жизни»⁷¹. Не только это определение, но и предложенная классификация не входят в противоречие с современной

---

⁶⁸ Там же. С.22–26.

⁶⁹ Ленин В.И. Политические партии России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.21. С.277–285.

⁷⁰ Там же. С.285.

⁷¹ Юлий Осипович Мартов. Избранное. М., 2000. С.233.

ему академической теорией партий, изложенной в трудах М.Я.Острогорского, Б.Н.Чичерина, М.М.Ковалевского.

Мартов предложил такую классификацию:

- правые реакционно-консервативные партии – «Русская монархическая партия», «Союз русского народа», «Русское собрание»;
- партии центра – «Торгово-промышленная партия», «Союз 17 октября» и «Партия мирного обновления»;
- левые – либерально-демократические и революционные партии.

Из либеральных самая крупная – кадеты, более мелкие – «Партия демократических реформ», «Партия свободомыслящих», «Радикальная партия». Из революционных наиболее крупные – РСДРП и ПСР⁷².

В то же время Мартов не был чужд и классовому подходу. Граждане, считал он, выбирают партию согласно своим интересам, тем самым за каждой партией выстраивается класс или часть класса с особыми интересами. «...Борьба между партиями за влияние на государственные дела и на народ есть не что иное, как борьба между разными классами современного общества за свои интересы»⁷³. Все партии, кроме революционных, были образованы «хорошими господами», писал Мартов. В состав революционных входят разночинцы, рабочие, крестьяне, солдаты, студенты, они сильно отличаются по составу от всех остальных партий⁷⁴. Социал-демократия есть партия преимущественно пролетарских интересов. Перу Мартова принадлежит и ряд трудов по ее истории⁷⁵, а также обстоятельный очерк генезиса российских партий в известном меньшевистском «пятомнике», где он выступал под другим своим псевдонимом Егоров⁷⁶.

---

⁷² Там же. С.235, 238, 244, 250.

⁷³ Там же. С.257.

⁷⁴ Там же. С.249.

⁷⁵ Подробности см.: Савельев П.Ю. Ю.О.Мартов как историк российской социал-демократии // Политические партии России. Страницы истории. С.263–283.

⁷⁶ Егоров А. Зарождение политических партий и их деятельность // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909. Т.1. С.372–421. Третий том того же издания полностью посвящен анализу политических партий, действовавших в России в 1905–1907 годах, и составлен из статей Б.И.Горева, Ф.И.Дана, К.Залевского, В.О.Левецкого, Ю.О.Мартова, А.С.Мартынова, П.П.Маслова, Ф.А.Череванина. См.: Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1914. Т.III. Кн.5: Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе.

Таким образом, в партийной публицистике начала XX века ставились в целом те же проблемы, которые и сейчас волнуют историков.

Во-первых, это проблема определения понятия «партия». Вопрос отнюдь не схоластический, а сугубо практический. От его решения зависит формирование исследовательской модели, «отсечение» партий от иных политических организаций, определение хронологических рубежей партогенеза.

Во-вторых, это проблема генезиса российских партий, вытекающая из решения первого вопроса. Когда начинается этот процесс, какие этапы он проходит, что в нем является общим для всех стран, а что особенным, характерным только для России?

В-третьих, в уточнениях нуждаются и вопросы классификации российских партий. Каковы критерии выбора классификационных схем, существует ли между этими схемами взаимосвязь, применимы ли они все к российским партиям? В частности, не ясно, чем отличаются региональные и национальные партии?

В-четвертых, предложенные историками определения партийной системы не задают точно ее границ. Система не может быть сведена просто к сумме существующих в стране партий.

В-пятых, трехчленная типология партийных систем (однопартийность, двухпартийность, многопартийность) достаточна лишь при первом приближении к их изучению и не дает возможности показать многопартийность в динамике.

Наконец, в современной партологии выработаны характеристики партийных систем, имеющие численное выражение, что позволяет применять количественные методы в историческом исследовании и расширяет возможности познания.

Михаил Горинов

**ЕВГЕНИЙ
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ:
БОЛЬШЕВИК
ИЗ ПОПОВИЧЕЙ**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК
929

The article is devoted to one of the Bolshevik leaders, prominent economist, theorist of the Left opposition within the All-Russian Communist Party of Bolsheviks in the 1920s Evgeni Alekseevich Preobrazhenski (1886–1937). Virtually forgotten in the present day Russia Preobrazhenski is widely known in the West as the person who co-authored “The A”C of Communism” with N.I.”ukharin, creator of “the original Socialist accumulation” concept and of a number of innovative works (“The New Economics”, “The theory of the falling currency”, “The sunset of the capitalism” and others). E.A.Preobrazhenski is considered as the “ideal type” of the Russian revolutionary of the clerical ancestry (according to L.Heimson’s typology). The author investigates reasons, motives, and main stages of an Orthodox priest’s son conversion in a revolutionary ”olshevik and some aspects of the Orthodox Christianity and Marxism problem. The article is a magazine variant of the preface and the first chapter of the monograph on E.A.Preobrazhenski’s social and political activities and proceedings (at the present time the author is still working on the monograph, which is dedicated to the 125th anniversary of Preobrazhenski’ birth).

Ключевые слова: Е.А.Преображенский; С.Н.Булгаков; православие и марксизм; генезис революционера.

Key words: Preobrazhenski; Bulgakov; Orthodoxy and Marxism, a revolutionary’s genesis.

E-mail: cniipaf@mail.ru

28 февраля (15 февраля ст.ст.) 2011 года исполнилось 125 лет со дня рождения Евгения Алексеевича Преображенского – исторического деятеля, которому «не повезло». Незабываемый литературный образ таких несправедливо обиженных и окарикатуренных неблагодарным человечеством персонажей создал Лион Фейхтвангер в «Безобразной герцогине». Немало сыщется и подлинных, реальных персонажей в нашем недавнем прошлом. Лев Троцкий... В гражданскую войну он возглавлял победоносную Красную армию, штыками которой практически из небытия была воссоздана в новом обличье Великая Россия, но его имя до сих пор предают анафеме представители как «красного», так и «белого» сегментов российского политического спектра. Иосиф Сталин действительно «принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой», при нем наша страна достигла, пожалуй, наибольшего за всю свою историю влияния в мире, в буквальном смысле превратилась в надежду человечества, а его фигура вот уже полвека рисуется средствами массовой информации исключительно в черном свете.

Но этих политиков хотя бы помнят. А Евгений Преображенский оказался полностью и несправедливо забытым. И сегодня у подавляющего большинства фамилия Преображенский ассоциируется исключительно с профессором Преображенским, персонажем булгаковского «Собачьего сердца».

Те же, кто знает, о ком идет речь, недоумевают, кому в эпоху «триумфа» либерализма в России нужны идеи «теоретика троцкизма» (несмываемое клише, проставленное на Е.А.Преображенском его политическими оппонентами)?

Кто же такой Евгений Алексеевич Преображенский и почему сегодня надо о нем вспомнить?¹

КТО ТАКОЙ Е.А.ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ?

Биография Е.А.Преображенского (1886–1937) не выглядит тусклой даже на фоне судеб самых ярких звезд большевизма. В период революции 1905–1907 годов он участвует в Декабрьском вооруженном восстании в Москве, входит в руководящее ядро уральских большевиков, неоднократно подвергается арестам; после поражения революции уходит в подполье, арестовывается, отбывает тюремные сроки, бежит из ссылки. В 1917 году участвует в ключевых революционных форумах в Москве и на Урале, включая I Всероссийский съезд Советов и VI съезд Российской социал-

---

¹ О Е.А.Преображенском см.: Горинов М.М., Цакунов С.В. Евгений Преображенский: трагедия революционера // Отечественная история. 1992. №2.

демократической рабочей партии (большевиков). В 1918 году возглавляет уральскую областную большевистскую организацию. Годом позже Е.А.Преображенский – один из защитников советской власти на юге и востоке страны и в то же время пишет (в соавторстве с Н.И.Бухариным) знаменитую «Азбуку коммунизма». По этой работе не только граждане Советской России и СССР, но и остального мира (работа была переведена на все основные языки) знакомилась с коммунистической доктриной в первое десятилетие советской власти². В 1920 году Преображенский избирается одним из трех секретарей ЦК РКП (б), т.е. оказывается на самой вершине большевистского политического Олимпа. В первой половине 1920-х годов, входя в руководство левой («троцкистской») оппозиции, он пишет ряд исследований. В них предсказывает, вплоть до деталей и сроков, кризис нэповской экономики 1929 года³ и намечает путь выхода из него (реально осуществившийся, хотя и в огрубленно-прямолинейном виде, на рельсах «сталинской индустриализации»). В те же годы публикует едва ли не единственную большевистскую работу, специально посвященную этической проблематике («О морали и классовых нормах»). В середине 1920-х годов выпускает, пожалуй, самый фундаментальный в большевистском стане теоретический труд, в котором дает целостный, новаторский анализ советской экономики и ее перспектив («Новая экономика»)⁴. В 1920-е – 1930-е годы разрабатывает «теорию падающей валюты» (так называется и книга, отображающая модель функционирования рыночной экономики в условиях инфляции). В начале 1930-х годов углубляет теоретический анализ цикла расширенного воспроизводства, данный в «Капитале» К.Маркса⁵. В 1937 году Е.А.Преображенский – один из очень немногих, кто никого не предал под пытками в застенках НКВД.

Отвечая на первый вопрос – кто такой Е.А.Преображенский, – мы уже частично затронули и второй – зачем сегодня его вспоминать? Это

---

² *Эта и другие, в том числе неизвестные, ранние работы Преображенского собраны в кн.: Е.А.Преображенский: Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. М.: Издательство Главархива Москвы, 2006.*

³ «От нэпа к социализму», «Основной закон социалистического накопления».

⁴ *Работу «О морали и классовых нормах», а также реконструированный текст «Новой экономики» см.: Преображенский Е.А. Новая экономика (теория и практика): 1922–1928 гг. М.: Издательство Главархива Москвы, 2008. Т.1. Опыт теоретического анализа советского хозяйства; Т.2. Конкретный анализ советского хозяйства.*

⁵ «Закат капитализма. Воспроизводство и кризисы при империализме и мировой кризис 1930–1931 гг.» – Эти и другие работы сходной тематики переизданы: Преображенский Е.А. Деньги и мировой капитализм (исследования, научно-популярные работы): 1921–1931 гг. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011.

надо сделать хотя бы ради восстановления исторической справедливости.

**ПОЧЕМУ НАДО ЧИТАТЬ
Е.А.ПРЕОБРАЖЕНСКОГО?**

В лице Е.А.Преображенского перед нами предстает «идеальный большевик», в его свободных от политической конъюнктуры трудах большевистская революция «в химически чистом виде», с ее достижениями и потерями, взлетами и падениями, правдой и ложью. И если вы хотите понять историю русской революции, а значит, и историю России первой трети XX века, а потому и всемирную историю этого периода, читайте Преображенского.

Но труды Е.А.Преображенского представляют не только академический интерес. Инфляционные процессы, когда и где бы они ни происходили – в «военно-коммунистической» или посткоммунистической России, в Веймарской республике или современной Греции, – развиваются «по Преображенскому», т.е. по законам, открытым им в 1920-е годы. Руководство любой страны, ставящее перед собой цель вырвать ее из отсталости, добиться подлинного освобождения, и сегодня найдет рецепт этого рывка в «царство свободы» в трудах Е.А.Преображенского. И как бы ни развенчивали сегодня наши доморожденные «либералы» плановую экономику, развитие современного сверхсложного мирового хозяйства тем не менее планируется. Непревзойденный же анализ механизмов обеспечения динамического равновесия хозяйственной системы мы находим у того же Е.А.Преображенского.

И последнее. Сегодня, в эпоху бесстыдного царствования культа «золотого тельца»; всепроникающей (вот уж поистине «тоталитарной»!) пропаганды пошлости, низости и безнравственности; в нынешнее безблагодатное время предсказанного Джеком Лондоном триумфа всесокрушающей «железной пяты», уничтожающей в человеческой душе малейшие ростки духовности, тяги к идеальному, стремление к преображению земной жизни по лекалам небесной гармонии, обретаем мы – и в облике, и в трудах самого Евгения Алексеевича Преображенского, и в навек запечатленных им образах «старых большевиков», своей жертвенностью, бескорыстием, самоотречением напоминающих первых христиан⁶, – надежду на высокое предназначение человека, веру в его лучшее будущее, любовь ко всем «униженным и оскорбленным».

---

⁶ Очерки о «старых большевиках» и другие небольшие по объему работы Е.А.Преображенского, а также архивные материалы, принадлежащие его перу и о нем, Главархив Москвы надеется опубликовать в дальнейшем.

«ПОПОВИЧ»

Итак, Е.А.Преображенский интересен для исследователя не только как персонаж начала XX столетия, но и как своего рода «идеальный тип» (а вернее, один из «под-типов») русского революционера.

Л.Хеймсон обоснованно выделяет три основных социальных источника формирования российской революционной интеллигенции: провинциальное служилое дворянство, «поповичей», нерусские (неправославные) национальные меньшинства. Причем, по его мнению, представители каждого из этих слоев наложили специфический отпечаток на облик той контрэлиты, которой суждено было в 1917 году до основания потрясти здание российской государственности⁷.

Евгений Преображенский – типичный «попович». Выходцы из этой среды⁸ привнесли в среду революционной интеллигенции, по мнению того же Хеймсона:

1) острое ощущение чувства долга по отношению к народу;

2) пристальное внимание к морально-нравственным вопросам, вплоть до придания им квазирелигиозного качества (интенсивная разработка этой проблематики в рамках политических и социальных программ; стремление к последовательному личному воплощению норм революционной этики);

3) интеллектуальную потребность в поисках замены русской православной «космологии» (концепции вселенной, принципам и законам, которые ею управляют)⁹.

Без анализа ментальности этих людей нельзя до конца понять особенности русской революции и ее последующей трансформации¹⁰.

**«МАЛАЯ РОДИНА»
И СЕМЬЯ**

Евгений Алексеевич Преображенский родился 15 февраля 1886 года (здесь и далее даты приводятся по старому стилю) в городе Болхове, уездном центре Орловской губернии, расположенном в

---

⁷ Хеймсон Л. *Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции* // *Россия XXI*. 1995. №2/6. С.116–129.

⁸ В.Г.Белинский, Н.А.Добролюбов, Н.Г.Чернышевский, Б.И.Николаевский и др.

⁹ Хеймсон Л. *Указ. соч.* С.123, 125.

¹⁰ *Первый опыт такого анализа см.: Горинов М.М. Евгений Преображенский: становление революционера* // *Отечественная история*. 1999. №1. – В настоящей статье анализ значительно расширен; по-новому переосмыслен ряд его ключевых аспектов. Некоторые сюжеты, наоборот, сокращены.

55 верстах севернее Орла. Возвышающийся на обрывистом берегу реки Нугрь, увенчанный куполами 18 церквей и высокими колокольнями, этот старинный торговый городок казался чудесным видением из волшебной русской сказки. Его часто называли и до сих пор зовут «вторым Суздалем».

Несмотря на удаленность от столиц, Болхов не производил впечатления захолустья. Его жители издавна отличались предприимчивостью. По переписи 1897 года, в Болхове их насчитывалось 20 тысяч¹¹. Как и предприниматели других областей коренной России, болховичи отличались набожностью. Помимо обилия храмов об этом свидетельствовало установление множества крестных ходов¹². Такой предстает перед нами «малая родина» Евгения Преображенского.

И по отцовской, и по материнской линии Евгений Преображенский – выходец из среды потомственных православных священников. Отец, Алексей Александрович, родился в семье священника¹³. Это был человек незаурядный, отличавшийся ярко выраженным стремлением к духовному просветительству. Его судьба – убедительное свидетельство справедливости утверждения С.Н.Булгакова: «В русской истории "духовное" сословие, при всех немощах, было действительно и наиболее духовным»¹⁴.

По окончании Орловской духовной семинарии А.А.Преображенский в течение двух лет учительствовал в начальной школе при семинарии. Затем семь лет преподавал в земской народной школе села Жирятино Трубчевского уезда. Очевидно, учителем он был неординарным. Свидетельство тому – денежные вознаграждения, неоднократно получаемые им от земства и Министерства народного просвещения. 15 августа 1883 года А.А.Преображенский был рукоположен в сан священника болховской Покровской церкви. В том же году на свои средства он открывает школу грамоты, а два года спустя организует в покровском приходе воскресную школу. В 1886-м, в год рождения сына Евгения, отец Алексей открывает, опять же на собственные средства, церковноприходскую школу – «учительствовал и законоучительствовал (преподавал закон Божий. – М.Г.) в ней сам». С 1890 по 1894 год он состоял членом бол-

---

¹¹ *Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т.1. Орел, 1905. С.7.*

¹² *Историческое описание церквей... С.8.*

¹³ *Формуляр священника Троицкой г. Болхова церкви Алексея Преображенского. 1 июля 1906 г. // Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф.418. Оп.321. Д.1496. Л.16–16 об.*

¹⁴ *Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Париж, 1946. С.25.*

ховского отделения епархиального училищного совета (учреждения, ведавшего местными церковно-приходскими школами). Одновременно Преображенский-старший преподавал закон Божий «в третьеразрядном частном учебном заведении г-жи Банковской», а затем на протяжении многих лет законоучительствовал в Болховском городском мужском училище.

17 февраля 1895 года А.А.Преображенский по его просьбе был переведен из Покровской в Троицкую церковь. Сюда же перешла и его церковно-приходская школа. Именно с этим, пожалуй, самым красивым храмом Болхова связано большинство осознанных детских, отроческих и юношеских религиозных переживаний будущего революционера.

Скудные сведения, содержащиеся в послужном списке А.А.Преображенского, подтверждают и дополняют воспоминания его внука, Леонида Евгеньевича Преображенского¹⁵. «По рассказам моей матери, – пишет Леонид Евгеньевич, – Преображенские, сколько удастся проследить историю их семьи, были священнослужителями, но протоиерейского сана удостоен был только Алексей Александрович – после окончания духовной семинарии и длительного служения приходским священником». Рассказывая об отцовской библиотеке, Л.Е.Преображенский вспомнил интересную деталь, характеризующую А.А.Преображенского как образованного и достаточно терпимого к инакомыслию человека: «Создавалась эта библиотека отцом с гимназической поры, и, несмотря на его странствия по Руси, в начале XX в. библиотека в Болхове все время пополнялась, и не только отцом, но и Алексеем Александровичем. Можно вполне предположить, что он был единственным протоиереем, хранящим большое количество литературы, противоречащей религиозным взглядам»¹⁶.

О других членах семьи Преображенских известно, к сожалению, немного. В 1906 году в ее состав (впоследствии он не менялся), кроме А.А.Преображенского, входило шесть человек. Его жена, Варвара Алексеевна (урожденная Левицкая), дочь протоиерея, получившая образование в Жиздринском пансионе, в то время ей было 42 года, а также пятеро детей. Дочь Людмила, 22 лет, по окончании курса в Орловском епархиальном

---

¹⁵ Текст воспоминаний находится у автора. Цитируется по рукописи, готовящейся к печати в сборнике издательства Главархива Москвы.

¹⁶ Преображенский Л.Е. Воспоминания. С.1, 8. – Впоследствии А.А.Преображенский известен как участник обновленческого движения в Русской православной церкви. В частности, в 1922 году представители «Живой Церкви», при поддержке местных властей, избрали его лидером обновленческого руководства Болховской епархии (См.: Осипова И.И. «Сквозь огонь мучений и воду слез...». М., 1998. С.217).

женском училище занимала «должность учительницы в селе Хотетове Болховского уезда». Сын Виктор, 21 года, обучался «в 6-м классе Орловской духовной семинарии». Дочь Ольга, 18 лет, училась «в 8-м классе Орловской женской гимназии г-жи Гиттерман». Дочь Александра, 11 лет, являлась ученицей 2-го класса Болховской женской прогимназии. Евгению, третьему ребенку в семье, в то время было 20 лет¹⁷.

Перед нами типичная для православного русского духовенства той поры многодетная семья. Однако в отличие от прежних времен в этой семье уже нет единства. Ощущается подспудно нарастающий, столь характерный для той трагической эпохи мировоззренческий раскол: из пяти детей двое получили духовное, трое же, включая нашего героя, – светское образование.

Жизнь родителей Е.А.Преображенского завершилась трагически: «К 1932 г. Преображенских дважды раскулачивали, а в 1936 г. Алексея Александровича арестовали, и он умер в заключении. Варвара Алексеевна пережила его ненадолго. К травме одиночества добавилась травма физическая: упав с крыльца, она долго пролежала на земле без помощи, занемогла и вскоре умерла»¹⁸. Но в 1886 году, когда в семье Преображенских родился третий ребенок – Евгений, – до этих драматических событий было еще далеко.

ДЕТСТВО

Как протекало детство «поповича», из какого зерна проросли побег его пламенной революционности? В автобиографии, написанной для энциклопедического словаря «Гранат», Е.А.Преображенский выделил три качества, характеризовавшие его в детстве: интеллектуальную одаренность, религиозность, отвращение к материальному неравенству.

Роль интеллектуальной одаренности («очень рано научился читать и уже в 4 года читал рассказы в азбуке Толстого») в жизни революционера достаточно ясна: именно она послужила предпосылкой его позднейших новаторских изысканий в области экономической теории. Но эта особенность личности мало что дает для понимания генезиса социального радикализма нашего героя: далеко не каждый интеллигент становится революционером.

---

¹⁷ *Формуляр священника Троицкой г. Болхова церкви Алексея Преображенского. Л.16–16 об.*

¹⁸ *Преображенский Л.Е. Воспоминания. С.1.*

Революционный вектор судьбы болховского «поповича» скорее могут объяснить другие черты его детского мировосприятия: религиозность и жажда справедливости. «В детстве был очень религиозен, – вспоминал в автобиографии Е.А.Преображенский. – Много времени проводил на колокольне тех двух церквей, где служил отец: ловил голубей, разорял гнезда ворон и недурно звонил в маленькие колокола»¹⁹.

Церковными уставами определялась вся повседневная жизнь священнической семьи, и вряд ли Преображенские были в этом смысле исключением²⁰.

Церковь зажигала в душах юных «поповичей» стремление к высоким идеалам, к обретению немислимой в грешной земной жизни гармонии; она же делала их сопричастными судьбе народа. И именно православная Церковь рождала в ранимых детских душах первые социальные переживания: невольно заставляла их почувствовать социальную несправедливость, ощутить нищету и страдания народа; пробуждала в них покаянные чувства по отношению к «мужику». К празднику Пасхи, вспоминал С.Н.Булгаков, детям шили какую-нибудь обновку. Но при этом мы знали, что кто-то из наших знакомых ребят обязательно будет в Церкви в старой одежде. «И красуясь в Церкви в своей обновке, я робко искал глазами и находил его – в его уродстве. Правда, сам-то он едва ли так остро чувствовал свое убожество, а сам я отлично приспособлялся к некоторому духовному неудобству и благополучно забывал об укорах совести. Но они всегда были, эти укоры. И психология "кающегося интеллигента", которую он не умеет отличить от христианского покаяния, вместе с его "народничеством" зародилась именно здесь»²¹.

Сравним у Преображенского: «Из социальных чувств, пробудившихся у меня очень рано, было отвращение к материальному неравенству. Когда мне было лет 8, я, помню, демонстративно выбросил матери купленные для Пасхи новые сапоги на том основании, что мой приятель детских игр Мишка Успенский, сын сапожника, должен был из бедности надеть на Пасху рваные сапоги»²². Да, Преображенский более радикален в своем эгалитаризме, чем Булгаков, но рождал это обостренное чувство социальной справедливости, покаянные по отношению к народу чувства один, общий обоим, и не им одним, источник – «онародивающая» стихия Русской православной церкви.

---

¹⁹ Преображенский Евгений Алексеевич. Автобиография // Энциклопедический словарь «Гранат». Т.41. Ч.2 (далее – Автобиография). С.120.

²⁰ Булгаков С.Н. Моя Родина. С.19.

²¹ Там же.

²² Автобиография. С.120.

БУНТ ПРОТИВ БОГА

Дальнейшая духовная эволюция Е.А.Преображенского достаточно типична для многих «поповичей» XIX века, начиная с В.Г.Белинского, Н.Г.Чернышевского, Н.А.Добролюбова²³. Его искренняя детская религиозность не выдержала столкновения с потоком атеистическо-обличительной литературы, размывавшей мировоззренческие основы тогдашнего русского общества: Бог был отвергнут.

«Сначала я учился в частной школе моего отца, – вспоминал Е.А.Преображенский, – потом перед поступлением в гимназию прошел два класса болховского городского училища. Первые два–три года в орловской гимназии учился хорошо, был вторым учеником, но потом потерял интерес к гимназическим наукам, потому что увлекся чтением газет, журналов либерально-народнического направления, романов наших классиков и учебников истории»²⁴. В Орловскую классическую мужскую гимназию Евгений Преображенский поступил в 1897 году²⁵. «На четырнадцатом году, – продолжает Преображенский, – самостоятельно пришел к убеждению, что Бога не существует...»²⁶.

Как произошел этот перелом в душе Евгения? Глубже понять причины, обстоятельства, сам процесс перехода от детской религиозности к атеизму нам поможет С.Н.Булгаков, который примерно в том же возрасте (один раз он говорит о 12–13, другой – о 14–15 годах) пережил нечто подобное: «Я родился и вырос под кровом церковным, и это навсегда определило мою природу... Я всегда жил в вере и верую. Как же могло случиться, что этой верой моей стало *неверие*?... Как это случилось? Как-то сразу, неприметно, почти как нечто само собою разумеющееся, когда поэзию детства стала вытеснять проза бурсачества и семинарии»²⁷. У Преображенского роль «бурсачества и семинарии», незабываемые образы которых запечатлел Н.Г.Помяловский в «Очерках бурсы», сыграли, очевидно, «проза» гимназического бытия и наблюдение

²³ Добролюбов-семинарист, например, был «одним из самых набожных людей в Нижнем Новгороде, почитавшим за грех напиток чаю с булкой до обедни в праздничный день и усердно крестившимся на кресты церквей во время прогулок»; позднее же он стал ярким атеистом (См.: Смирнов А.Ф. Борец за дело народное // Добролюбов Н.А. Избранное. М., 1984. С.10).

²⁴ Автобиография. С.120.

²⁵ Сведения об Орловской гимназии были любезно сообщены автору в начале 1990-х годов орловским историком Е.И.Чапкевичем.

²⁶ Автобиография. С.120.

²⁷ Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. С.25–26.

«религиозной кухни с ее закулисной стороны»²⁸. Начались сомнения, вопросы. «Внутренний разлад, однажды проявившийся, все углублялся и переходил в религиозный кризис».

Последний, возможно, разрешился бы относительно безболезненно, если бы к свойственным юношам критическому настрою, скептицизму, нонконформизму не добавилось воздействие еще одного мощнейшего фактора – русской интеллигентской культуры, буквально пропитанной в те времена атеизмом²⁹.

Из литературы, благодаря которой укрепились его атеистические воззрения, Е.А.Преображенский вспоминает два тома «Истории культуры» Кольба. «Это поверхностное произведение оказало на меня столь сильное влияние именно потому, что автор последовательно разоблачает все религиозные суеверия и религиозное невежество, не умея, впрочем, понять их исторической закономерности»³⁰.

В своем «религиозном нигилизме» (выражение С.Н.Булгакова)³¹ Е.А.Преображенский проявил столь присущую ему (вспомним брошенные матери новые сапоги, подаренные на Пасху) последовательность. В автобиографии он вспоминает об «отвращении к религии», которое им овладело, о том, что его «интересовало тогда не столько объяснение религии, сколько ее абсолютное отрицание». Богоборческий бунт Евгения привел к острому конфликту в семье Преображенских. Началась «упорная борьба» юноши «внутри семьи против посещения церкви и прочих религиозных обрядов»³².

Каково было наблюдать все это искренне и глубоко верующим отцу и матери? Особенно тяжело, видимо, приходилось отцу. 1 марта 1899 года его утверждают председателем болховского отделения епархиального училищного совета, затем (1900) избирают представителем от духовенства в болховском уездном земском собрании. Эти события происходят как раз в год богоборческого бунта Евгения. Внутри семьи идет упорная борьба с разуверившимся сыном. В год 16-летия непокорного юноши (1902) его отца назначают благочинным всех болховских церк-

---

²⁸ Автобиография. С.120.

²⁹ Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. С.30.

³⁰ Автобиография. С.120. – Речь идет о сочинении немецкого статистика Ф.Кольба, человека достаточно радикальных взглядов (в революционном 1848 г. – депутата франкфуртского парламента), считавшего, что «религии возникли вследствие страха, истекавшего из слабости и невежества человека» (См.: Кольб Ф. История человеческой культуры. СПб., 1872. Т.1. С.ХI, 26).

³¹ Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. С.30.

³² Автобиография. С.120.

вей. Отныне А.А.Преображенский призван управлять церковно-приходскими школами Болхова, следить за благочинием в храмах города, за поведением учащихся духовных заведений, а он не может вырвать из объятий атеистического искушения собственного сына! Очевидно, после одного из внутрисемейных столкновений Преображенский-старший не выдерживает столь двусмысленной ситуации. В 1903 году он подает прошение об увольнении от должности благочинного³³.

Конфликт отца с сыном будет длиться десятилетиями. Отголоски его звучат в воспоминаниях Л.Е.Преображенского: «...мама, я и сестра бывали в Болхове (речь идет о 1920–1930-х гг. – М.Г.) непростительно редко. Значительно чаще бывал там отец [Е.А.Преображенский], но всякий раз возвращался расстроенным и неразговорчивым»³⁴.

Остро переживала богоотступничество сына и мать – Варвара Алексеевна. Л.Е.Преображенский вспоминает об обстоятельствах первого ареста отца, случившегося 18 марта 1906 года: «Невольню представляешь себе, как должна была расстроиться» Варвара Алексеевна, «узнав от извечного "доброжелателя", что ее двадцатилетний сын посажен в тюрьму, да еще где-то в далекой Перми. Можно себе представить, с какой титанической энергией обрушилась эта женщина на приехавшего, спустя некоторое время, сына»³⁵. Как неопровержимо доказывала она убежденному атеисту необходимость надеть и носить крестик. И победила. Эту историю мне рассказал отец в начале тридцатых годов, когда у него при мне случайно выпал из бумажника маленький золотой крестик. Но странное дело: в квитанции №5096 от 20 декабря 1936 года об изъятии у отца вещей при последнем аресте бумажник числится, а крестика нет. Готов предположить, что при аресте отец одел его вновь. С другой стороны, могло быть всякое, если производящий обыск характеризует библиотеку штуками книг»³⁶.

ЖРЕБИЙ БРОШЕН

Что происходило в душе Евгения после его богоотступничества? Очевидно, как и у С.Н.Булгакова, у него наметился «переход не от веры к неверию, но с одной своей веры к другой, чужой и пустой, но все-таки

---

³³ *Формуляр священника Троицкой г. Болхова церкви Алексея Преображенского. Л.16–16 об.*

³⁴ *Преображенский Л.Е. Воспоминания. С.1.*

³⁵ *Просидев пять месяцев, Преображенский с товарищами после четырехдневной голодовки был выпущен из тюрьмы под надзор полиции (См.: Автобиография. С.127).*

³⁶ *Преображенский Л.Е. Воспоминания. С.3–4.*

вере, имеющей для себя свои собственные святыни». Булгаков вспоминал: «...Самый характер моего неверия не был состоянием религиозной пустоты и индифферентизма, но *вера* в "прогресс" человечества и под[обное]»³⁷.

Правомочность такой аналогии подтверждают, в частности, воспоминания Ахмет-Заки Валидова (Валиди) – историка, тюрколога, одного из руководителей Башкирской республики в 1919–1920 годах, близко соприкасавшегося в тот период с Е.А.Преображенским. По его наблюдениям, атеизм (неверие) Преображенского производил на окружающих впечатление религиозного чувства: «Преображенский был искренним атеистом. Атеизм он считал основным источником всех наук, это он отразил в "Азбуке коммунизма". Как-то в разговоре я сказал: "Ну можно ли так категорично говорить обо всех этих метафизических посылах: вам, товарищ Преображенский, надо было стать священником, вы по ошибке выбрали коммунистический путь". Позже об этом рассказали Ленину, и тот оценил: "Это Валидов правильно открыл"»³⁸.

Какую же новую веру, вместо отринутого православия, обрел или, точнее, постепенно обретал Преображенский? Вначале она была, видимо, столь же неосознанна и расплывчата, как более ранняя детская религиозность, и представляла собой некую аморфную революционность: скорее настроение, чем убеждение, чувство, а не доктрину. Преображенский писал о «состоянии неопределенной и неоформленной революционности»³⁹, в котором он находился довольно долго. Новый «символ веры» на первых порах имел, вероятнее всего, более отрицательный, нежели положительный, характер и заключался в пресловутом «нигилизме» – глубококом отчуждении от исторической России, ее тотальном отрицании.

Атеизм – отчуждение от традиционной России – революционаризм. Эти вехи духовной эволюции тогдашнего русского интеллектуала почти неизбежно следовали друг за другом: утрата религиозности неминуемо вела к обретению революционности. «...Вместе с потерей религиозной веры, – свидетельствовал С.Н. Булгаков, – я естественно, как бы автоматически, усвоил господствующие в интеллигенции революционные настроения, без определенной партийности...»⁴⁰.

Православие в умах тогдашних русских людей было неразрывно связано с самодержавием. Царь, по их разумению, являлся помазанником

---

³⁷ Булгаков С.Н. *Автобиографические заметки*. С.31, 32.

³⁸ Тоган Заки Валиди. *Воспоминания*. М., 1997. С.238–239.

³⁹ *Автобиография*. С.123.

⁴⁰ Булгаков С.Н. *Моя Родина*. С.92.

Божиим; во время обряда венчания на царство ему сообщалась мистическая благодать от Всевышнего, перед которым отныне он нес полную ответственность за страну и народ. Но, чтобы отвечать за все, надо обладать неограниченными полномочиями в государстве – быть властью самодержавной. Без мистики же православия, вера в которую была утрачена русской интеллигенцией, вся эта логичная конструкция рассыпалась. Самодержавие, лишённое божественной санкции, превращалось в глазах «образованного общества» в основанную на недоразумении деспотическую диктатуру, а весь строй государственно-правовых отношений в Российской империи лишался легитимности⁴¹.

Но, отбросив православие, русская интеллигенция не утрачивала воспитанного Церковью чувства своей кровной общности с народом (своеобразной разновидности некоего неосознанного, стихийного демократизма). В результате казавшиеся ранее *естественными*, хотя и воспринимаемыми не без душевного дискомфорта, социальные контрасты, нищета народа⁴² теперь становились в глазах «внезапно прозревших» интеллектуалов вещами *противоестественными*. С их глаз как бы спадала пелена, стихийный демократизм прорывался из подсознательной сферы в область сознания и, столкнувшись с жизненными реалиями самодержавно-сословной России, принимал форму неудержимого стремления к революционному действию. Русская жизнь⁴³ вдруг пред-

---

⁴¹ «Это явилось совершенно естественным, – вспоминал С.Н.Булгаков, – что с утратой религиозной веры идея священной царской власти с особым почитанием помазанника Божия для меня испарилась и, хуже того, получила отвратительный, невыносимый привкус казенщины, лицемерия, раболепства. Я возненавидел ее, в единомыслии со всею русскою революцией, и постольку разделяю с нею и весь грех ее перед Россией» (Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. С.28).

⁴² «Суета сует – все суета! ... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». Екклесиаст, I; 2, 9.

⁴³ О загранице имелось весьма смутное, зачастую книжное представление; родившиеся на Западе идеи, как правило, некритически переносились на русскую почву, служа одним из источников социального утопизма русской интеллигенции. «Настоящая причина бессилия наших политических программ состоит в том, что они слишком теоретичны, слишком мало национальны, слишком мало сообразованы с условиями нашей страны. Неокрепшая культура нашего отечества еще не имела времени накопить достаточное количество политических и социальных наблюдений, почерпнутых из жизни самой страны. Человек нашей интеллигенции формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам. Он таким образом создает себе мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где все очень стройно, кроме основания – совершенно слабого. Благодаря мирозерцанию такого происхождения у нас люди становятся способны упорно требовать осуществления неосуществимого или даже не имеющего серьезного значения, а в то же время оставлять в пренебрежении условия капитальной важности» (Тихоми-

ставлялась чудовищно несправедливой, становясь под пером радикальных «поповичей» (Белинского, Чернышевского, Добролюбова) объектом беспощадного бичевания, силу которого лишь в малой степени ослабляла легко обходимая при помощи «эзопова языка» цензура. «Прежде чем в мои руки попало первое подпольное произведение, – вспоминал Преображенский, – я был уже достаточно радикально настроен под влиянием чтения "Русского богатства", "Русских ведомостей", "Отечественных записок", Салтыкова-Щедрина и особенно Добролюбова и Писарева»⁴⁴.

Вот как, например, предстает в статьях Н.А.Добролюбова «Темное царство» русская жизнь:

«Это мир затаенной, тихо вздыхающей скорби, мир тупой, ноющей боли, мир тюремного, гробового безмолвия, лишь изредка оживляемый глухим, бессильным ропотом, робко замирающим при самом зарождении. Нет ни света, ни тепла, ни простора; гнилью и сыростью веет темная и тесная тюрьма. <...> Ничего святого, ничего чистого, ничего правого в этом темном мире: господствующее над ним самодурство – дикое, безумное, неправое – прогнало из него всякое сознание чести и права... И не может быть их там, где повержены в прах и нагло растоптаны самодурами человеческое достоинство, свобода личности, вера в любовь и счастье и святость человеческого труда. <...> И до того заразителен этот нелепый порядок жизни "темного царства", что каждая, самая придавленная личность, как только освободится хоть немножко от чужого гнета, так и начинает сама стремиться угнетать других»⁴⁵. В этой, по сути, «антисистеме» возможна лишь следующая дилемма: «или умереть с голоду, броситься в пруд, сойти с ума, – или же убить в себе мысль и волю, потерять всякое нравственное достоинство и сделаться раболепным исполнителем чужой воли, взяточником, мошенником, для того, чтобы безмятежно провести жизнь свою...»⁴⁶.

По прочтении таких работ в экзальтированных юных умах возникало одно желание: «отречься от старого мира», «отряхнуть его прах с наших

ров Л.А. Почему я перестал быть революционером. М., 1895. С.10–11). Некритическое отношение к очередному «последнему слову» западной социологии, в свою очередь, являлось результатом «расправославивания»: образовавшийся мировоззренческий вакуум вкупе с отчуждением от исторической России поневоле обращал ищущие русские умы к работам зарубежных мыслителей.

⁴⁴ Автобиография. С.121.

⁴⁵ Добролюбов Н.А. Темное царство // Добролюбов Н.А. Сочинения. СПб.: Изд. П.П.Сойкина, б.г. Т.III. С.23, 26, 50.

⁴⁶ Там же. С. 126.

ног». Собственно, к этому и призывал Добролюбов в адресованном А.И.Герцену неподцензурном «Письме из провинции», в котором утверждалось, что источник вековых бедствий России – «это несчастное идолопоклонство перед царским ликом... Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет! ... К топору зовите Русь»⁴⁷.

Настроения, навеянные чтением работ революционных демократов, подпитывались у Е.А.Преображенского наблюдениями над темными сторонами российской действительности, которая не была идиллической: «...во время каникул я постоянно наблюдал в деревнях Болховского, Мценского и Брянского уездов, где часто проводил каникулы, бедственное положение, нищету и забитость крестьянства»⁴⁸.

В душе отринувшего Бога болховского «поповича» чувство целостной, относящейся ко всему человечеству, не исключая и грешников, христианской любви постепенно расщепляется, раздваивается на любовь к «народу» и ненависть к «его угнетателям».

Довершило революционное воспитание Преображенского знакомство с нелегальной литературой: «Когда я был в пятом классе гимназии, мне впервые попала в руки кое-какая нелегальная литература. Из этих первых произведений вспоминаю отпечатанный на гектографе фельетон Амфитеатрова "Господа Обмановы", перед этим напечатанный в газете "Россия", прокламацию революционного комитета студентов Екатериносл[авского] Горного института, описание избияния студентов казаками и несколько революционных стихотворений, как "Марсельеза", "Дубинушка", "Смело, друзья, не теряйте" и т.д.»⁴⁹.

В подпольных изданиях Преображенский нашел ответ на мучивший его вопрос о причинах социальной несправедливости.

Суть озарения блестяще изложила Вера Фигнер:

«Куда же обратить свой взор, куда направить силы? ... Все зло, отвечали нам новые впечатления, заключается в существующих экономических отношениях. Эти отношения таковы, что ничтожное меньшинство владеет на правах частной собственности всеми орудиями производства, остальная часть человечества, составляющая громадное, подавляющее большинство, владеет только рабочей силой. Побуждаемое голодом, это большинство продает свой труд первой группе... И в то время как наверху ничтожная кучка счастливых наслаждается всем, что могут доставить роскошь и цивилизация, внизу миллионы людей пресмыкаются в нищете, невежест-

---

⁴⁷ Добролюбов Н.А. Избранное. М.: Современник, 1984. С.284, 288.

⁴⁸ Автобиография. С.121.

⁴⁹ Автобиография. С.121.

ве, преступлениях и пороках и осуждены на вырождение физическое, умственное и нравственное. Чтобы покончить с порядком вещей, столь отвратительным, необходимо одно: изъять орудия производства из числа объектов частной собственности и передать их в коллективное владение трудящихся. Достигнуть такого переворота возможно лишь путем борьбы, так как класс, находящийся в хороших условиях, добровольно от своего положения не откажется. Для этой борьбы должен быть организован тот класс, который наиболее заинтересован в успешном исходе, то есть рабочий класс, народ. Люди, отождествляющие интересы этого класса с интересами всего человечества, должны отдать себя всецело делу пропаганды социалистических идей среди народа и организации его для активной борьбы за эти идеи»⁵⁰.

К такому же выводу пришел и Преображенский. Для него, наконец, настал час окончательного выбора своей судьбы. «Как сейчас вспоминаю один очень важный момент из своей биографии, – с волнением писал много лет спустя Е.А.Преображенский. – Дело было летом, когда я приехал домой в Болхов, забрался в самый темный угол нашего сада, где за баней была расположена маленькая лавочка в кустах сирени, и начал перечитывать все мое нелегальное достояние, как старое, так и вновь полученное, в том числе рукописную тетрадь с различными студенческими прокламациями, юмористическими и лирическими стихами, а также с некоторыми фактами из революционной хроники. В определенный момент передо мной встал во всем объеме чисто практический вопрос: что же делать? Согласен ли я стать в ряды революционеров со всеми вытекающими отсюда последствиями, как исключение из гимназии, разрыв с семьей, тюрьма, ссылка и т.д.? И вот здесь-то я принял решение и твердо сказал себе: да, я перехожу в ряды революционеров, что бы ни случилось»⁵¹.

Итак, Евгений Преображенский решает встать на путь бескомпромиссной борьбы за революционное преобразование России.

РЕВОЛЮЦИЯ И МОРАЛЬ

Новая, революционная вера наполнила жизнь Евгения великим смыслом. Но «вера без дел мертва есть». И первым оппозиционным действием стала некая «игра в революцию», во время которой ее участники как бы вживались в образ революционе-

---

⁵⁰ Фигнер В.Н. *Запечатленный труд. Воспоминания*. М.: Мысль, 1964. Т.1. С.123.

⁵¹ *Автобиография*. С.121.

ра, примеряли костюм «борца с самодержавием». Преображенский вспоминал, как на каникулах вместе с Ваней Анисимовым – товарищем детства, сыном болховского купца – они часто отправлялись «вдвоем за город в наиболее глухие места и выражали наш протест против самодержавия пением "Марсельезы", но так, чтобы никто, кроме нас, не слышал. Когда мы проходили мимо болховской городской тюрьмы – жалкого старомодного зданьица, где обычно содержалось десятка два мелких воришек и конокрадов, – наши мысли уходили к Крестам и Бутыркам, где томились дорогие нам борцы против самодержавного режима»⁵².

Пылкая революционность буквально переполняет Преображенского, рождает непреодолимое желание поделиться обретенной истиной с окружающими: «Вернувшись после каникул в гимназию, я решил употреблять на гимназические предметы минимум времени, чтобы не спускаться только ниже тройки, а центр тяжести своей деятельности перенес на жадное чтение по ночам зарубежных произведений на папиросной бумаге, посвящая все время днем чтению книг по истории революции, а также первым начаткам политической экономии. Кроме того, мы с Иваном Анисимовым начали расширять свою пропаганду среди учащихся, завели пару кружков, вступили в сношения с поднадзорными города Орла»⁵³.

Е.А.Преображенский

Революционный прозелитизм незаметно переводит «игру в революцию» в ранг настоящего революционного дела. В этот период у Преображенского «появляется мистическая страсть к размножению нелегальной литературы»⁵⁴. Именно такую форму в условиях подцензурной печати принимает у юного бунтаря унаследованная от отца склонность к духовному просветительству⁵⁵.

---

⁵² *Автобиография. С.121–122.*

⁵³ *Там же. С.122.*

⁵⁴ *Там же.*

⁵⁵ *Там же. С.122–123.*

Осознавал ли в те годы Евгений, что «революционная борьба» не только отчуждает его от семьи и общества, но и постоянно ставит перед ним морально-этические вопросы, вынуждает нарушать христианские нравственные заповеди: чтобы «открыть типографию», ему пришлось подбить товарища на кражу шрифта у отца (открыть типографию не удалось, шрифт был возвращен), сам он теперь постоянно обманывает родителей?

По крайней мере, несколькими годами позже тема «революция и мораль» станет предметом его напряженных раздумий. Ф.В.Виноградов, прошедший в 1910 году некоторое время с Е.А.Преображенским в Александровской пересыльной тюрьме под Иркутском, вспоминал: «Один из докладов т. Преображенского (который он сделал в тюрьме. – М.Г.) "Этика с материалистической точки зрения" отвечал назревшей потребности осветить, каковы должны быть предъявлены этические требования к революционеру. Доклад исходил из основного положения: "Благо революции – высший закон". Дискуссия по этому докладу заняла два вечера»⁵⁶. В августе 1918 года Преображенский конкретизирует высказанный в 1910 году тезис: «Советская власть защищает пролетарскую революцию. "А какими средствами?" – спрашивает левый эсер. На это мы отвечаем: "Для такой великой цели хороши все средства, которые достигают этой цели, и только с точки зрения целесообразности можно обсуждать их"»⁵⁷. А еще позже Преображенский посвятит морально-этической проблематике специальную работу «О морали и классовых нормах» (1923). Основная идея будет той же: «Благо революции – высший закон»: по отношению к представителям своего лагеря надо быть честным, порядочным, отзывчивым; в отношении же «врагов революции» – «все дозволено»⁵⁸. Так расщепление всечеловеческой любви привело, в конечном счете, к раздвоению этики, к двойной морали⁵⁹.

Сопряжение заповедей христианской морали с императивами реальной общественной жизни, законы функционирования которой (диалектика производительных сил и производственных отношений, классовая борьба и др.) наиболее полно описал марксизм, представляет собой крайне непростую проблему.

---

⁵⁶ Виноградов (Ягодин) Ф. Борьба за коллектив в Александровской ссылке в 1910 году // Иркутская ссылка: Сборник иркутского землячества. М., 1934. С.32.

⁵⁷ Уральский рабочий. 1918. 13 августа.

⁵⁸ Преображенский Е.А. О морали и классовых нормах. М.; Пг., 1923.

⁵⁹ О проблеме революционного аморализма см.: Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером. С.108–113.

Марксисты (и не только) обычно обвиняют православных в лицемерии. Ибо любого честного наблюдателя поражает несоответствие реальных порядков в христианском государстве евангельским заповедям. Наиболее ярко это кричащее противоречие выразил Лев Толстой в романе «Воскресение» и других своих поздних сочинениях. В самом деле, в Евангелии сказано «не судите», а в судах ежедневно судят тысячи людей. Сказано «не клянитесь», а свидетелей заставляют клясться на Библии, которая как раз и запрещает клясться. Сказано «не убий», а в христианских государствах не только казнят преступников, но эти государства еще и столетиями ведут между собой кровопролитные войны, когда с благословения Церкви убивают миллионы людей, которые вроде бы друг другу братья. И т.д. и т.п. Конечно, проще всего объявить Толстого еретиком и отлучить его от Церкви. Отлучить можно, но кричащие противоречия, указанные великим писателем, останутся.

На наш взгляд, снять указанные противоречия позволяет разделение христианской этики на личную и социальную. Что мы имеем в виду?

Если сформулировать суть религии Христа, то она предстанет перед нами как учение о связи человека с Богом и другим индивидуумом – ближним – через любовь.

«Законник, искушая Его, спросил, говоря: Учитель! Какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. XXII, 35-40).

Христос, прежде всего и главным образом, установил правила поведения между личностью и Богом (тоже Личностью) и между одной личностью и другой. В Нагорной проповеди и подавляющем числе поучений Христос формулирует именно заповеди личной этики. Иными словами, согласно учению Христа, ты должен любить всех, в том числе врагов, прощать обиды, подставлять вторую щеку, когда тебя ударили по одной и т.д. Но все это относится только к ситуациям, когда дело касается лично тебя. А как быть, когда речь идет не о тебе лично, а о другом человеке (людях): защите слабых от произвола сильных, женщины от насильника, Отечества от неприятеля, наказании преступника и т.д.? Тоже «подставлять другую щеку», не противиться злу силою?

На наш взгляд, здесь заповеди личной этики перестают работать. Тут вступают в свои права нормы этики социальной. И эта этика тоже, хотя и в самом общем виде, присутствует в Евангелии. Имеется в виду заповедь Христа о том, что «нет больше той любви, чем душу свою «поло-

жить за други своя» (Ин. XV, 13; см. также Мф. X, 39). Но что означает выражение «положить жизнь», «отдать жизнь», «пожертвовать жизнью» (душой)? Его можно понимать двояко.

Во-первых, в смысле физическом – погибнуть телесно. Но физическая гибель для христианина не означает смерть. Наоборот, она лишь начало новой, лучшей жизни. Так как после смерти тела сущность человека – его душа – продолжает свое бытие. Во втором смысле – положить, отдать душу означает погибнуть духовно, что, собственно, и является для христианина смертью. А когда христианин гибнет духовно? Когда он губит душу, совершая тяжкие, особенно смертные, грехи.

Иными словами, фраза «нет больше той любви, чем душу свою положить за други своя» означает, что не за себя, а «за други своя» человек может «брать грех на душу» – нарушать заповеди, изложенные в Нагорной проповеди, пусть это даже и чревато геенной огненной.

Поскольку Бог есть Любовь, Он, возможно (узнаем только на Страшном суде), поймет этот вынужденный, не ради себя совершенный грех и простит. Иными словами, ты можешь прощать врага личного, но не Отечества, «утереться», когда бьют тебя, но не женщину, просить о помиловании преступника, нанесшего вред тебе, но карать серийного убийцу и т.д. Отсюда вытекает правомочность судов, армии, классовой борьбы...

Здесь уместно привести толкование Иоанна Златоуста на евангельскую заповедь «не судите, да не судимы будете».

«Что ж? – вопрошает святитель. – Ужели не должно обвинять согрешающих?» И для чего тогда Христос «поставил столь многих обличителей, и не только обличителей, но и карателей, так что кто не послушается никого из этих последних, того велит почитать за язычника и мытаря?... С другой стороны, если бы это было так [то есть нельзя было бы судить и карать], то все пришло бы в расстройство и в Церкви, и в гражданских обществах, и в семьях. Если господин не будет судить своего слугу, а госпожа служанку, отец сына и друг своего друга, то зло будет распространяться все более и более. И что я говорю: друг друга? Даже если врагов не будем судить, то никогда не будем в состоянии разрушить вражду, но все придет в совершенный беспорядок. Что же значит указанное изречение?... Для имеющих здравый ум Спаситель хорошо изъяснил силу данного закона в следующих дальнейших словах: "и что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?" (Мф. VII, 3). Именно здесь, как мне кажется, Спаситель не все вообще грехи повелевает не судить и не всем без исключения запрещает это делать, но тем только, которые, сами будучи

исполнены бесчисленных грехов, порицают других за маловажные какие-нибудь поступки» (Толкование на св. Матфея Евангелиста, XIII, 1).

Итак, согласно Златоусту, в церковной, социально-политической, семейной жизни ради общего блага допустимо нарушение правил личной этики, но только высокоморальными людьми. Но ведь это, могут сказать, открывает дорогу полному произволу: любое преступление можно объявить совершенным ради общего блага. Такая опасность действительно существует. Ибо все люди, в том числе судьи, несовершенно: совершенен только один Христос. И в реальной жизни, конечно же, возможны судебные ошибки, невинно пострадавшие и т.д.

На наш взгляд, существует лишь один рецепт того, как минимизировать угрозу произвола: «каратель» должен носить в себе Христа. То есть он должен всегда помнить, что грех, совершенный хотя бы и «за други своя», – это все равно грех. Что его и надо осознавать как грех, а значит, каяться в нем, страдать из-за того, что приходится его совершать. Тогда нарушение заповедей сведется к вынужденно необходимому минимуму. Если же отрицать само понятие греха, как это делали, например, большевики (и Преображенский в их числе), то тогда, действительно, откроется дорога полному произволу: «Если Бога нет, то все дозволено».

Итак, подытожим. Есть мир Бога: связь человека с Творцом, личные отношения с другим человеком как творением Божиим, и есть мир кесаря: социально-политическая реальность, которая регулируется попущенными Богом (после грехопадения Адама и Евы) законами функционирования и развития социальной жизни. И эти законы были открыты и сформулированы Карлом Марксом. И объединяет эти два мира – мир Христа и мир кесаря – таинство покаяния. Иными словами, у истинных христиан и истинных марксистов должна быть одна мораль, включающая в себя личную и социальную этику.

В реальной жизни православные очень часто переносят заповеди личной этики на этику социальную, что ведет их к общественной пассивности, эскапизму. Эта жизненная позиция всячески поддерживается правящими классами. Что, в свою очередь, дает марксистам весомый повод обвинять христиан в непротивлении злу, в рабской психологии. Но учил ли верующих такому поведению Христос?

Представляется, что Иисус отнюдь не запрещал стремиться к улучшению мира. В единственной молитве, которой молился сам Господь и которой он учил молиться своих учеников, сказано: «Да будет воля Твоя, как на небе, так и на земле». Стремление к обожению (улучшению) мира, таким образом, вполне законно. Причем, как убедительно доказал Иван Ильин в известном трактате «О противлении злу силою»,

сам Христос в борьбе за правду не останавливался перед прямым насилием – знаменитая сцена изгнания Спасителем торговцев из храма. Почему же, в таком случае, недопустима борьба социальных низов с верхами за улучшение своего положения?

Поставим вопрос еще жестче. Почему христианством допускается убийство на войне с иноземцами, но запрещается убийство на войне классовой? Почему допустимо убийство порядочных граждан другого государства (даже христианского), но недопустимо убийство «салтычих» лишь из-за того, что они одной с тобой нации? И это при том, что для Бога все равны – нет ни эллина, ни иудея? Убежден, что допустимое «во внешней политике» допустимо и «во внутренней». Разумеется, с указанными выше ограничениями⁶⁰.

ОБРЕТЕНИЕ ИСТИНЫ

«Когда я перешел в седьмой класс гимназии, – вспоминал Преображенский в автобиографии, – я уже не мог долго оставаться в состоянии неопределенной и неоформленной революци-

онности. Надо было выбирать между социалистами-революционерами и социал-демократами. Решающее влияние на выработку моего мировоззрения имели в это время два произведения: "Коммунистический манифест" и "Развитие научного социализма" Энгельса. Долго размышляя над этими произведениями, я решил, что народническое мировоззрение является несостоятельным и *ненаучным* (курсив мой. – М.Г.) и что только марксизм может указать мне правильную дорогу»⁶¹.

Почему из всего многообразия революционных учений того времени Преображенский, и не он один, выбрал марксизм? «Триумфальное шествие» учения Карла Маркса в среде русской интеллигенции той эпохи, думается, являлось результатом весьма сложного социально-психологического феномена, сердцевиной которого стало именно «расправославливание» чувства и сознания, на котором следует остановиться подробнее.

Что мы имеем в виду?

Душевный строй воспитанного в лоне Православной церкви человека отличается, на наш взгляд, тремя главными особенностями:

---

⁶⁰ См. подробнее: Горинов М.М. *Р.С. Православие и (или) марксизм?* // Горинов М.М. *О Москве, о России: узловые проблемы отечественной истории XX века.* М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2008.

⁶¹ *Автобиография.* С.123. – Вероятно, не последнюю роль в колебаниях Преображенского между народничеством и марксизмом сыграл столь ценный им в юности Ф.Кольб, придерживавшийся воззрений на «факторы прогресса», близких к народническим.

1) в сфере эмоций – доминированием чувства искренней любви и сострадания к ближнему;

2) в рациональной области – оптимистичным дуализмом: осознанием мира, мировой истории как постоянной борьбы светлого и темного начал, призванной завершиться, в конечном счете, победой светлых сил: утверждением сознательно выбранного, принятого человечеством Царства Божия⁶²;

3) в навыках бытовой повседневности – стремлением (выраженным намного более ярко, чем в других конфессиях) к упорядоченности, цикличности обыденной жизни: каждый верующий включен в дневной, недельный, годичный цикл молитв и обрядов, праздников и постов.

Православный, утратив веру, не утрачивал вместе с ней сформированного православием склада души. Она оставалась проникнутой любовью к человеку, воспринимала мир в парадигме оптимистичного дуализма, стремилась к упорядоченной повседневности. И, думается, из всех тогдашних революционных учений (мы уже говорили, почему утрата веры почти автоматически вела к революционности) в наибольшей степени отвечал душевным чаяниям «разуверившихся верующих» именно марксизм. Его социальный императив – борьба за счастье обездоленных, трудящихся – удовлетворял потребность в любви «к Пахамам и к Сидорам». Его философия – диалектический и исторический материализм, увенчанный коммунистической эсхатологией, – довольно неплохо «состыковывалась» с дуалистическо-оптимистической православной мировоззренческой доктриной. Его политико-экономический идеал – планируемая экономика – обещал «расправославленному» человеку вернуть утраченную упорядоченность бытия.

Огромную роль в заразительности, притягательности марксизма играли также его подчеркнутые объективизм, «научность» и техницизм, столь отвечавшие самому духу той рационалистической эпохи.

Напомним, чем, по мнению Ф.Энгельса, изложенному в столь любимой Е.А.Преображенским работе «Развитие социализма от утопии к науке», отличался научный коммунизм (марксизм) от утопического социализма (к разновидности которого следует отнести и русское народничество).

Для утопистов социализм «есть выражение абсолютной истины, разума и справедливости, и стоит только его открыть, чтобы он собственной силой покорил весь мир; а так как абсолютная истина не зависит от

---

⁶² См., например: Тихомиров Л.А. *Религиозно-философские основы истории*. М., 1997. С.31.

времени, пространства и исторического развития человечества, то это уже дело чистой случайности, когда и где она будет открыта»⁶³.

В исследованиях же К.Маркса «выяснилось, что *вся* прежняя история, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов, что эти борющиеся друг с другом общественные классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена – словом, *экономических* отношений своей эпохи; следовательно, выяснилось, что экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которой и объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как и из религиозных, философских и иных воззрений каждого данного исторического периода. <...> Было дано материалистическое понимание истории, и был найден путь для объяснения сознания людей из их бытия вместо прежнего объяснения их бытия из их сознания. Поэтому социализм теперь стал рассматриваться не как случайное открытие того или другого гениального ума, а как необходимый результат борьбы двух исторически образовавшихся классов – пролетариата и буржуазии. Его задача заключается уже не в том, чтобы сконструировать возможно более совершенную систему общества, а в том, чтобы исследовать историко-экономический процесс, необходимым следствием которого явились названные классы с их взаимной борьбой, и чтобы в экономическом положении, созданном этим процессом, найти средства для разрешения конфликта»⁶⁴.

И еще одна важнейшая особенность марксизма, делавшая это учение необычайно привлекательным для русских бунтарей рубежа XIX–XX столетий. Строгая научность не лишала его последователей свободы воли, наоборот, давала надежное основание субъективно-историческому творчеству личности – рационализировала «безумство храбрых». И здесь опять-таки марксизм прекрасно сопрягался с православной идеей свободы воли. Согласно учению восточных отцов Церкви, человек свободен в выборе между добром и злом. Протестанты же заявляют об изначальном предопределении Всевышним судьбы каждого.

К активному вмешательству революционеров в исторический процесс звал знаменитый одиннадцатый тезис о Фейербахе К.Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»⁶⁵. Не уповать на автоматизм действия законов

---

⁶³ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в 3 т. М.: Политиздат, 1981. С.139.

⁶⁴ Там же. С.146.

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. Т.3. М., 1955. С.4.

истории призывала максима К.Маркса и Ф.Энгельса о том, «что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» («Немецкая идеология»)⁶⁶.

Е.А.Преображенский суть марксизма как предельно рационального идеалистического волонтаризма, очевидно, чувствовал. По справедливому замечанию П.Зандера, «марксизм представлялся русской молодежи научно обоснованным социальным идеализмом, верным путем служения народу, бесспорным залогом прогресса и благоденствия»⁶⁷.

Придя к марксизму, лучшие представители разуверившейся русской молодежи вновь обретали душевное равновесие. Типична в этом смысле духовная эволюция Г.М.Кржижановского: «Первичные искания разночинцев 60-х годов, шедшие к нам с ветшающих страниц "Современника" и "Отечественных записок", обличительное слово Салтыкова-Щедрина, свободолобивые блески публицистики Михайловского, тяжеловесная проповедь Лаврова, отдельные брошюры из изданий землевольцев и народовольцев и, наконец, тот удивительный благовест, совпавший с весной нашей жизни, который шел к нам от изданий группы "Освобождение труда", – вот та литературная цепь, по звеньям которой мы шли в своем превращении из неопределенных народолюбцев во вполне определенных марксистов. И как некоторый утес, завершающий поворотную грань на этом пути, стояло великое творение Маркса – его "Капитал"... Продумывая страницы этой книги, мы впервые начинали чувствовать твердую почву под своими ногами...»⁶⁸.

Аналогичный путь проделал и Е.А.Преображенский. Осенью 1903 года его марксистский выбор получает формально-организационное оформление: Евгений Преображенский, Иван Анисимов и Александр Литкенс, составив в гимназии социал-демократическую тройку, разворачивают интенсивную работу в учебных заведениях Орла, действуя в качестве ячейки Орловского комитета РСДРП. «Собственно, с конца 1903 г. я считаю себя членом партии, хотя формальный торжественный прием меня, Литкенса и Анисимова в партию состоялся месяца на два–три позже»⁶⁹.

(Окончание следует)

---

⁶⁶ Там же. С.37.

⁶⁷ Зандер Л. Отец Сергей Булгаков: Краткий очерк его жизни и творчества // Булгаков С., протоиерей. Православие. Очерки учения православной церкви. 3-е изд. Paris, 1989. С.6.

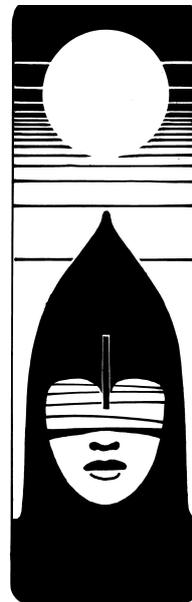
⁶⁸ Кржижановский Г.М. О Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. М., 1984. Т.2. С.11–12.

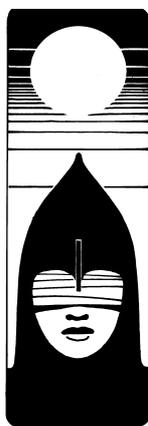
⁶⁹ Автобиография. С.123–124.

Историк идет к людям прошлого со своим специфическим человеческим опытом. <...> Это восстановление в памяти ценностей, которое в конечном итоге является единственным доступным нам способом возрождения людей, если не считать нашей способности переживать то, что они переживали, невозможно без кровной «заинтересованности» историка в этих ценностях, без глубинной причастности им; речь не идет о том, что историк должен разделять веру своих героев,

– в таком случае мы имели бы не историю, а апологетику, то есть жизнеописание святых; историк должен уметь ... признать их веру, иными словами, окунуться в проблематику этой веры, постоянно держа ее в «подвешенном состоянии» и «нейтрализуя», как если бы она была ныне существующей верой.

Поль Рикер

Наталья Суржикова

**ЭТНИЧНОСТЬ И ВЕРА
В ПРАКТИКАХ
РОССИЙСКОГО
ПЛЕНА
1914–1919 ГОДОВ**

**ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛЬСКОГО
РЕГИОНА**

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК
94(470)

The paper explores attempts to instrumentalize such factors as ethnicity and faith within the framework of russian captivity in 1914–1919. Captivity realities, as the author demonstrates, were such that manipulations with national and religious sentiments of foreign captives realized through various practices produced – besides sought-for results – a lot of side effects which altered the scenarios of events that their creators deemed the only possible. In large measure this reflected the fact that policy and economy, the generals and civil officialdom, the centre and the periphery affected the captivity patterns according to their interests and aims which conventionality could hardly be taken for granted.

Ключевые слова: Первая мировая война; Урал, пространство плена; практики плена; национальный и конфессиональный факторы.

Keywords: World War I; the Urals; captivity space; captivity practices; national and confessional factors.

E-mail: snvplus@mail.ru

В каком бы ключе сегодня ни изучался военный плен – с позиций классического институционализма, социологии опыта, теории практик и проч., – безусловно то, что он был явлением многофакторным, многоакторным и многовекторным. Вероятно, именно поэтому функционал плена достаточно трудно определить. И дело не в том, что, глядя из перспективы тех, кто творил его историю, это будет одна картина, а из перспективы тех, кто ее претерпевал, – совсем другая. Просто грань между первыми и вторыми не столь очевидна, как хотелось бы. Вместе с тем бесспорно, что плен всегда был чем-то бóльшим, нежели просто изоляция обезоруженных военнослужащих противника с последующей раздачей им хлеба и валенок.

Прагматический дрейф в историю российского плена, порожденного Первой мировой войной, свидетельствует, что он, беспрецедентно массовый и радикальный, не просто отразил тенденцию тотализации¹ войны как таковой. В чем-то он зримо обособился от войны, обретя свою запутанную статистику и географию, архитектуру и дизайн; экономику, выражавшуюся через причастность пленных к процессам администрирования, потребления и производства; социологию, развивавшуюся в континууме между эксклюзией и инклюзией; психологию, характеризовавшуюся стрессом аккультурации и кризисом идентичности. При этом в пространстве российского плена, вовлекшем в свою орбиту всевозможные власти (военные и гражданские, центральные и местные, светские и духовные), а также разнообразные негосударственные организации и объединения, элиты и группы, закономерно возникли и получили свое развитие особые партии и блоки, лобби и вето, консенсусы и войны, которые, в свою очередь, оказались так или иначе связаны с такими извечно проблемными, конфликтогенными факторами, как этничность и вера.

¹ *Тотализация войны как реализованная тенденция предполагает вовлечение в конфликт не только армий противоборствующих сторон, но и других социальных институтов (идеологий, экономик и т.д.). При этом речь идет не только и не столько о милитаризации жизни общества, сколько о прямом или косвенном влиянии войны на структуры повседневности и, соответственно, на уклад жизни далеких от войны микрогрупп и индивидов. См. об этом подробнее: Фёрстер Ш. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы: Материалы международного интернет-семинара. М., 2005. С.11–28.*

Разделяй и властвуй

Еще советскими историками было подсчитано, что среди подданных Габсбургской империи, плененных русскими войсками, австрийцы и немцы составляли примерно 20–22% (т.е. приблизительно 400–500 тыс. чел.), венгры – 24–25% (500–550 тыс. чел.), чехи и словаки – 13–18% (250–350 тыс. чел.), сербы, хорваты и словенцы – 11–12% (200–250 тыс. чел.), румыны — 7–8% (120–150 тыс. чел.), поляки — 8–9% (150–200 тыс. чел.), украинцы — 8% (150–160 тыс. чел.), итальянцы — 1–2% (20–40 тыс. чел.). В составе пленных германской армии (170–180 тыс. чел.), помимо немцев, находились поляки из западных польских областей и французы из Эльзаса и Лотарингии, а в числе пленных турецкой армии (50–60 тыс. чел.), кроме турок, были еще и армяне, греки, арабы, курды и другие жители Ближнего Востока². Представляя собой столь пестрый этнический конгломерат, пленные никогда не составляли и не могли составлять даже хрупкой целостности. Еще до своего пленения солдаты и офицеры разных наций и конфессий относились к войне по-разному, по-разному же оценивая свою роль в связанных с ней событиях. Не секрет, что этнические немцы, присягнувшие Францу Иосифу или Вильгельму II, не питали особой любви к своим иноплеменным соотечественникам, которые отвечали на такое отношение взаимностью. Антипатии и фобии межнационального свойства на чужбине не замедлили перерасти в открытые конфликты. Так, например, команде сопровождения проследовавшего вечером 1 февраля 1915 года через станцию Пермь-II поезда в составе 16 вагонов с германцами и австрийцами пришлось отделить их друг от друга «ввиду частых ссор и драк, возникающих между ними»³.

Невзгоды совместного сосуществования, как показывают источники, пленных вовсе не сплотили, а, наоборот, увеличили дистанцию между ними. «Нас, чехов, во всем здесь сокращают и буквально обдирают; лучше всех живется немцам и мадьярам, – жаловался в марте 1917 года чешский военнопленный Фиала Франтишек, работавший на Самском руднике Богословского горного округа. – Всякого чеха можно узнать с первого взгляда по рваной одежде. Так убого, как здесь, одеты чехи во всем округе, потому что в случае получения Красным Крестом посылки

² *Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов. М.: Наука, 1987. С.33.*

³ *Проезд пленных // Пермские губернские ведомости. 1915. 4 февр. С.3.*

ЭТНИЧНОСТЬ И ВЕРА В ПРАКТИКАХ РОССИЙСКОГО ПЛЕНА

для пленных все вещи делят между собою евреи, немцы и мадьяры. Вообще весь округ кишмя кишит евреями; они всюду: в канцелярии, складах, магазинах и т.п. Горсточка нас, добрых чехов, в течение своего пребывания здесь должна была проглотить немало горьких пилюль...»⁴. Посетивший округ в августе 1917 года окружной инженер Северо-Верхотурского округа отмечал, что пленные продолжали относиться друг к другу «очень неприязненно», что вынуждало некоторых из них скрывать свое истинное происхождение⁵.

Группа пленных в г. Кыштыме

⁴ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф.24. Оп.20. Д.2825. Л.67–68. Полный текст документа см.: Суржикова Н.В. Повседневность уральского плена: взгляд изнутри (конец 1916 – первая половина 1917 г.) // Вестн. Челябинского госун-та. Сер.: История. Вып.34. С.167–173.

⁵ ГАСО. Ф.24. Оп.20. Д.2825. Л.71–71 об.

Раскол в рядах военнопленных усугублялся самой ситуацией плена. Обособляясь по этноязыковому и конфессиональному признаку, оказавшиеся в плену люди тем самым пытались спастись от кризиса идентичности, который неизбежно приходил вместе со стрессом аккультурации, вызванным, в свою очередь, принудительным воздействием чужой культуры. При этом, преодолевая культурный шок, пленным приходилось отгораживаться не только от «местного» чужого, но и другого чужого: «немецкого», «венгерского», «румынского», «турецкого», «болгарского», «чешского», «польского», «еврейского» и т.д., – другого чужого, с которым раньше удавалось мириться и уживаться. Те же пленные, которые не сумели отстоять свою «самость», становились жертвами развития аномии, проявляющейся, прежде всего, в потере выраженного самоидентификационного кода, и ожидаемо вызывали у более «стойких» исключительно негативную реакцию. Реакция эта могла быть негативной до такой степени, что требовала вмешательства со стороны. Об этом свидетельствует записка, отправленная из Аурбаховского рудника в управление уже упомянутого Богословского округа в июне 1916 года: «Препровожаем Вам для работ в Надеждинске шесть человек военнопленных, хлопочущих о приеме их в русское подданство, так как дальнейшее пребывание на руднике, среди своих соотечественников, для них становится слишком тяжелым»⁶. Допустившие, по мнению своих соотечественников, недопустимое, эти шестеро военнопленных даже не подозревали, что их пример будет дополнительным стимулом к консолидации их вчерашних товарищей по национальному и конфессиональному признаку.

Все эти процессы происходили, однако, не только «изнутри». Свою лепту в «этнизацию» плена внесли российские власти, чья политика по отношению к неприятельским солдатам и офицерам, равно как и политика вообще⁷, не отличалась однородностью, начиная с первых дней войны. Главным «успехом» этой политики стало формирование в структурах Русской императорской армии национальных частей, пополняв-

---

⁶ Там же. Ф.45. Оп.1. Д.1101. Л.161.

⁷ См. об этом: Миллер А. Империя Романовых и национализм. М.: НЛО, 2008; Могильнер М. *Homo imperii. История физической антропологии в России*. М.: НЛО, 2008 г.; Cadiot J. *Le laboratoire imperial: Russie – URSS, 1860–1940*. Paris: CNRS Éditions, 2007; Steinwedel Ch. *Making Social Groups, One Person at a Time: The Identification of Individuals by Estate, Religious Confession, and Ethnicity in Late Imperial Russia* // Caplan J., Torpey J. (Eds.). *Documenting Individual Identity: The Development of State Practices Since the French Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 67–82; и др.

шихся в том числе и за счет военнопленных. Ссылаясь на то, что братские славянские народы стонут под игом Габсбургов и лишь ожидают момента, чтобы присоединиться к освободительному делу России, Генеральный штаб уже в августе 1914 года серьезно обсуждал вопрос о формировании чешских, словацких и польских частей, а также одобрил создание армянских, финских и латышских войск⁸. Спустя месяц в России началось формирование чешских, в октябре – польских, в 1915 году – сербских и в 1916 году – румынских подразделений. Не вижу смысла останавливаться на их истории подробно, поскольку написано об этом так много, что проблематично назвать какие-то работы на эту тему главными⁹. Подчеркну только, что к концу 1917 года инородческие части русской армии насчитывали десятки тысяч человек. Среди них пленные, с осени 1915 года превратившиеся в главный резерв для пополнения разноязыких полков, дивизий, бригад и корпусов, доминировали, а их социальный статус менялся на глазах. Известно, к примеру, что в августе 1915 года штаб Верховного Главнокомандующего сообщил Главному управлению Генерального штаба следующее. Верховный Главнокомандующий «повелел тех пленных, которые на театре войны были зачислены в ряды чешской дружины и затем эвакуированы за ранами в глубь империи, пленными не считать»¹⁰. Таким образом, снова вставая под ружье, военнопленные иностранцы как бы выпадали из пространства плена, освобождая его для других. В свою очередь, эти другие – пока еще в полном смысле пленные – рассматривались властями России как потенциальные солдаты и офицеры национальных формирований русской армии, и их «распропагандирование» ожидаемо стало одной из приоритетных задач военного ведомства.

Надо сказать, что изданное 7 октября 1914 года «Положение о военнопленных» не содержало даже намека на дифференцированный – эт-

⁸ Фон Хаген М. *Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874–1917 годы* // *Отечественная история*. 2004. №5. С.44.

⁹ Среди новейших исследований темы см.: Joshua A. Sanborn. *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb, Il.: Northern Illinois University Press, 2003; а также: Cadiot J. *Russian Army, non Russian, non Slavs, non Orthodox: the Risky Construction of a Multiethnic Army* // *Journal of Power Institutions in Post Soviet Societies*. 2009. № 10. URL : <http://pipss.revues.org/index3770.html>; и др.

¹⁰ Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф.146. Оп.1. Д.94. Л.240; *Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов*. С.57.

ноориентированный – подход к пленным иностранцам¹¹. Однако его идея витала в воздухе, воплощаясь время от времени в заявлениях военных о необходимости физического отделения пленных «дружественных» наций от «враждебных» и оказания первым покровительства и «возможных льгот». Разговоры сменились делом в 1915 году, когда по военным округам России «для точного и неуклонного исполнения» была разослана записка «По делу военнопленных славян». В ней выражались серьезные опасения в том, что при существующих неблагоприятных условиях содержания военнопленные славяне, «сдавшиеся по большей части в плен из любви к России, сознательно возвратятся на родину русофобами»¹². Между тем без лишней траты времени и денег, отмечалось в документе, дело можно организовать так, чтобы «сохранить не только существующие уже симпатии военнопленных славян к России, но и развить их среди сотен тысяч южных и западных славян, которые по тем или другим причинам относились до сих пор равнодушно или недружелюбно к России». И далее: «Было бы грешно не использовать возможности воспитать в желательном для России духе сотни тысяч людей. Если дело будет поставлено правильно, то эти сотни тысяч военнопленных славян возвратятся после окончания войны на родину в Центральную Европу (чехи), в Альпы (словенцы) и на берега Адриатического моря не сеятелями вражды к России, но проповедниками любви к России, распространителями русского языка, русской культуры и русского мировоззрения»¹³. При этом с точки зрения технической, по мнению автора, не нужно было изобретать ничего особенного, взяв на вооружение уже апробированный в Германии механизм «индоктринации» пленных. А именно: не отвлекая никого от насущных забот военного времени, необходимо сосредоточить славян в специальных местах водворения и «систематически возбуждать» в них ненависть к «врагам славянства», так же как немцы в специальных лагерях для малороссов или татар методично прививали последним ненависть к русским¹⁴.

---

¹¹ *Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. 16 окт. №281. Ст.2568.*

¹² *ГАПК. Ф.146. Оп.1. Д.94. Л.79.*

¹³ *Там же. Л.79–79 об.*

¹⁴ *См. об этом: Нагорная О.С. Другой военный опыт: Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010; Andrew D. Evans, Anthropology at War: World War I and the Science of Race in Germany. Chicago: University Of Chicago Press, 2010. Следует, однако, заметить, что мобилизация этничности в годы Первой мировой войны практиковалась во всех династических империях, а не только в*

«Воспитать в желательном для России духе сотни тысяч людей» решили прежде всего оградив военнопленных славян «от враждебного и крайне оскорбительного отношения к ним немцев и венгров»¹⁵. Соответствующие документы с требованиями принять все необходимые меры буквально посыпались на места один за другим. Однако вскоре стало очевидно, что, несмотря на все усилия по изоляции пленных славян от немцев и мадьяр, она так и не стала реальностью, поскольку пункты расквартирования тех и других остались прежними. Тогда военное ведомство приступило к перегруппировке пленных по этнонациональному признаку. С сентября 1915 года пленные славяне и иные «дружественные» пленные подлежали размещению в Московском, Казанском, Омском и Туркестанском военных округах, в то время как пленные немцы, венгры, а затем и турки, включая увечных, высылались в «дальние округа Сибири» – Иркутский и Приамурский¹⁶. Проблема, правда, состояла в том, что это решение было принято тогда, когда значительная часть пленных «принадлежала» уже не военным, а гражданским властям, будучи отправлена на общественные работы, казенные и частные предприятия, а также в практически «обезручившее» с началом войны сельское хозяйство.

Предписания Генерального штаба саботировались региональными экономическими элитами практически открыто, поскольку для того, чтобы наказать нарушителей, руки местных военных властей были слишком коротки. В то время как центральные власти настойчиво рекомендовали привлекать к наиболее ответственным работам – то есть работам на оборону – исключительно пленных славян, многие хозяйственники открыто заявляли, что национальность пленных им безразлична. «...Честь имеем просить военно-промышленный комитет исходатайствовать разрешение на отпуск пленных в наше предприятие 150 человек, указывая, что мы имеем казенный заказ на нужды войны и сильно нуждаемся в рабочих. ... Из вышеуказанного количества желаем иметь 100 человек чернорабочих и 50 человек плотников, слесарей и электротехников, притом национальность их роли не играет», – писал управляющий Вознесенскими асбестовыми рудниками В.И.Жирарда в уральский областной военно-промышленный комитет 28 сентября 1915 года.

Германии и России (см. об этом: Roshwald A. Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia and the Middle East, 1914–1923. London: Routledge, 2001).

¹⁵ Там же. Л.71.

¹⁶ Там же. Ф.146. Оп.1. Д.94. Л.68, 71–71 об.

Обращаясь по тому же адресу в октябре 1915 года, Т.Д.Тепляков, владелец чугунолитейного и механического завода в Каслях, указывал: «...Для моего завода потребно военнопленных без различия национальности следующих специальностей: токарей – 5 ч., слесарей – 5 ч., инструментальщиков – 1 ч., формовщиков – 10 ч., литейщиков – 1 ч., черно-рабочих – 4 ч., всего – 26 ч.»¹⁷.

Не проявили должного рвения уральские заводчики и в деле реализации категорического распоряжения пермского губернатора об удалении «враждебных» немцев из заводских цехов. Дискуссия вокруг этого вопроса затянулась до середины 1916 года и закончилась тем, что с главным чиновником края местные хозяйственники так и не согласились, выторговав у него право на допуск германцев к работам в заводских цехах при условии их назначения в дневные смены и при усиленной охране. Некоторые же предприятия, в частности Богословский и Гороблагодатский горные округа, вообще не пошли ни на какой компромисс, отделавшись заявлением о том, что «охрана дорога, а ночные смены неизбежны»¹⁸.

Между тем центральные военные власти продолжали настаивать на своем: «По имеющимся данным, на некоторых горных и металлургических предприятиях Урала, обслуживаемых смешанным контингентом пленных, славяне, будучи размещены необособленным порядком от мадьяр и немцев, претерпевают всякие обиды и притеснения со стороны этих последних на почве племенной вражды вообще и недовольства дружественным отношением славян к России. В видах устранения на будущее время повторения такого недопустимого явления военное Министерство признало необходимым, чтобы пленные рабочие из славян размещались на горных и горнозаводских предприятиях безусловно обособленно от враждующих с ними мадьяр и немцев, причем желательно, в мере возможности, соблюдать отграничение означенных отдельных элементов пленных и при распределении их по работам»¹⁹. Но непререкаемой нормой настоящий документ все равно не стал, о чем, в частности, свидетельствует пример Нижнетагильского и Луньевского округов. Вопросами труда и быта неприятельских военнопленных здесь ведала специально созданная комиссия, в работе которой участвовали как представители окружной администрации, так и собственно

---

¹⁷ ГАСО. Ф.123. Оп.1. Д.9. Л.56, 115.

¹⁸ Там же. Ф.183. Оп.1. Д.71. Л.117–117 об., 122–123 об., 125, 176, 330–333.

¹⁹ Там же. Ф.24. Оп.20. Д.3174. Л.129.

ЭТНИЧНОСТЬ И ВЕРА В ПРАКТИКАХ РОССИЙСКОГО ПЛЕНА

пленные. В соответствии с разработанными комиссией правилами о порядке содержания военнопленных их размещение в квартирах и казармах должно было производиться строго по национальностям. Однако тот факт, что в начале 1917 года занятые на Выйском заводе Нижнетагильского округа поляки, чехи и словенцы обратились в комиссию с просьбой об отводе им особой казармы, говорит сам за себя. Специфика организации горного и металлургического производств, а также нехватка квартир и казарм превращали расселение пленных по национальному принципу в роскошь, которую на местах считали излишней²⁰.

Пленные на строительстве Западно-Уральской железной дороги. 1917 г.

Впрочем, жирный крест на идее строгой изоляции «братьев-славян» от «проклятых» немцев, венгров, турок и евреев поставили не только и не столько на местах. В то время как Генеральный штаб рассылал по

---

²⁰ Там же. Ф.643. Оп.1. Д.3995. Л.17 об.

внутренним округам России телеграммы о срочной отправке пленных «враждебных» национальностей в Сибирь (14 сентября 1915 года), Министерство земледелия подготовило документ, требовавший остановить переброску пленных на Восток страны «ввиду ожидаемого в ближайшем времени интенсивного требования на рабочие руки» (21 сентября 1915 года)²¹. По подписанному 25 января 1916 года соглашению трех ведомств – военного, внутренних дел и земледелия – из-за Урала в Европейскую Россию было переброшено порядка 100 тыс. немцев и мадьяр, что свело на нет практически все предпринятые ранее попытки «расскассирования» пленных сообразно с их национальностью²². Однако оставлены эти попытки не были и предпринимались все с тем же азартом вплоть до середины 1916 года, когда конъюнктура рынка труда заставила забыть о политических играх²³. «Ввиду необходимости оказать помощь как предприятиям, работающим на оборону, так и сельским хозяйствам для уборки урожая, военный министр приказал прекратить снятие военнопленных славян с каких-либо работ, а тех, которые уже были сняты, но еще не отправлены, спешно возвратит на те же работы», – сообщала региональная печать в начале августа 1916 года²⁴. В связи с этим в 1917 году кампания по сегрегации пленных-«друзей» и пленных-«врагов» уже не носила тотального характера, что подтверждают и приводимые ниже цифры (см. таблицу). При этом, не имея возможности заставить пользовавшиеся трудом неприятельских солдат предприятия иммунизировать «дружественных» пленных от «пагубного» германфильского влияния и гарантировать их физическую защиту от всяческих обид и притеснений, власти продолжали напоминать: «Имевший на днях [место в] одном из внутренних округов случай избияния военнопленных чехов военнопленными немцами и мадьярами вынуждает вновь подтвердить указание военминистра размещать славян как [в] пунктах постоянного квартирования[,] так равно при нахождении [на] разного рода работах[,] при передвижении [и] во время нахождения [в] лечебных заведениях совершенно отдельно от немцев и мадьяр»²⁵.

---

²¹ ГАПК. Ф.146. Оп.1. Д.94. Л.68, 80, 80 об.

²² Там же. Л.195.

²³ ГАСО. Ф.435. Оп.1. Д.1738. Л.32.

²⁴ Военнопленные славяне на работах // Пермские губернские ведомости. 1916. 10 авг. С.3.

²⁵ ГАСО. Ф.72. Оп.1. Д.5641. Л.54.

ЭТНИЧНОСТЬ И ВЕРА В ПРАКТИКАХ РОССИЙСКОГО ПЛЕНА

*Распределительная ведомость пунктов квартирования военнопленных
по национальностям²⁶*

Название пункта	Для австро-немцев и турок		Название пункта	Для славян	
	Офицеры	Солдаты		Офицеры	Солдаты
Казань	20	600	Тетюши	192	60
Даишев	-	500	Симбирск	70	2100
Мамадыш	-	80	Алатырь	49	260
Свияжск	25	100	Ардатов	125	350
Спасск	15	500	Буинск	97	250
Ядрин		55	Корсунь	-	30
Цивильск	-	200	Курмыш	23	215
Козмодемьянск	11	25	Сызрань	70	751
Чебоксары	90	25	Сенгилей	-	13
Чистополь	20	2000	Пенза	-	-
Шаревококшайск	70	20	Мокшан	6	180
Пермь	100	700	Нижний Ломов	-	600
Ирбит	140	4450	Саранск	47	700
Верхотурье	115	1270	Чембар	148	986
Екатеринбург	-	500	Городище	21	100
Красноуфимск	150	1600	Саратов	80	500
Кунгур	160	200	Аткарск	-	350
Оханск	15	190	Вольск	-	350
Соликамск	294	528	Блашев	11	4
Оса	27	530	Камышин	-	100
Чердынь	100	146	Кузнецк	34	700
Шадринск	70	400	Петровск	15	4
Вятка	15	500	Сердобск	-	200
Глазов	-	80	Царицын	-	-
Елабуга	261	400	Хвалынский	183	1000
Мамлыж	61	537	Самара	200	140
Нолинск	120	700	Бугульма	10	639
Слободской	121	3000	Бузулук	-	360
Сарапул	60	700	Бугуруслан	100	750
Уржум	74	870	Николаевск	43	250
Яранск	160	1000	Новоузенск	40	160
Оренбург	250	2000	Ставрополь	61	300
Орск	2	200	Астрахань	705	4315
Троицк	40	1000	Енотаевск	22	420
Челябинск	60	600	Царев	25	300

²⁶ Название и содержание таблицы воспроизводятся точно по источнику: ГАПК. Ф.146. Оп.1. Д.94. Л.596-596 об.

Национальная доктрина

Верхнеуральск	-	102	Черный Яр	42	1260
Уфа	236	1100			
Белебей	-	-			
Бирск	25	300			
Мензелинск	40	572			
Стерлитамак	260	300			
Тоцкий лагерь	432	20000			
ИТОГО	3639	48580		2419	18697

Тот факт, что отделить славян от немцев и им сочувствующих оказалось крайне трудно, значительно осложнял задачу «воспитания» и «перевоспитания» первых, но не отменял ее. В поисках и без того очевидной благосклонности военнопленных славян правящие круги России всякий раз подчеркивали свое «трепетное» отношение к представителям братских народов, продемонстрировать которое на деле призваны были особые льготы, «высочайшие» милости и послабления.

Льготы, милости, послабления: Список преференций, дарованных пленным славянам из числа подданных Германии и Австро-Венгрии, формировался постепенно, прирастающая все новыми и новыми пунктами.

Следствием войны на территории России и высланными «по обстоятельствам военного времени» в глубь страны военнопленными славянами, «обласканными» российской короной, 6 июня 1915 года собственно военнопленные также получили право на работу по специальности, организацию касс взаимопомощи, проживание на частных квартирах, вступление в брак и пр.

Однако предоставление пленным славянам особых льгот, закрепленных впоследствии в идентичных по своему содержанию «Правилах...» для пленных поляков, а также пленных чехов, словаков и «югославян»²⁷, явно не входило в планы тех, кто пользовался их трудом. Прибыв в апреле 1916 года в распоряжение администрации Полазненского завода князя С.С.Абамелек-Лазарева, 135 пленных славян, служивших в 28-м и 88-м пехотных полках и добровольно сложивших оружие, с удивлением обнаружили, что единственной их привилегией являлись более длительные, нежели у других пленных, прогулки. Ссылаясь на данное им обещание о содержании «на особом режиме» и прежде всего об их ос-

²⁷ ГАСО. Ф.45. Оп.1. Д.232. Л.30-31; Ф.72. Оп.1. Д.5641. Л.58-58 об.

вобождении от обязательных работ, пленные категорически отказались выходить на работу. Всякие меры воздействия на «строптивцев» ни к чему не привели, если не считать их участвовавших побегов. Промучившись до июля 1916 года, заводская контора сочла за благо избавиться от столь обременительного хозяйства, «обменяв» пленный славян на немцев и мадьяр²⁸. Прецедент получил огласку, а некоторых даже напугал. 1 августа 1916 года пермский уездный воинский начальник, явно переживая, обратился к Товариществу пароходства и транспортирования грузов «Ф. и Г. Братья Каменские и Н.Мешков» с настоятельной просьбой вернуть ему 11 сербов, отданных на тяжелые грузовые работы, обещая заменить их пленными неславянского происхождения²⁹.

Впрочем, инцидентов, подобных случившемуся на Полазненском заводе, было немного. Даже за отсутствием всезнающей статистики, можно утверждать, что предоставление пленным славянам льготных условий содержания, – точнее, даже и не предоставление, а только декларация³⁰, – вполне себя оправдала. По крайней мере, если не солидаризация, то иллюзия солидаризации пленный из числа южных и западных славян с чаяниями своих восточных «братьев» действительно обрела зримые контуры. Когда в декабре 1916 года 250 офицеров-славян, среди которых были опытные администраторы, медики, инженеры и пр., возбудили ходатайство о «разрешении им применить свои знания на пользу России», эта новость облетела всю страну в считанные дни³¹. В марте 1917 года все уральские – и, полагаю, не только уральские – газеты запечатлели другое проявление «всеславянского единения». «Группа военнопленных чехов в Нижнем Тагиле радостно и восторженно приветствует победу великого и светлого дела – освобождение русского народа от ига, которое до сих пор угнетало его. Мы, сыновья демократического народа, который существование свое и свободу защищал целыми веками от того врага, который был и Вашим врагом, с восторгом поздравляем Вас с великой победой братского славянского русского

---

²⁸ ГАПК. Ф.146. Оп.1. Д.95. Л.168, 168 об., 314, 328, 332.

²⁹ Там же. Л.342.

³⁰ В конце концов российскими властями было принято решение о том, что применение льгот и преимуществ касается лишь тех пленный «дружественных» национальностей, «которые выразили согласие вступить добровольцами в союзные армии» (Объявление от пермского губернского комиссара // Пермский вестник Временного правительства. 1917. 14 окт. С.1).

³¹ ГАПК. Ф.280. Оп.1. Д.2752. Л.292.

народа... Русский народ в этой роковой борьбе поднял знамя революции во имя свободы, во имя культуры человечества; доблестная армия его сражается против исконного врага всего славянства: против германизации, против германского милитаризма. Мы, которые освободились от позорящего нас австрийского ига, тоже подняли красное знамя революции против наших притеснителей. Тысячи наших борцов-революционеров сражаются теперь бок о бок с русскими солдатами-революционерами против общего нашего врага, поражение которого значит освобождение малых славянских народов, которые до сих пор страдают под деспотическим игом коварного врага. Да здравствует Свободная Россия! Да здравствует Свободная Славия!» – писали 125 пленный чехов вдогонку только что свершившейся в России Февральской революции³². На следующий день газета «Уральская жизнь» сообщила, что эти же пленные, помимо всего прочего, пожертвовали «в пользу семей павших борцов за свободу» 230 рублей, отправленных 18 марта 1917 года в Петроград на имя председателя Совета рабочих и солдатских депутатов Чхеидзе³³.

В симуляции нерушимого союза пленный славян с русским народом активно использовались возможности не только светских, но и духовных властей. Право обезоруженных военнослужащих противника на беспрепятственное удовлетворение их религиозных нужд было продекларировано еще в «Положении о военнопленных», утвержденном 7 октября 1914 года. Однако одинаково беспрепятственным для всех это удовлетворение так и не стало. Архивные документы свидетельствуют, что российские власти так и не «обзавелись» на сей счет четкой позицией, то препятствуя, то благоприятствуя пленным иностранцам в отправлении их религиозных нужд, как это, в частности, было с празднованием католического Рождества или иудейских Йом-Кипура и Суккота, а также погребением умерших и уходом за их могилами³⁴. Куда более последовательны и однозначны при этом были работодатели, вопреки всяким преподанным свыше установлениям не отпускавшие пленный в костел и даже штрафовавшие их «за отлучки для присутствия на богослужениях»³⁵.

---

³² Приветствие военнопленных чехов // *Уральская жизнь*. 1917. 25 марта. С.3.

³³ Пожертвование в пользу жертв революции // *Уральская жизнь*. 1917. 28 марта. С.3.

³⁴ ГАПК. Ф.146. Оп.1. Д.94. Л.132, 500, 507; Ф.280. Оп.1. Д.2752. Л.410 и др.

³⁵ ГАСО. Ф.643. Оп.1. Д.3995. Л.17 об.

В любом случае режим наибольшего благоприятствования в вопросах веры и культа создавался в первую очередь для военнопленных православного вероисповедания, среди которых большинство составляли опять-таки этнические славяне. 16 мая 1915 года по указу Его Императорского Величества Святейший Правительствующий Синод заслушал рапорт епископа Екатеринбургского и Ирбитского Серафима и принял решение о допущении к Св. Тайне военнопленных австрийцев, «заявляющих о принадлежности к православному исповеданию, но не могущих представить документальных данных в подтверждение этого заявления»³⁶.

Летом 1915 года Синод сделал распоряжение епархиальным властям об устройстве с военнопленными славянами религиозно-нравственных бесед. Первые такие беседы состоялись еще до выхода названного документа в Екатеринбурге по инициативе епархиального миссионера, протоиерея Александра Здравомыслова. Дважды посетив завод П.Ф.Давыдова, отец Александр выяснил, что работавшие здесь пленные русины, будучи униатами, предпочитали посещать не костел, а православный храм и «к слушанию бесед и поучений православного священника они весьма расположены»³⁷. Развернуть бурную деятельность на этом поприще батюшке помешало было отсутствие соответствующего разрешения со стороны светских властей, но оно заставило себя ждать совсем недолго. Объезжавший весной 1915 года свои «владения» Харьковский архиепископ Антоний заметил, что пленные галичане, молдаване, сербы, чехи и словаки православного и униатского исповедания весьма усердно посещают православную службу. «Между тем, исключая немногие епархии, эти достойные всякого участия наши единоверцы и одноплеменники остаются без всякой заботы со стороны церкви», – подытоживал приходящие с мест сигналы обер-прокурор Святейшего Синода³⁸. В связи с этим «...в ведомстве православного вероисповедания возникла мысль основать во всех губерниях под председательством преосвященных, с участием и представителей местной государственной власти, попечительные о пленных православного и греко-униатского исповедания братства, которые должны быть снабжены определенной инструкцией строго церковного и патриотического направления»³⁹.

---

³⁶ Отдел официальный // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1915. №26. С.351–352.

³⁷ ГАПК. Ф.65. Оп.3. Д.593. Л.262, 262 об.

³⁸ Там же. Л.265, 265 об.

³⁹ Там же.

С таким заманчивым предложением военное ведомство не согласиться просто не могло, и специальным епархиальным попечительным комитетам была оказана всемерная поддержка⁴⁰. Каковы были суммарные успехи их деятельности в деле приобщения пленных славян к «истинным ценностям», оценить невозможно. Известно, что в результате активной работы Екатеринбургского епархиального попечительного комитета о пленных 23 июня 1916 года, в день памяти Яна Гуса, 26 чехов (21 офицер и 5 денщиков из нижних чинов) приняли православное крещение⁴¹. Впоследствии в Златоустовском храме Екатеринбурга даже образовался чешский хор, который, правда, просуществовал совсем недолго, так как 24 июля 1916 года новокрещенные в полном составе отбыли в расположение чешских частей русской императорской армии.

Примеру соотечественников в августе 1916 года последовало еще несколько «добрых» чехов, в скором времени после крещения также отбывших в войска. Акции подобного свойства, несмотря на их единичный характер, воздействовали не только на «чужих», но и на «своих», побуждая и тех и других к интеграции на основе как этнической, так и конфессиональной близости. Поэтому совершенно очевидно, что плохо замаскированная посредством риторики о праве пленных на полноценную религиозную жизнь «эксплуатация» веры, десакрализуя пространства сакрального, преследовала вполне конкретные цели, лежавшие в плоскости жизни политической, а не духовной.

Вместе с тем было бы удивительно, если бы власти России, ведя войну в Европе, отказались от использования панславянских идей с их мощными корнями и крепким древом. В условиях, диктуемых мировым вооруженным конфликтом, приходилось цепляться за любую возможность деморализации противника и упрочения пророссийских настроений. А поскольку панславизм был лишь частным проявлением актуальной и для начала XX в. идеи национальных государств, правящие круги России по примеру работы с пленными славянского происхождения взяли в оборот еще и датчан из германского Шлезвига, итальянцев из Тренто, Триеста и других городов Габсбургской империи с итальянским населением, а также фран-

---

⁴⁰ *Распоряжение Святого Синода // Уральская жизнь. 1915. 13 окт. С.3.*

⁴¹ *Ходатайство пленных чехов // Зауральский край. 1916. 10 июня. С.3. – По данным, приводимым в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях», новоприосоединенных было 25, а не 26 человек (См.: Отдел неофициальный // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. №26. С.209–212).*

цузов из Эльзаса и Лотарингии⁴². Формально первые удостоились особо дружественного отношения со стороны российского правительства потому, что власти Дании неоднократно оказывали покровительство и помощь бежавшим из германского плена нижним чинам русской армии. Весьма немногочисленных датчан предполагалось сосредоточить в Павловском Посаде Московской губернии с предоставлением им «по возможности более мягкого режима содержания»⁴³.

Облегчить участь пленных итальянцев российские власти решили после того, как в мае 1915 года Италия вступила в войну на стороне Антанты. Сообщая об этом событии, российская пресса также указывала, что с началом итало-австрийской войны между Италией и Россией возобновились переговоры о передаче первой захваченных во время боев в Галиции пленных итальянской национальности и что «контингент численностью более 6 тыс. трентинцев уже готов к отправке в Италию»⁴⁴. В Екатеринбурге, к примеру, это известие привело в полный восторг 93 пленных итальянца, здесь пребывавших, но отнюдь не обрадовало находившихся здесь же немцев и мадьяр. Во избежание каких-либо эксцессов городские власти поспешили перевести итальянских «ирредентистов» на работы в городской карьер, обнаружив в них при этом прекрасных каменотесов⁴⁵. В середине 1915 года МИД уведомил Генеральный штаб о том, что, в соответствии с достигнутыми договоренностями, пленных из числа этнических итальянцев в ближайшее время действительно планируется освободить, предварительно сосредоточив их в Симбирске, Сызрани и Царицыне⁴⁶. В сентябре на места пришла новая телеграмма, предписывавшая «свозить» всех итальянцев в город Кирсанов под Тамбовом.

В той же телеграмме указывалось на необходимость отправки в подмосковную Каширу всех пленных французов, «облагодетельствовать» которых российское правительство посчитало себя обязанным, учитывая все те страдания, кои выпали на долю эльзасцев и лотарингцев за 44 года германского «ига»⁴⁷. 10 января 1916 года военные власти обратились на места с просьбой поторопиться с высылкой пленных французов

---

⁴² ГАПК. Ф.146. Оп.1. Д.94. Л.29, 55, 93, 164, 192.

⁴³ Там же. Л.93, 99, 99 об.

⁴⁴ *Участь итальянцев-пленных // Пермская земская неделя. 1915. 17 мая. С.18.*

⁴⁵ *Военнопленные итальянцы // Уральская жизнь. 1915. 20 мая. С.3.*

⁴⁶ ГАПК. Ф.146. Оп.1. Д.94. Л.29, 30.

⁴⁷ Там же. Л.55.

в Московский военный округ. Попутно сообщалось: «Государю Императору в день 12 декабря минувшего года благоугодно было высочайше соизволить освободить взятых в плен эльзасцев и отправить их из России во Францию»⁴⁸. Милость российской короны обещала быть беспрецедентной, учитывая, что пленным французам решено было вернуть деньги, которые в соответствии с заведенным порядком удерживались из их заработка в доход казны.

Однако благие намерения и щедрые обещания как военных, так и гражданских властей России превращались в реальность с невероятным трудом, поскольку даже сосредоточение пленных датчан, итальянцев и французов в специально отведенных лагерях оказалось проблемой. Искать их среди тысяч иностранцев означало искать иголку в стоге сена, а учитывая, что стог этот день ото дня все увеличивался и увеличивался, поиск становился делом непрерывным и неблагодарным. Кроме того, предприятия, получившие пленных в свое распоряжение, не спешили с ними расставаться. «[В] октябре нам назначено для работ, связанных с исполнением заказов [на] оборону, триста одиннадцать пленных эльзасцев и лотарингцев. [В] настоящее время [по] распоряжению Казанского военного округа полиция требует передачи их воинскому начальнику. Снятие столь значительного количества рабочих, когда в них ощущается острый недостаток, неминуемо отразится на работах на оборону. Ходатайствуем [об] оставлении их впредь до замены пленными других национальностей», – апеллировала к Генеральному штабу в январе 1917 года администрация Верх-Исетских горных и механических заводов⁴⁹.

Пока на местах составлялись, перепроверялись и дополнялись соответствующие списки, а также шел торг насчет замены снимаемых с работ пленными другими, военное ведомство распорядилось хотя бы перевести их – датчан, итальянцев и французов – «в особые помещения и обставить их получше»⁵⁰. В то же время, за отсутствием ясности в вопросе отправки на родину, правительство решило предложить датчанам, итальянцам и французам новую «милость», сделав распоряжение о более широком отпуске пленных названных национальностей, и в особенности специалистов, «как-то: химиков, чертежников и т.п., заводам и фабрикам, изготовляющим предметы для нужд армии»⁵¹.

---

⁴⁸ ГАСО. Ф.47. Оп.1. Д.1192. Л.73.

⁴⁹ Там же. Ф.111. Оп.1. Д.20. Л.65 об.

⁵⁰ ГАПК. Ф.146. Оп.1. Д.94. Л.164, 192.

⁵¹ Там же. Л.112; ГАСО. Ф.72. Оп.1. Д.5641. Л.73.

Несмотря на то, что переписывания и перемещения датчан, итальянцев и французов время от времени возобновлялись, большинство из них в конечном итоге так и осталось ни с чем, на общих основаниях с другими пленными заготавливая дрова или добывая руду где-нибудь в далекой провинции. Осенью 1916 года 40 эльзасцев, отправленных на работы в Верхнетагильское лесничество Верх-Исетских горных заводов на Урале, подали жалобу на имя французского военного агента в Петрограде. Рассмотрение этого документа в полной мере показало, что российские власти быстро забывали о взятых на себя обязательствах. Один из «жалобщиков», уроженец Страсбурга Марсель Шварц отмечал: «Хотя я и германский подданный, но чувствую себя французом и буду ходатайствовать об отправке меня во Францию, на позиции. Я и многие мои товарищи заявили об этом еще в Киеве, где нам сказали, что нас отправят во Францию, когда путь туда будет свободен. Затем нам сказали, что мы будем работать в заводе, изготавливающем военные припасы, что для нас было бы более подходяще, а на лесных работах мы оказались совершенно неожиданно для себя, и все это, вместе взятое, нервирует нас»⁵². Данное главным лесничим Верх-Исетского округа Г.Ф.Федзюшко объяснение по делу также свидетельствовало, что положение пленнх французх на самом деле ничем не отличалось от положения других пленнх и считаться с их «дружественной» национальностью никто не собирался: «Порядок продовольствования и режим для пленнх эльзасцев тот же, что существовал и ранее для других пленнх. И порядок этот, надо полагать, вполне удовлетворителен, так как ни нашей администрации, ни объезжавшему горные округа в феврале и марте 1916 года с целью обследования положения военнопленнх вице-губернатору г-ну Максиму жалоб не поступало... Порядок продовольствования и режим ни в коем случае не мог быть изменен, так как прежде всего запротестовали бы пленные, прибывшие на работы ранее эльзасцев, и старые пленные обратили бы на это обстоятельство внимание вновь прибывших. Вновь прибывшие эльзасцы нами не изолированы, а размещены группами среди ранее прибывших [пленнх]... Вообще порядок расценки [за труд], режим и продовольствие установились практикой и поддерживаются как наиболее целесообразные и не вызывающие протеста. Кроме того, военное ведомство было осведомлено о том, что нам требуются военнопленные на рубку дров и, откомандировавшая эту партию эльзасцев, по-видимому, или не имело более легких

---

⁵² ГАСО. Ф.55. Оп.2. Д.1128. Л.13 об.

работ, или желание эльзасцев получить легкую работу в лучших климатических условиях не признало заслуживающим уважения»⁵³.

Требования пленных эльзасцев отправить их во Францию, дабы они могли как можно скорее пополнить ряды ее защитников, чиновники военного ведомства также оставили без удовлетворения, прикрывшись мнением французской комиссии, посетившей Урал в декабре 1916 года. Эта комиссия, сообщал екатеринбургский уездный воинский начальник упомянутому выше М.Шварцу, якобы рекомендовала эльзасцам «остаться на работах в России, а не переводиться на позиции во Франции, дабы их семейства в Эльзасе не подверглись репрессиям со стороны германского правительства»⁵⁴. Очевидно, что в качестве дешевой рабочей силы пленные французского происхождения, а равно датского и итальянского представляли значительно бóльшую ценность, чем в каком-либо другом.

Со столь странным пониманием дружественности столкнулись и румынские пленные, записанные в «друзья» России после того, как Румыния вступила в войну на стороне Антанты. Никаких признаков изменения своего положения пленные румыны практически не ощутили, поскольку «скорейшего разделения пленных румын от пленных немцев и австрийцев» и их раздельного назначения на работы, «в крайнем случае, совместно с славянами и итальянцами», так и не произошло, как и ранее в случае с пленными других национальностей⁵⁵. Специальные уполномоченные румынского правительства, командированные на места для набора добровольцев из военнопленных румын, вообще столкнулись с «постоянными затруднениями со стороны населения, а также часто отрицательным отношением гражданских властей и индифферентным отношением военно-административных»⁵⁶. Работодатели же и вовсе умышленно чинили препятствия набору и отправке румынских – и не только румынских⁵⁷ – военнопленных в войска, приводя тем самым в бешенство военных чиновников.

---

⁵³ Там же. Л.15–16.

⁵⁴ Там же. Л.20, 23, 23 об.

⁵⁵ *Объявление от пермского губернского комиссара // Пермский вестник Временного правительства. 1917. 10 окт. С.1.*

⁵⁶ *Набор военнопленных // Зауральский край. 1917. 13 окт. С.3.*

⁵⁷ *В августе 1917 года при обследовании положения пленных в Богословском горном округе было установлено, что пленные чехи, считавшиеся хорошими работниками, не отпускались управлением округа в войска умышленно (См. об этом: ГАСО. Ф.24. Оп.20.*

Удивительно, но в бешенство последних приводило и то, что представители воевавших вместе с Россией держав демонстрировали столь же «несимметричное» отношение к пленным разных наций и конфессий. «Стало известно, что прибывшие в Россию с рождественскими подарками представители шведского Красного Креста раздавали подарки, руководствуясь не степенью нужды военнопленных, а национальной принадлежностью последних. Так, не давали подарки сербам. Если такая практика избирательности будет впредь, эти делегаты вообще будут лишены права раздачи подарков», – указывалось в одной из телеграмм Генерального штаба начала 1916 года⁵⁸.

Непоследовательность военной администрации, а также рассогласованность в действиях различных ведомств, структур и организаций отнюдь не способствовали превращению пленных в искренних друзей России – скорее, наоборот. Пленные роптали и требовали обещанных им льгот и послаблений. Так ничего и не добившись, итальянцы, трудившиеся на сооружении железной дороги между Казанью и Екатеринбургом, в июне 1917 года организованно забастовали, что, однако, также ни к чему не привело⁵⁹. При этом по прошествии какого-то времени к ним присоединились работавшие здесь же немцы, продемонстрировав тем самым, что общность чаяний тех и других разрушает границы отчуждения.

Можно сказать, что «этнизация» и сопровождавшая ее «конфессионализация» плена так и не стали, да и не могли стать, необратимыми процессами. В некоторой степени это подтверждает тот факт, что с приходом к власти большевиков стычки пленных на почве национальной и религиозной розни быстро сменились конфликтами совсем другой «этиологии». К примеру, 4 марта 1918 года в екатеринбургском «Кафе-де-Пари» военнопленный австрийский солдат сорвал с находившегося тут же австрийского офицера погоны, прокомментировав свой жест следующим образом: «Очевидно, он (офицер) считает себя одним из представителей тех белогвардейцев, которые громят русскую революцию, – это его дело, а кичиться этим перед сочувствующими русским гражданам я не позволю»⁶⁰. Другим примером «классовой вражды» в среде военнопленных можно считать

Д.2825. Л.71).

⁵⁸ ГАПК. Ф.146. Оп.1. Д.94. Л.166.

⁵⁹ Забастовка и побег пленных // Зауральский край. 1917. 7 июня. С.3.

⁶⁰ Среди военнопленных // Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 7 марта (22 февр.). С.3.

происшествие, случившееся в начале 1918 года в городе Ирбите, когда рядовой австро-венгерской армии Лаюш Гросс среди бела дня явился в гостиницу «Сибирское подворье» и, не стесняясь свидетелей, «экспроприровал» вещи проживавших здесь офицеров⁶¹. Новому расколу в рядах пленных иностранцев в немалой степени способствовало обязательное постановление, подписанное в марте 1918 года главноуполномоченным отдела по делам военнопленных Уральской области С.Симашко и требовавшее поставить охрану ко всем офицерским баракам и исключить любые передвижения офицеров без конвоя⁶².

*Красноармеец Тегляш Петер,
боец чешского интернационального
отряда 29 стрелковой дивизии
3-й армии. Дата неизвестна*

На этом фоне «интернационализация» плена, предложенная большевиками, выглядела вполне логично и очень скоро была возведена в абсолют. И надо признать, что, переориентировав пленных иностранцев на иные критерии солидаризации, нежели только этничность и вера, большевистские лидеры не ошиблись, обретя среди них немало союзников в борьбе с внутренней «контрреволюцией».

Что касается антибольшевистских правительств, то они практиковали в отношении пленных все тот же этнодифференцирующий подход, выразившийся в целом ряде весьма недвусмысленных мероприятий. Сообразно с принятым 29 июля 1918 года Постановлением Временного Сибирского правительства военно-

пленные мадьяры и немцы подлежали обязательной изоляции в особых лагерях, разворачиваемых в городах. Прочие пленные и, прежде всего, пленные славянского происхождения размещались по деревням и ста-

⁶¹ ГАСО. Ф.687. Оп.1. Д.2008. Л.1; Д.2009. Л.1.

⁶² Обязательное постановление главноуполномоченного областного отдела военнопленных // Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 7 марта (22 февр.). С.1.

ЭТНИЧНОСТЬ И ВЕРА В ПРАКТИКАХ РОССИЙСКОГО ПЛЕНА

ницам, что значительно облегчало их жизнь хотя бы потому, что прокормиться в сельской местности было значительно проще. Помимо того, в конце сентября 1918 года была воспрещена посылка всех пленных славян на какие бы то ни было принудительные работы⁶³ ...

Демонстрация белочехов в г. Шадринске. 1 мая 1919 г.

Пристрастное отношение к пленным славянам, а тем паче чехам и словакам, привело к хорошо известным последствиям, весьма печальным для действовавших на Востоке страны антибольшевистских сил. А поскольку их политика в отношении пленных иностранцев была прямым продолжением курса, осуществлявшегося царским и Временным правительствами в 1914–1917 годах, то едва ли будет преувеличением сказать, что его выбор был весьма опрометчив и в чем-то, возможно, стоил России империи. Реалии оказались таковы, что осуществление через те или иные практики идеи манипулирования национальными и религиозными чувствами пленных иностранцев давало, помимо искомым результатов, еще и массу побочных эффектов, меняя тот сценарий развития событий, который виделся его авторам единственно возможным. Политика и экономика, боевые генералы и гражданские чиновники, центр и периферия влияли на рисунок плена сообразно своим интересам и целям, конвенциональность которых отнюдь не являлась данностью. В связи с этим этноконфессиональные асимметрии в практиках российского плена 1914–1919 годов вполне позволительно рассматривать как наглядный пример несостоятельности расхожего мнения о том, что на войне все средства хороши.

---

⁶³ ГАСО. Ф.434. Оп.1. Д.246. Л.209, 209 об., 532.

Следует иметь в виду, что если по своим истокам наука является греческой, а далее – европейской, благодаря Галилею, Декарту, Ньютону и др., то не в качестве греческой и европейской, а в качестве общечеловеческой, наука способствует объединению человеческого рода; она выражает определенный вид правового единства, который определяет прочие характеристики цивилизации.

Только живая культура, одновременно и сохраняющая связь с собственными истоками и обладающая собственным потенциалом в области искусства, литературы, философии, духовности,

способна выдержать столкновение с другими культурами и не просто выдержать, но и придать смысл такому столкновению. Поскольку такая встреча культур означает столкновение различных творческих импульсов, стремлений, она сама по себе является творческой.

Поль Рикер

Филипп Тараторкин, Андрей Юрганов

РУССКАЯ ПАРАДИГМА ВЕНГЕРСКОГО ПРОФЕССОРА¹

О КНИГЕ ДЮЛЫ СВАКА
«РУССКАЯ ПАРАДИГМА»

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

УДК
930.1

The article analyzes the monograph 'The Russian Paradigm' by Professor Dula Svak. The authors examine the originality of his research and the peculiarities of the Russian studies undertaken by Dula Svak within the broad theoretical and methodological framework of the search for formulae of Russian history in contemporary foreign historiography of the Russian history.

Ключевые слова: историография; россиеведение; история России; Венгрия; парадигма.

Key words: historiography; Russian studies; history of Russia; Hungary; paradigm.

E-mail: taratorkin@mail.ru; Iurganov@yandex.ru

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского гранта «Историческая наука и партийно-государственная идеология в эпоху сталинизма. 1929-1953 гг.», ФЦП «Научные и педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.».

Россиеведение всегда ищет формулу русской истории. Даже не создавая, что ищет, даже независимо от того, находит или нет. Формулу краткую или развернутую, обоснованную или декларативную, традиционную или революционную. Профессор Будапештского университета Дюла Свака этот неизбежный и разный по степени продуктивности поиск возводит на уровень философских универсалий. Сборник статей профессора Дюлы Свака, посвященный разным проблемам и разным периодам истории России, называется «Русская парадигма»². Не «формула» даже, а целая парадигма. Логично было бы предположить, что такой терминологический максимализм может обернуться несоответствием заголовка и содержания. В случае Д.Свака несоответствия не возникает: перевернув последнюю страницу его небольшой по объему, но весьма разнообразной по охвату тем и сюжетов книги, обнаруживаешь, что парадигма есть, она найдена, схвачена и описана в ключевых ее моментах.

Сборник Д.Свака объединяет несколько статей авторитетного венгерского россиеведа, написанных в десятилетие 2000-х. Масштаб постановки автором занимающих его проблем относится к числу методологических установок профессора Свака: «... несмотря на распространение новой социальной истории, микроистории или психоистории, я не думаю, что в исторической науке уже не актуальны крупные вопросы и попытки дать на них соответствующие макроответы» (С.5).

Примечательно, что весь сборник буквально пронизан тонкой и интересной профессиональной саморефлексией историка. Еще более интересно, что эта саморефлексия не сводится к описанию Д.Сваком его собственных методов и подходов. Историк раскрывает перед читателем не только свой собственный профессиональный «символ веры», но и формулирует общие черты венгерского россиеведения, одним из признанных классиков которого он на сегодняшний день является. Главным из постулируемых Д.Сваком принципов венгерского россиеведения оказывается диалог. С одной стороны, это не ново. С другой стороны, Д.Свак вносит существенные уточнения в понимание природы и значения диалога в историографии в целом. Венгерская русистика «еще ищет свое место в международной научной жизни... ее судьба связана с судьбой глобальной науки: не существует «национальной» русистики, есть только мировая» (С.8). И переходя от общего к частному, Д.Свак тонко диагностирует, в чем состоит взаимосвязь русистики с глобальной наукой: «Мое видение российской истории не является имперским и не искажено "национальным углом зрения". Я не пользуюсь традиционными приемами русской

² Свак Д. *Русская парадигма: Русофобские заметки русофила*. СПб.: Алетей, 2010. – 176 с. Серия «Русский Мир».

исторической науки, хотя и веду с ней плодотворный дискурс» (С.7–8). Иными словами, как говорил Михаил Гефтер, «врозь и вместе».

«Нерусский русофил» Дюла Свак (так он сам себя определяет) ведет «плодотворный дискурс»-диалог с российской наукой, оберегая свою – и венгерского россиеведения – научную самостоятельность, но при этом постоянно попадает в силовое поле проблемных и тематических притяжений, во многом сформированных именно российской исторической наукой – неизбежной «метрополией» для зарубежного россиеведения. Связь между «отечественным» и «зарубежным» в историографии оказывается крепче и сложнее, чем об этом сказано автором в предисловии. Пример тому – историографический этюд «Руслан Григорьевич и Иван Васильевич» (С.49–62), в котором автор не просто отдает долг благодарной памяти своему учителю Р.Г.Скрынникову. Д.Свака интересует более высокий уровень профессионального самоопределения: «К сожалению, в исторических исследованиях уделяется мало внимания личности историка, выбору изучаемых им тем, мотивации этого выбора и сложной симбиотической связи между историком и его «героем» (С.49).

Продолжим мысль Д.Свака и предположим, что сложная симбиотическая связь существует между россиеведением в России и россиеведением за ее пределами. Речь идет не о национальных границах, которые, как и дисциплинарные перегородки, становятся все более проницаемыми, что соответствует общему вектору и логике развития мировой гуманитаристики. Дело в другом: индивидуализирующие черты, элементы и признаки непохожести между национальными историографиями определяют не только границы или степень вовлеченности в космополитическое научное пространство. Как между историком и его «героем» Д.Свак улавливает необходимый и двусторонний межличностный резонанс, так и между историком и той наукой, которая для него является «своей», существует историографический резонанс, определяемый жизненным миром историка. «Что бы мы ни делали, аттитюд (отношение. – *Ф.Т., А.Ю.*) историка определяется его личностью, воспитанием, образованием», – утверждает Д.Свак (С.49). Тем более, добавим мы, образ национальной историографии определяется жизненным миром создающих эту историографию историков. А у той историографии, которая на ту же тему, но не «своя», имеет право быть иной жизненный мир.

Д.Свак называет Р.Г.Скрынникова «историком с хорошим вкусом». Это означает, что его произведения нельзя использовать в конъюнктурных целях, поскольку «он... предоставлял слово фактам и найденным им источникам, естественным врагам всяких манипуляций» (С.62). Если Д.Свак обозначает признаки хорошего вкуса в источниковедении и исто-

рических исследованиях, то что же будет признаком хорошего вкуса в историографии?

Думается, Д.Свак демонстрирует такой «хороший вкус» тем, что отказывается рассматривать искомую «русскую парадигму» вне контекста. Он максимально вписывает собственное видение «русской парадигмы» в историографический и терминологический контекст. В этом отношении особенно показательны эссе, посвященное истории бытования ключевого термина медиевистики в советской исторической науке. Заметим, название статьи «"Русский феодализм" в советскую эпоху» заставляет вспомнить классическую терминологическую статью «Судьбы «археографии»³ С.Н.Валка – классика той петербургской (ленинградской) школы, в рамках которой Д.Свака можно считать «внуком» Валка и «правнуком» Лаппо-Данилевского. Выяснить терминологический «профиль» понятия «русский феодализм» Д.Сваку необходимо, чтобы наиболее корректно описывать то, что ему представляется ядром «русской парадигмы», – проблему заимствования и своеобразия.

Д.Свак считает живой историографический контекст непереносимым условием для плодотворного научного исследования. Если потребность науки в саморефлексии, в том числе терминологической, затухает, то даже высокий уровень фактографии не уберезет науку от застоя. Так, Д.Свак называет «неблагоприятным» в советской исторической науке тот период, начало которого он относит к середине 1970-х годов. Тогда «снова одержала верх фактография, что не благоприятствовало обновлению исторического подхода» (С.38). Как видим, Д.Свак не отождествляет накопление фактов (известно, что накопление и научная обработка фактов может выполняться на самом высоком уровне источниковедческого мастерства) с развитием науки. Наука начинается где-то «после» фактографии. Неспособность к переоценке термина «феодализм» становится, по Д.Сваку, причиной печальной нечувствительности советской исторической науки к ключевой для «русской парадигмы» проблеме своеобразия. Широкое и привычное понятие «феодализм» «оказалось непригодным для выявления специфики развития России, поскольку оно подводило к тезису о тождественности западного и русского феодализма» (С.38).

Д.Свак не дает назывного определения «русской парадигмы». Этот термин растворен в тексте, он ни разу не введен автором нормативно, но во всех материалах сборника «русская парадигма» по версии Д.Свака представлена то одной, то другой гранью. Ближе всего к попытке терминологической фиксации «русской парадигмы» Д.Свак подходит при об-

³ Валк С.Н. Судьбы «археографии» // *Археографический ежегодник за 1961 год. М.: Наука, 1962. С.453–464.*

суждении сакраментального для россиеведения вопроса о своеобразии исторического развития России. Д.Свак отмечает, что «институты, идеологии, техника власти "импортируются" относительно легко, но их функционирование и сфера их влияния зависят от особенностей принимающей среды; они не меняют направление исторического развития, зато значительно увеличивают количество специфических черт. Степень модификации, искажения заимствованных явлений в ходе заимствования зависит от предыдущего развития принимающей страны, от сложившихся в ней исторических условий. Для русского исторического развития определяющим является именно то, что ни сильное восточное, ни сильное западное влияние в области надстройки не смогли изменить структуру последней: решающей была преемственность различных форм самодержавной системы» (С.24).

Вопросы о природе царской власти и об особенностях государства на Руси занимают Д.Свака не меньше, чем терминологические тонкости. Выяснение смысловых оттенков «русского феодализма» для того и необходимо, чтобы точнее разобраться в нюансах «русской парадигмы» в той области, где она наиболее русская.

Д.Свак упоминает, что «острый взгляд иноземцев заметил... что для русских... власть подобна власти Бога и исходит от Него, как и сам царь сравним с Богом» (С.88). Д.Свак прослеживает, по какой причудливой траектории движется восприятие и рассуждение о самодержавной власти в советской исторической науке. Следуя за Лениным, советские историки сначала не говорят о неограниченной власти в России в XVI веке, потому что это противоречило бы ленинской формуле, а затем, «отказавшись после смены общественного строя от... схематической и механической классификации, историческая наука, преодолевшая постмодерн, обратилась к старому доброму термину "самодержавие", распространив его на всю эпоху, в результате чего он оказался малопригодным для регистрации различий между отдельными периодами и монархами» (С.89). Таким образом, описав некий историографический круг, «мы возвратились на уровень воспоминаний путешественников, побывавших в Московии».

Между тем русских царей не обошла стороной проблема легитимности. Д.Свак на страницах сборника неоднократно описывает такие познавательные ситуации, в которых исследователю совершенно необходимо перенастроить свое сознание, чтобы уловить предпосылки возникновения и развития целого ряда важнейших для русского средневековья коллизий – правовых, семиотических, бытовых. «Современному человеку практически невозможно представить, какой существовал аппарат и какие огромные усилия он прилагал для выявления и расследования на первый взгляд безобидных слухов, трактирной похвальбы и случайных огово-

рок... Только в России подданным нельзя было беспричинно и бездумно помянуть не только Бога, но и царя. Именно из-за сакрального характера царской власти. И цари, которым недоставало легитимности, – а таковыми, несомненно, были и Романовы, – старались крайне строгими наказаниями восполнить недостаток или отсутствие законности своей власти, укреплением видимости оказать воздействие на действительность. Это было необходимо в эпоху, когда первые самозванцы сильно пошатнули легитимность официальных царей» (С.95).

В связи с проблемой легитимности царской власти Д.Свак возвращается к характеристике советской исторической науки, которая, по его мнению, в этом вопросе оказалась в своеобразной ловушке, поскольку «советская историческая наука не могла справиться с проблемой роли личности в истории (либо замалчивая, либо восхваляя деятельность исторических личностей), да и вообще изучение т.н. «надстроечных» явлений всегда отходило в ней на задний план по сравнению с проблемами «базиса» (С.98).

Более того, по мнению Д.Свака, запоздалое подключение русских историков к семиотическому направлению в изучении проблематики характера, символов и функционирования власти привело к тому, что, присоединившись к этому направлению исследований, русские историки проявили «характерное для неопитов чрезмерное усердие, не сумели устранить его односторонность» (С.98).

Это интересная историографическая оценка, сделанная не очень подробно и вскользь, но выводящая на уровень высокого анализа. Получается, что Д.Свак исследует проблему заимствования и подражательности на двух уровнях «русской парадигмы» – историческом и историографическом. Неизбежная подражательность и вторичность зарубежного российского исследования, наращивающего исследовательский потенциал на начальных этапах своего формирования, уступает место подражательности и «догоняющему развитию» российской историографии, когда зарубежная наука уходит далеко вперед в обосновании и использовании новых методов исторического анализа и синтеза.

Д.Свак тяготеет к осторожному оптимизму при оценке познавательных возможностей новых направлений в научном исследовании прошлого. Он отмечает «склонность к фрагментации, вообще присущую новым направлениям в исторической науке, ведущим диалог или дискуссию с постмодерном» (С.98). По этой причине наиболее оптимистические ожидания Д.Свака связаны с более традиционным методологическим полем в исторической науке. Складывается впечатление, что от новизны в методологии он не ожидает существенных и значимых научных результатов в принципе. Например, Д.Свак усматривает проблему в том, что «в резуль-

тате господства в современной исторической науке феноменологической методологии историки, занимающиеся проблемой царской власти, ограничиваются описанием, реконструкцией (а то и конструированием) или ее атрибутами, знаковой системы, терминологии и идеологии, или сложившихся о ней представлений... Повсеместное применение этого метода приводит к тому, что и в новейшей исторической литературе становятся буквально общими местами те стереотипы, которые большей частью были созданы еще путешественниками, посетившими Московию в XV–XVII вв. Из этого можно сделать отнюдь не лестный для современной исторической науки вывод, что историки не способны добавить ничего существенного к впечатлениям, полученным иностранными путешественниками в России раннего Нового времени, и из поколения в поколение скрупулезно уточняют источники сведений этих путешественников и обстоятельства, при которых эти сведения были добыты» (С.99).

Скептицизм Д.Свака в отношении познавательных возможностей исторической феноменологии едва ли подтверждается результатами исследований, им же используемых в работе. Признавая, что «влияние англоязычной литературы может быть показано и в венгерской исторической литературе» (С.97–98), при анализе наиболее значительных смысловых аспектов вопроса о природе и характере царской власти, а также вопроса о феномене самозванчества, Д.Свак обращается в основном к трудам российских историков, а среди них – именно к тем, которым не чужды семиотический и отчасти феноменологический подход к изучению истории. В статье о самозванцах и самозванчестве (С.97–121) Д.Свак ни разу не цитирует, например, С.Ф.Платонова, но при этом многократно цитирует и разнообразно опирается на методологически многослойные и для своего времени абсолютно новаторские работы Б.А.Успенского и А.М.Панченко. Это тем более интересно, если учесть, что данная статья сборника имеет подзаголовок: «методологические замечания».

Примечательно и то, что, с одной стороны, Д.Свак полагает: феноменологический подход отбрасывает научные исследования русской истории на те исходные позиции и базовые впечатления, которые были определены «записками иностранцев». С другой стороны, он же утверждает в одной из наиболее остросюжетных статей сборника («К вопросу о генезисе русофобии»), что «признаки русского народа, сформулированные в период складывания и накопления знаний западных людей о России, оставались характерными и в последующие века и до сих пор практически определяют наши оценки, касающиеся русских. Иначе говоря, корни русофобии обнаруживаются в эпоху раннего Нового времени» (С.127–128). Это означает, что не так страшно исторической науке «откатиться» на несколько, может быть, архаичную познавательную диспозицию, если

именно там научный анализ может обнаружить точки наблюдения и познавательную оптику, которым было суждено сформировать константы восприятия России и русских людьми Запада на протяжении нескольких веков. Если «ландшафт» этой ретроспективной диспозиции лучше всего изучать феноменологическими методами, то это не плохо, а скорее хорошо с точки зрения научной результативности. Так, отмечаемые Д.Сваком недостатки феноменологии могут обернуться ее достоинствами.

Значительный научный интерес представляет обзор современных венгерско-российских отношений, в истолковании которых Д.Свак не менее историографичен, чем в рассуждениях об истории или терминах исторической науки. В страноведческом (даже геополитическом) разделе сборника «Русская парадигма» Д.Свак применяет к проблематике венгерско-российского политического диалога тот же самый контекстный подход, с помощью которого он анализирует историографические феномены. Так, Д.Свак вновь выводит на первый план проблему восприятия – «своего» «чужим» и «чужого» «своим». С этой точки зрения Д.Свак предполагает, что на современном этапе «Венгрия является для русских неизвестной знакомой, о которой они уже много знают, но которую еще не видели столь открытой и успешной... Суть внушаемой нами идеи в том, что венгерская культура – это культура мирового качества, многоцветная, интересная и своеобразная, причем не только в общем, но и глядя на нее глазами русских» (С.145–146). Интересен выбор Д.Сваком слова «внушаемой»: оно актуализирует суггестивный компонент научного гуманитарного знания, исследование которого еще только начинается на материале историографических источников⁴. Что же «внушает» профессор Свак? По сути, он призывает воспринимать культуру друг друга (венгров и русских) не «в общем», а глядя на нее глазами друг друга, т.е. изнутри жизненных миров каждого из воспринимающих субъектов.

Геополитическое своеобразие Венгрии Д.Свак истолковывает также с позиций восприятия. Географический фактор в истории Венгрии, как и в истории России, придает их положению в мире, их внешней политике и самоопределению в Европе характер некоторой обреченности: Россия обречена быть империей, а Венгрия на протяжении всей истории находится в зоне столкновения интересов великих держав. Это научило ее лавировать между империями, но «пожизненная учеба иногда бывает натужной, и вложенный в нее труд не всегда приносит желаемый результат» (С.152). Вывод Д.Свак делает на почти афористическом уровне:

---

⁴ См. об этом: Юрганов А.Л. Суггестивное построение в советской исторической науке // Источниковедение культуры: альманах. Вып.2 / Отв. ред., сост. А.Л.Юрганов. М.: РГГУ, 2010. С.448–461.

«вообще трудно одновременно заслужить симпатию всех сторон: подобное стремление всегда порождает возражения и недовольство».

Одним из элементов венгерско-российских отношений можно считать венгерскую русистику. Не в узко историографической части сборника, а в его «геополитической» части размещает Д.Свак статью «Венгерская русистика в десятилетие смены режима» (С.157–171). «Нехотя вспомнишь и время былое», – скажем мы, имея в виду, что именно возможности подробно изучить социально-политическое измерение историографического процесса почти полностью были лишены советские историки, пытавшиеся осмыслить опыт своих предшественников.

Во многом остающиеся классическими пятитомные «Очерки истории исторической науки в СССР» изобилуют примерами того, как идеи и концепции историков то неорганично притягиваются к идеологическому базису, то (что случается столь же часто) повисают в воздухе, потому что нельзя говорить о том, к чему они могли бы и должны были бы крепиться⁵. Поскольку всякому вдумчивому читателю было понятно, что прикрепляться к постановлениям партии и правительства или даже к трудам классиков марксизма-ленинизма теории, концепции и модели научного познания прошлого могли только при помощи каких-то креплений, надо было изучать конструкцию этих креплений.

Д.Свак сам об этом говорит, но только по другому поводу, когда рассуждает о «симбиотической связи» между историком и его «героем». Такая же симбиотическая связь непременно возникает и между историком и его эпохой. И между мировоззрением историка и внешней по отношению к нему политической доктриной. И между научной школой историка и средой бытования его идей, которая может быть антагонистической по отношению к научной школе. Только где то пространство, на котором происходят все эти симбиотические или антагонистические взаимодействия? Это пространство – жизненный мир историков⁶.

---

⁵ В новейших работах отмечены особенности историографических исследований советского периода. «Лимитирующее влияние внешних социальных и профессиональных факторов... заключалось в определении состава привлекавшейся... источниковой базы, невозможности всесторонней оценки влияния организационных структур коммунистической партии и советского государства на развитие исторической науки» (Ланской Г.Н. *Отечественная историография экономической истории России начала XX века: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2011. С.4*). Без учета не прямых внешних влияний (трансформации языка, ломки мировоззрения, фигур умолчания и т.п.) понимание историографического процесса будет ограниченным.

⁶ Попытка феноменологически рассмотреть категорию жизненного мира в историографическом процессе предпринята в недавно опубликованной монографии одного из авто-

Д.Свак показывает, на каком перекрестке методологических влияний оказалась венгерская русистика. Отгородиться от этих влияний, как и укрыться от вихрей постмодернизма или ветров антикоммунизма, венгерская русистика не могла. По версии Д.Свака, самоопределение венгерской русистики в ситуации методологического плюрализма, помноженного на российскую «архивную революцию», открывшую уникальные возможности для становления новых предметных областей русистике в Венгрии, пошло по наиболее продуктивному «соломонову» пути. «Венгерская историография никогда не была так пронизана политикой и идеологией, как советская, и относительно быстро справилась и с другой детской болезнью восточноевропейской науки, с национализмом, поэтому венгерским ученым не пришлось менять свои оценки на противоположные. Иначе говоря, в венгерской исторической науке "смена режима" в области исторического подхода произошла задолго до смены политического режима» (С.158). Объяснение такого положения вещей Д.Свак находит в преемственности, «которую не смог отеснить на второй план даже называемый марксистским исторический подход». Такая постановка вопроса Д.Сваком представляется исключительно плодотворной, потому что предполагает признание существования в науке нескольких «планов» – того, на который что-то отесняется (или не отесняется), и того, который играет роль идеологической авансены. В случае советских историков эпохи сталинизма попадание на авансцену исторической науки автоматически означало существенное перекодирование языка и, в конечном итоге, трансформацию жизненного мира. В случае венгерских историков та самая геополитическая привычка к лавированию, о которой подробно говорил Д.Свак, могла сработать в качестве инстинкта самосохранения: лавировали в геополитике – славировали и здесь, сохранив преемственность в историографическом процессе в большей мере, чем это сумели сделать многие другие из восточноевропейских соседей.

В предисловии к «Русской парадигме» Дюла Свак заявляет: «Я люблю Россию так, как научил Чаадаева Петр I, не "с закрытыми глазами, со склоненной головой, с запертыми устами", потому что "время слепых влюбленностей прошло"» (С.9). Преодолевающая «слепую влюбленность» зрячая и зоркая любовь историка предполагает полноту профессиональной саморефлексии. Векторы и смыслы профессиональной саморефлексии Дюлы Свака складываются в сложный и привлекательный, противоречивый и многообещающий историографический образ его «русской парадигмы».

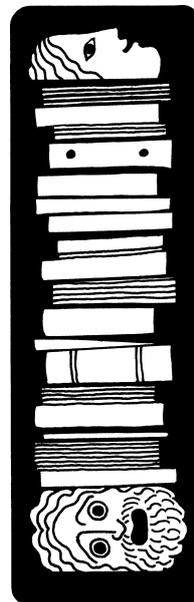
ров настоящей рецензии. См.: Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011.

Образ отдельной нити изменяется, если изменяется напряжение и построение целого сплетения. Однако это сплетение есть не что иное, как связь отдельных нитей; и внутри этого целого каждая нить образует одновременно некоторое единство само по себе; она имеет в нем особое положение и образ.

Таков порядок этого непрекращающегося и не имеющего начала переплетения человеческих взаимосвязей, такова история человеческих взаимоотношений, определяющих сущность и облик отдельного человека. Вид и образ

одинокое бытие человека,
то, как он воспринимает свой
«внутренний мир», несет на
себе определенный
отпечаток истории его
отношений с другими
людьми...

Норберт Элиас

Мария Ферретти

ЯРОСЛАВСКИЙ РАБОЧИЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЛЮЛИН

ОПЫТ МИКРОИСТОРИЧЕСКОГО
ПОДХОДА К ГЕНЕЗИСУ ИСТОРИИ
СТАЛИНИЗМА¹

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
929

On the basis of broad archive materials the author examines one of the Stalinism history particular episodes – the conflict of an Yaroslavl enterprise workers and the top party chiefs of the city. The author focuses his attention on the figure of V.I.Lyulin, the popular leader who dared to challenge the party chiefs. The workers rallied and supported him. The conflict provides the vivid example of the workers' confrontation with the authorities on the eve of "the great break" and the Stalinist repressions of the 1930s. The study is carried on along the lines of so widely known approach as micro-history. The essence of this scientific method consists in demonstration how an epoch's trends, its universal, systemic principles are reflected in minor, particular collisions. The approach enables the author to come to a hypothesis that Stalinism was not so much the expression of the barbarian Asiatic mode of governance over the masses as one of manifestations of the all-European crisis which started in the 20th century, in the epoch when the Modern society entered the period of decisive trials.

Ключевые слова: сталинизм; конфликт рабочих и власти; вызов партии; эпоха репрессий.

The key words: Stalinism; the conflict of workers and the top party chiefs; the confrontation with party; the era of repressions.

E-mail: mariaferretti@libero.it

---

¹ По материалам Международного colloквиума «Человек и личность как предмет исторического исследования: (Россия конец XIX – XX в.)». Санкт-Петербург, июнь 2010. Одноименный сборник готовится к печати.

В ночь на 11 июня 1929 года сотрудники из ОГПУ постучали в дверь небольшого дома в Забелицах, рабочей окраине Ярославля, неподалеку от самой крупной текстильной фабрики города, «Красный Перекоп»². Арестовывать пришли Василия Ивановича Люлина, токаря этой фабрики³. Они провели обыск и неуверенной рукой составили опись немногих добытых трофеев: несколько писем, блокнот, профсоюзный билет союза текстильщиков, красноармейская книжка, удостоверение личности⁴. Приказ об аресте ОГПУ получило срочной депешей всего за несколько часов до этого от местного партийного руководства, которое второй день подряд заседало за закрытыми дверями⁵.

Кто же был этот Василий Иванович? И почему его так боялись партия и советская власть?

Ярославская Большая мануфактура

Токарь Василий Иванович Люлин работал в механическом цехе «Красного Перекопа», бывшей Ярославской Большой Мануфактуры, одного из самых старинных

русских текстильных предприятий, гордившегося славными революционными традициями. Мануфактура была основана при Петре Первом, когда Ярославль был одним из важнейших торговых центров страны. Как и все российские промышленные предприятия, в начале XIX века Мануфактура пережила период упадка, но в конце столетия, в эпоху бурного экономического роста, заявила о себе как одно из крупнейших русских текстильных предприятий⁶. Мануфактура была среди тех, кто удостоился чести представлять Россию на Всемирной выставке 1900 года в Париже. И там была отмечена не только за свою продукцию – пряжу и ткани из хлопка и ситца, предназначенную для растущего в России рынка товаров для простонародья. Но и, главным

---

² ЦДНИ ГАЯО. Ф.1. Оп.27. Д.3312. Л.106.

Текст полностью основан на неизданных документах из следующих архивов: Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ); Российский Государственный Архив Социальной и Политической истории (РГАСПИ), в прошлом Центральный партийный архив; Центральный архив ФСБ (ЦА ФСБ), бывший КГБ; Государственный архив Ярославской области (ГАЯО); партийный архив Ярославля, переименованный в Центр Документации Новейшей истории Государственного архива Ярославля (ЦДНИ ГАЯО).

³ ГАЯО. Д.С-8597. Л.4.

⁴ Там же. Л.5.

⁵ Там же. Л.2.

⁶ Историю Мануфактуры см. в: Грязнов А.Ф. *Ярославская Большая Мануфактура за время с 1722 по 1856 г. М., 1910; Ярославская Большая Мануфактура. М., 1900.*

образом, за передовую социальную политику по отношению к рабочим, за которую и получила несколько престижных наград, в том числе даже и Гран При⁷. Чтобы дать кров работающим на фабрике, вокруг нее было построено несколько рабочих казарм. Они не могли приютить всех, и все-таки условия жизни многих рабочих не были уже столь невыносимыми, как раньше.

Для снабжения продовольствием имелись фабричная лавка и столовая, где подавали горячую еду; были также и общественные бани. Мануфактура имела также – в те времена это было редкостью – свою больницу с амбулаторией и родовспомогательным отделением, приют для престарелых и целый набор детских учреждений: ясли, в которых работницы могли оставлять своих детей во время работы; детский сад и, конечно же, школу, где дети в течение трех лет учились читать и считать, петь и молиться, шить (девочки) и заниматься гимнастикой (мальчики). Для тех, кто уже работал, имелись вечерние курсы. Рядом со школой находилась библиотека, предназначенная в первую очередь для работников; она насчитывала чуть более 2000 томов и имела разнообразные газеты и журналы. Помимо религиозных книг и молитвенников, здесь был богатый отдел современных книг по истории, географии, естественным наукам. Само собой разумеется, самым богатым был беллетристический отдел, где можно было найти произведения русских и зарубежных авторов, – от Виктора Гюго, Александра Дюма, Эмиля Золя, Чарльза Диккенса и Вальтера Скотта до Д.Верги («Мастро Дон Джезуальдо») и «Божественной комедии», включая пьесы В.Альфиери⁸. Мануфактура заботилась также о досуге рабочих, стараясь не допустить повального пьянства. В праздничные дни организовывались коллективные чтения, разнообразные концерты и спектакли; летом в фабричном парке проводились занятия различными видами спорта и устраивались соревнования, все это под музыку. Время от времени проходили танцевальные вечера, в которых участвовали также жители города. Мануфактура заботилась и о душе своих работников: на территории фабрики имелось целых три церкви.

---

⁷ См., в частности, издание, опубликованное, чтобы показать работу Мануфактуры по случаю Выставки (Ярославская Большая Мануфактура). Там, где не указано иначе, эта книга является источником дальнейшего описания. Что касается премий, ср.: Балуева Н. Ярославская Большая Мануфактура // Страницы истории комбината «Красный Перекоп». Ярославль: Ньюанс, 2002. С.67.

⁸ Каталог книг библиотеки для служащих на фабрике товарищества «Ярославской Большой Мануфактуры». Ярославль, 1894. С. 5, 6, 9, 12, 15, 25, 27–30, 32, 55, 57–58.

Образцовый рабочий

Во времена, когда разыгрывается рассказываемая здесь история, в конце 20-х годов, Мануфактура насчитывала более 10 000 рабочих и была самым крупным предприятием в городе, население которого составляло чуть более 100 000 жителей. К числу рабочих фабрики принадлежал и Василий Иванович Люлин. Он был рабочим во втором поколении, т.е. принадлежал к одной из тех трудовых «династий», которые составляли *настоящий* рабочий класс, а именно на него, согласно тогдашней большевистской доктрине, должна была опираться советская власть. Отец Василия Ивановича, Иван Егорьевич, бедный крестьянин из Владимирской губернии, воспользовался свободой перемещения, которая открылась после отмены крепостного права, и уехал из родной деревни, чтобы пойти работать на фабрику. Ему не было еще 20-ти лет, когда в 1882 году его приняли в качестве присучальщика на Ярославскую Большую Мануфактуру, где он и продолжал работать в течение последующих 30 лет, до конца своих дней⁹. Через три года после переезда в город к нему присоединилась жена Марфа Поликарповна, бедная крестьянка из его же деревни, принятая на фабрику как банкбросница и тоже проработавшая здесь всю оставшуюся жизнь¹⁰. Они жили на первом этаже одного из строгих зданий красного кирпича, предназначенных для жилья рабочих поблизости от фабрики: каморка №8 в VIII корпусе¹¹. Здесь весной 1899 года родился Василий, младший из четверых детей¹². Василий вырос среди рабочих и в 13 лет, после начальной школы, поступил, вслед за своим братом Егором (двумя годами старше его), на фабрику¹³. Сначала он работает ставельщиком, затем, с 1915 года, присучальщиком. Это образцовый рабочий, преданный труду, он не опаздывает по утрам, почти никогда не прогуливает, и это в эпоху, когда прогулы были настоящим бичом российской промышленности¹⁴. Подобная привычка к трудовой дисциплине, по-видимому, как раз и отличает его, рабочего во втором поколении, от отца. Последний хотя и был хорошим ра-

---

⁹ ГАЯО. Ф.674. Оп.51. Д.625. Л.3.

¹⁰ Там же. Д.627. Л.1.

¹¹ ГАЯО. Ф.674. Оп.51. Д.625. Л.2; Д.627. Л.1.

¹² Там же. Д.625. Л.3; Д.627. Л.1

¹³ Там же. Д.624. Л.3; Д.626. Л.2.

¹⁴ Там же. Д.624. Л.3. – В 1912 и 1913 годах у Люлина действительно нет ни одного дня пропуска. Только в 1914 году он заболевает и неделю не ходит на работу, но лишь в следующем году самовольно прогуливает один рабочий день, за что немедленно получает взыскание от руководства фабрики.

ботником (в 1911 году он будет награжден за заслуги перед предприятием), но с трудом подчинялся жесткому расписанию на производстве. Об этом свидетельствуют его частые прогулы и перерывы в работе на фабрике, которые он время от времени устраивал себе: ненадолго увольнялся, а затем вновь поступал на работу¹⁵. Образцовый рабочий, Василий словно поставил себе цель направить все свои способности на то, чтобы подняться по социальной лестнице и, совершенствуясь профессионально, стать рабочим высокой квалификации. В 1916 году он уходит из ткацкого отделения Большой Мануфактуры и поступает учеником токаря в механический цех фабрики, где и остается, по-видимому, до конца октября 1918 года, когда его мобилизуют в продотряды¹⁶. Согласно некоторым сведениям, во время Первой мировой войны Василий сблизился с подпольными социал-демократическими кружками и принимал участие в их деятельности; затем, после революции, вступил в партию большевиков¹⁷. В 1917 году он вступает в профсоюз¹⁸. Во время гражданской войны он сражался как стрелок в Красной Армии и был готов отдать жизнь за советскую власть. Там он и был привлечен отделом пропаганды и в 1921 году послан на учебу в Москву на краткосрочные (4 месяца) курсы, организованные университетом им. Свердлова¹⁹. Однако Люлин недолго оставался членом партии. После окончания гражданской войны, во время чистки 1921 года, Василий Иванович был исключен, согласно некоторым источникам, из-за своих «антисоветских выступлений», о которых не известно ничего конкретного²⁰. Таким образом, путь к ответственной должности через участие в политической борьбе был для него закрыт. Хотя именно такой дорогой шли многие, как и он, закончившие одну из партийных школ в эти годы высочайшей социальной мобильности, когда советская власть отчаянно искала верных людей на всех уровнях²¹. Итак, в сентябре 1922 года, после

¹⁵ ГАЯО. Ф.674. Оп.51. Д.625. Л.3, 3.– Иначе обстоит дело с матерью, великой труженицей, которая за все годы, проведенные на фабрике, отсутствовала только по болезни, вероятно, из-за родов, так как периоды болезней совпадают с годами рождения детей (Там же. Д.627. Л.1–2).

¹⁶ Там же. Д.624. Л.3.

¹⁷ Сводка о Люлине // РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.325. Л.95.

¹⁸ ГАРФ. Ф.54576. Оп.12. Ед.хр.57. Л.296.

¹⁹ ГАЯО. Д. S-8597. Л. 6; РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.325. Л.56. – По другой версии он посещал курсы в вечерней партийной школе в Москве в 1919 году (Сводка о Люлине. Л.95).

²⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.325. Л.95; ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.6. Пор.973. Л.685. – Интересно было бы, к примеру, узнать, в чем состояли «антисоветские» взгляды Люлина и, в частности, были ли они связаны с протестом рабочих, борьба с которым и была одной из целей чистки.

²¹ Отсюда, согласно очередной сводке ОГПУ, у Люлина и осталось то ощущение глубокой

ЯРОСЛАВСКИЙ РАБОЧИЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЛЮЛИН

демобилизации, Василий Иванович возвращается на фабрику и снова становится учеником токаря, а затем, несколько месяцев спустя, в мае 1923 года, получает место токаря в механическом цехе²². До 1927 года о нем мало что известно. Более поздний доклад, составленный ОГПУ в 1929 году, сдержанно и без каких-либо подробностей сообщает, что Василий Иванович якобы был замечен в склонности к протесту уже в 1924–1925 годах²³. Из его же собственных рассказов мы знаем, что, будучи отстранен от политической деятельности как таковой, он занялся в завкоме и профсоюзе общественной работой: так, например, был одним из организаторов рабочего кооператива на фабрике²⁴. Кроме того, поскольку учеба по-прежнему увлекала его, он поступил на «рабочий факультет», организованный на фабрике для подготовки специалистов надежного социального происхождения. И это несмотря на то, что обзавелся семьей²⁵.

Но мы располагаем обширной информацией за период с 1927 по 1929 год. Тогда Василий Иванович становится рабочим лидером фабрики и выразителем глухого протеста трудящихся против политики усиленной индустриализации, настойчиво проводимой партией, которая, не сумев заставить его замолчать другими способами, в июне 1929 года отдаст, как мы видели, приказ об его аресте. В это время усердные осведомители ОГПУ вьются вокруг Люлина, готовясь схватить на лету любое произнесенное и произнесенное слово, чтобы затем сообщить его органам политической полиции, которые составляют подробные рапорты. Прежде, чем углубиться в суть произошедшего, следует кратко вспомнить контекст, в котором разворачивается наша история.

К концу НЭПа

Период с 1926 по 1929 год, решающий для становления сталинизма, – это время огромной социальной и политической напряженности. В конце 1925 года были достигнуты основные экономические показатели 1913 года и завершен восстановительный период, начатый введением НЭПа, который позволил поднять страну из разрухи, порожденной войной, и более всего войной гражданской. Тогда перед большевиками встала задача обеспечить дальнейшее

обиды, которое и заставило его встать в ряды противников советской власти (ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.6. Пор.973. Л.685).

²² ГАЯО. Ф.674. Оп.51. Д.624. Л.3, 3 об.

²³ ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.8. Пор.738. Л.56–57.

²⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.325. Л.56.

²⁵ Там же.

экономическое развитие, чтобы превратить старинную Русь, архаичную и крестьянскую, в современную индустриальную державу. Решение положить начало политике промышленного развития, утвержденное в конце 1925 года XIV съездом партии, упиралось в многочисленные препятствия, первым из которых была проблема ресурсов. Где взять необходимые средства? Путь иностранных займов и иностранных инвестиций, которые сыграли первостепенную роль в экономическом взлете царской России в конце XIX – начале XX века, был закрыт для революционного Советского Союза, отказавшегося признать и возвращать царские долги. Что же касается экспорта зерна, другого важного источника, с помощью которого в дореволюционный период финансировалась индустриализация, то использовать это средство можно было лишь в ограниченных пределах. Раздача земель и дробление больших владений привели к тому, что торговля зерном значительно сократилась и доля, которая приходилась на внешний рынок, была значительно ниже потребности. Оставался, конечно, экспорт другого сырья, прежде всего древесины, но он не мог удовлетворить потребности в твердой валюте, необходимой для закупок промышленного оборудования. Столкнувшись с недостатком средств, большевики, чтобы выйти из тупикового положения, для начала решили мобилизовать существовавшие в стране ресурсы, и в первую очередь трудовые. Памятуя о мощных восстаниях, которые полыхали в деревнях на исходе гражданской войны, руководители советской России поначалу не очень-то хотели трогать крестьян. Было решено поэтому обратиться в первую очередь к рабочим, побуждая их пойти на жертвы во имя общего блага, т.е. индустриализации, представленной как важнейшая составляющая построения социализма. Именно в этом состоял смысл запущенной в начале 1926 года кампании за «режим экономии». Он включал в себя, помимо сокращения расходов, рационализацию производства для снижения себестоимости с помощью совершенно традиционных и отточенных капитализмом методов: сокращение рабочей силы, интенсификацию производственных циклов, ужесточение трудовой дисциплины.

Кампания не только не принесла ожидаемых результатов, но и вызвала рост недовольства среди рабочих, уже измученных нуждой и трудностями предыдущих лет. В 1927 году, году начала агонии НЭПа, ситуация постепенно становилась все серьезнее и серьезнее. Осенью, в то время как партия, раздираемая конфликтом между сталинским большинством и единой левой оппозицией во главе с Троцким, Каменевым и Зиновьевым, готовилась к торжественному празднованию десятой годовщины Октябрьской революции, признаки кризиса и неблагополучия стали множиться по всей стране. Из-за острых проблем в экономике, связанных с усилиями, на-

правленными на индустриализацию, и ошибок в политике формирования цен на сельскохозяйственную продукцию вновь возникли, казалось только что преодоленные, трудности с продуктами питания: стало не хватать хлеба – основной еды рабочих, в то время как инфляция съедала и без того весьма небольшие зарплаты. Росла безработица; в толпе, ожидавшей на трудовой бирже, с тревожным постоянством возникали ссоры и драки. Опасаясь, что общественное недовольство превратится в политический протест, дав таким образом опору левой оппозиции (тревожным знаком была молчаливая контрдемонстрация рабочих в Ленинграде 7 ноября под портретами Троцкого и его соратников), руководство партии, по своему обыкновению, отреагировало двояко. С одной стороны, усилило репрессии против несогласных внутри партии: в декабре на XV съезде уже поднадзорная ОГПУ оппозиция будет исключена из партии. С другой стороны, оно попыталось восстановить утраченные единодушие и противостоять разочарованию, которое постепенно охватывало тех, кто ранее верил в революционную мечту. Вспомним – и это лишь один пример, – что 1927 год был годом, когда среди молодых членов партии распространяется настоящая «эпидемия» самоубийств²⁶. Чтобы любой ценой добиться хотя бы видимости народной поддержки, партия без долгих раздумий прибегла к демагогии. В «Манифесте», принятом правительством по случаю празднования десятилетия революции, после славословий в честь успехов, достигнутых в строительстве нового общества, был обещан, среди прочего, и 7-часовой рабочий день – чисто демагогическое заявление, так как эта мера, как мы скоро увидим, лишь усугубляла тяжелые условия труда рабочих.

На самом деле Политбюро не имело стратегического плана противостояния кризису, как следует из шагов, предпринятых для того, чтобы справиться с чрезвычайной продовольственной ситуацией. На растущую нехватку продуктов Политбюро отреагировало серией репрессий сначала против торговцев, а затем и против крестьян. Эти меры лишь ухудшили положение, все более и более разрушая созданные за время НЭПа экономические механизмы и закладывая основы того характерного явления сталинской эпохи, которое называют весьма неудачным, на мой взгляд, термином «административно-командная система»²⁷. Ухудшение условий

---

²⁶ Об этом см.: В.С.Тяжелникова. Самоубийства коммунистов в 1920-е годы. // Отечественная история. 1998. №6.

²⁷ По поводу 1927 года как границы между относительным благосостоянием периода НЭПа, последовавшим за катастрофой гражданской войны, и жестокой нуждой, характерной для эпохи принудительной индустриализации, см.: Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия. Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриа-

жизни, происходившее, надо напомнить, в ситуации и без того крайней бедности²⁸, вызвало волну недовольства населения, и прежде всего среди рабочих. Тут-то наш герой, Василий Иванович Люлин, выходит на авансцену.

Уплотнение труда и сопротивление рабочих

Василий Иванович был «замечен» осведомителями политической полиции как раз в конце 1927 – начале 1928 года, когда среди рабочих «Красного Перекопа» начались волнения в связи с переходом левого крыла старой фабрики на 7-часовой рабочий день.

«Красный Перекоп» был первой из текстильных фабрик, упомянутых в опубликованном 7 января в газете «Правда» списке предприятий, в порядке эксперимента переходящих на сокращенный рабочий день²⁹. Партийной организации Ярославля приходится делать все возможное, чтобы всего за 2 недели выполнить категорические указания, поступившие из Москвы, где и слушать не хотели просьбу местных партийных руководителей о продлении сроков³⁰. Партийный комитет 2-го района (именно к нему относился «Красный Перекоп») собирает членов партии и активистов, чтобы те настроили в пользу этого решения рабочих, среди которых распространяется недовольство новым коллективным соглашением, ставящим крест на надеждах о большей зарплате³¹. Несмотря на пропагандистскую кампанию, общее собрание фабрики, в ответ на предложение поддержать новую меру, неожиданно под крики и свист проваливает подготовленную партийной резолюцию, в которой, помимо 7-ми часового рабочего дня, говорится, в соответствии с указаниями правительства, об уплотнении труда. Из 1 300 рабочих «за» голосуют лишь 250, и, что еще хуже для власти, даже члены партии не следуют полученным указаниям³². Дело не в том, конечно же, что рабочие не хотят работать на час меньше, даже если это предпола-

---

лизации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999, и прежде всего первую часть книги, где автор анализирует разрушение рынка с 1927 по 1929 год.

²⁸ Чтобы понять это, достаточно проглядеть, например, великолепные опросы 20-х годов о бюджете рабочих семей.

²⁹ 12 января ярославский губотдел профсоюза текстильщиков сформулирует конкретные инструкции для осуществления перехода (ГАРФ. Ф.5457. Оп.12. Л.73).

³⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.20. Д.593. Л.62–63, 100–100 об.

³¹ Там же. Л.8–15, 102–103.

³² Там же. Л.103, 108. О пассивности членов партии см. также профсоюзную информационную сводку (ГАРФ. Ф.5457. Оп.12. Д.146. Л.65).

гает введение третьей смены и, следовательно, работу по ночам. Но они совершенно не желают соглашаться с уплотнением труда, которое сводит на нет все возможные преимущества и, более того, ухудшает их положение, заставляя работать в невыносимом темпе, без секунды передышки³³: «Довольно эксплуатировать. Мы не за это кровь проливали»³⁴. Тут-то и берет слово Люлин. Спокойным голосом он объясняет, что то, что хотят сделать, «не правильно», потому что «работать будет невозможно». Его выступление встречено одобрительными криками присутствующих, которые скандируют: «Правильно!»³⁵ По свидетельствам некоторых очевидцев, именно его выступление заставило собрание возмутиться³⁶. Люлин начинает обретать статус лидера рабочих «Красного Перекопа».

После такого болезненного поражения партия мобилизует все свои ресурсы, чтобы, используя угрозы и обещания, отыгратья. Стараясь любыми возможными способами убедить рабочих, представитель дирекции, глава профсоюзной организации цеха и секретарь партячейки, все втроем, преследуют их в самых укромных местах, не обращая внимания на презрительные ответы. Раз собрание решило «не принимать работу с нагрузкой, значит, мы и не будем принимать. Вы силой наваливаете нам работу и даже пришли к нам в женскую уборную»³⁷. Несмотря на глухой протест рабочих – чтобы заставить нас работать, как они хотят, «коммунистам скоро выдадут резиновые палки», говорит один из рабочих³⁸, – на этот раз партии удастся добиться своего. Через несколько дней созывается новое общее собрание фабрики, на этот раз проведен тщательный отбор делегатов (как минимум, половина из них – члены партии или комсомольцы, все беспартийные проверенные) – так, чтобы получить одобрение предложенным мерам – 7-часовой работе с ускорением ритма труда³⁹.

Но успех этот только внешний, показной: партия применяет силу, чтобы сломить сопротивление рабочих, не желающих ужесточения производственного ритма, и отменяет решение первого собрания, выражающее мнение трудящихся, но тем самым лишь усиливает раздражение в людях. Рабочие, как это ясно видно из усердных донесений осведомителей, чувствуют себя обманутыми и одуроченными. Так с течением времени фор-

---

³³ ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.6. Пор.973. Л.19, 24.

³⁴ Там же. Л.23. Здесь и далее правописание приведено в соответствии с нормами современного русского языка.

³⁵ Там же.

³⁶ РГАСПИ. Ф.17. Оп.20. Д.600. Л.7.

³⁷ ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.6. Пор.973. Л.35.

³⁸ Там же. Л.40.

³⁹ Там же. Л.30–31, 34–44.

мируется непреодолимое противопоставление – «мы» и «они», где «они» – это новые хозяева, с которыми невозможны никакие переговоры, еще худшие, чем прежние. То, что сейчас живется хуже, чем раньше, что народ эксплуатируют сильнее, чем в царские времена, – постоянная тема в высказываниях рабочих в сводках ОГПУ. Такое противопоставление характеризует взаимоотношения общества и власти не только в сталинскую эпоху, но, в более общем плане, на всем протяжении русской и советской истории.

В последующие месяцы напряжение лишь растет. С введением новых расценок рабочие в феврале обнаруживают, что их зарплата уменьшилась; иногда раздаются призывы к забастовке, по примеру других текстильных фабрик⁴⁰. Конфликты множатся; получает распространение пассивное сопротивление: растет пьянство, число прогулов, ухудшается дисциплина труда. В мае, когда и старая фабрика переходит на 7-часовой рабочий день, все с тем же ускорением ритма работы, протесты снова глухо заявляют о себе. Отчаявшись, рабочие прибегают к так называемой «волынке» и останавливают, пусть всего на несколько минут, максимум на четверть часа, машины. Но дирекция, опасаясь «заразы», не сдается и прибегает к запасным рабочим, чтобы сломить протестующих⁴¹. Летом ситуация стремительно ухудшается. Лето 1928 года – период кризиса. В Ярославле, как и во многих других областях страны, не хватает продуктов, прежде всего хлеба. Очереди неумолимо растут. Вновь появляются суррогаты. Местные власти, которые уже били тревогу в связи с ухудшением ситуации в начале года, столкнувшись с отказом Москвы принять меры, чтобы обеспечить поставки, вновь вводят карточную систему⁴². Во второй половине августа

⁴⁰ Забастовки в разных формах (итальянские забастовки, волынки и т.д.) были довольно распространены, особенно в текстильных мануфактурах соседской Иваново-Вознесенской области, см., напр.: РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.236. ЛЛ.5–7, 56,61. Именно в Иваново-Вознесенской области произошла самая мощная забастовка в текстильной промышленности в 1925 году на Тейковской фабрике (РГАСПИ. Ф.17. Оп.87. Ед.хр.182. ЛЛ.40б–5), которая и в будущем будет одним из центров рабочих волнений, вплоть до 1932 г. (о забастовке 1932 года см.: Rossman J. *Worker Resistance under Stalin. Class and Revolution on the Shop Floor*. Cambridge, Mass.; L.: Harvard Un. Pr., 2005. 6-ая глава. О забастовках в текстильной промышленности во второй половине 1920-х см.: Русакова М.Ю., Кирьянов Ю.И. *Материалы фонда ЦК Профсоюза рабочих легкой и текстильной промышленности о трудовых конфликтах в 1918–1929 гг.* // Кирьянов Ю.И., Розенберг В., Сахаров А.Н. *Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг.* М.: Едиториал УРСС. 1998.

⁴¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.297. Л.72.

⁴² РГАСПИ. Ф.17. Оп.20. Д.592. Л.140; Д.593. Л.41; Д.594. Л.3об., 193; Д.595. Л.19, 57–57об. 134. – *Возврат к карточному распределению, первоначально произошедший по инициативе местных властей, вынужденных противостоять ухудшению снабжения,*

ЯРОСЛАВСКИЙ РАБОЧИЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЛЮЛИН

ситуация становится еще тяжелее. В конце месяца, после двухнедельного перерыва на отпуск, когда фабрика была закрыта, «Красный Перекоп» открывается снова и среди рабочих вспыхивает недовольство. Те, кто в отпуске побывал в ближних городах – Москве, Ленинграде, Иваново-Вознесенске, – распространяют невероятные слухи о царском там изобилии, так, словно это рай земной. Кажется, за пределами Ярославля есть всё: там продукты (хлеб, масло, крупа) продаются свободно, тогда как в Ярославле выдаются по карточкам, и рабочие «Красного Перекопа» должны удовлетворяться в месяц килограммом крупы, пятьюстами граммами масла, килограммом сахарного песка, 4 килограммами кускового сахара и тремя кусками мыла на семью, плюс 450 граммов муки, ржаной или пшеничной, на человека в день⁴³. Когда 31 августа партия созывает рабочую конференцию, чтобы заставить рабочих подписаться на II промышленный заем⁴⁴, ярость рабочих прорывается наружу. Они не только отказываются подписаться, но и решают, несмотря на отчаянные попытки местных партийных руководителей, противостоять этому, послать в Москву делегацию, чтобы прояснить, что происходит с поставками продовольствия. Избираются пять делегатов, среди которых лишь один член партии. Именно с этого момента Люлин постепенно становится бесспорным лидером рабочих «Красного Перекопа». Парткому это не нравится, и, в надежде выправить ситуацию, он созывает на следующий день, первого сентября, новое фабричное собрание. Но на этот раз ситуация серьезно выходит из-под контроля организаторов. Официальные ораторы освистаны и вынуждены покинуть трибуну, не закончив даже своего выступления; подготовленные заранее резолюции не получают одобрения. Пытаясь в последний момент спасти ситуацию, партийный секретарь II района Карин весьма неудачно прибегает к риторическим формулам, которые звучат почти как провокация: «Всесоюзной комм[унистической] партии доверяете или нет?» – спрашивает он. В тишине зала раздаются отдельные выкрики, которые постепенно превращаются в рев: «Не доверяем». Члены партии и комсомольцы остаются в полном одиночестве; рабочие сплоченно голосуют за отправку делегации в Москву. Состав делегации снова выносится на голосование. На этот раз единственный попавший в нее ранее член

будет одобрен Политбюро между концом 1928 и началом 1929 года (Ср.: Осокина Е. Указ. соч. С. 65).

⁴³ РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.307. Л.66.

⁴⁴ *Займы индустриализации, проходившие в течение всей I пятилетки, были формой принудительных сбережений, навязанных всем трудящимся для того, чтобы финансировать индустриализацию: подписка на них была обязательной.*

партии исключен⁴⁵. Для партии это громкий провал. Второй после вопроса о 7-часовом рабочем дне. Но теперь рабочее сопротивление выдвигает своего лидера: Василия Ивановича Люлина.

Рождение рабочего лидера

Василий Иванович вовсе не одержимый. Ему около тридцати лет, темные глаза и волосы, гордый взгляд, это спокойный и взвешенный человек. Хороший работник, без вредных привычек. Он нравится товарищам по работе, как нам говорят дошедшие до нас издали благодаря усердию осведомителей ОГПУ голоса, потому что он «хороший, честный и прямой парень», уверен в себе; он грамотен и умен, умеет говорить и рассуждать, защищая свою позицию. Потому что «он не трус», он не боится говорить «правду» и «очень хорошо защищает интересы рабочих». И потому что «коммунисты его боятся и хотят затереть». Василий Иванович не «контрреволюционер». Он не против советской власти, как сам он постоянно повторяет и будет повторять на допросах. Потому что – и это опять его собственные слова – благодаря советской власти он получил возможность учиться. Но он против партии, и в первую очередь против тех, кто представляет ее в Ярославле, гордится своей властью и презирает правила, начиная с основных демократических принципов, которые должны обеспечивать рабочим право выразить свою волю на фабрике. На деле Василий Иванович защищает права рабочих против партии. И он против политики принудительной индустриализации, на которую берут курс находящиеся у власти во главе со Сталиным, так как это политика, которая предполагает давление на рабочих сверх допустимой меры. По его словам, «советская власть подобна власти державного Петра Великого. Тот построил Петербург на костях 10 тысяч солдат, а советская власть строит социализм на хребте рабочего класса»⁴⁶. Его обвиняют в демагогии как раз потому, что он защищает интересы рабочих. Но именно потому, что он их защищает, рабочие идентифицируют себя с ним, делают его своим лидером.

Вернувшись из Москвы, делегация привозит кое-какие обещания, и напряжение слегка ослабевает, так как появляется надежда, что снабжение улучшится. Партийное руководство не торопится, затягивая созыв собрания, на котором члены делегации должны дать рабочим отчет о проделанной работе и результатах поездки. Но отсрочка длится недолго, так как

---

⁴⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.307. Л.66; Д.325. Л. 30, 40.

⁴⁶ ГАЯО. Д.С-8597. Л.6 лиц., 116; РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.325. Л.56–57, 59, 95; ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.6. Поп.973. Л.686, 707, 858–859.

ЯРОСЛАВСКИЙ РАБОЧИЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЛЮЛИН

очень быстро открывается новый фронт: избрание делегатов на VIII Всесоюзный съезд профсоюзов. Люлина, чья популярность в глазах рабочих невероятно выросла после поездки в столицу, 21 октября неожиданно избирают в делегаты съезда, в то время как партийный кандидат с треском провален на собрании фабрики. Это новая и совершенно неожиданная пощечина для партийного руководства, так тщательно отбирившего цеховых делегатов, которым предстояло выбрать представителей фабрики на съезд⁴⁷.

В.И.Люлин (тюремная фотография)

И партия наносит ответный удар. Карин, секретарь II райкома, получает строгий выговор. Городской комитет партии распоряжается провести расследование. А из Москвы, из ЦК, даже приезжает инструктор, чтобы разобраться в ситуации⁴⁸. Дабы исправить положение и любой ценой не дать Люлину участвовать в съезде, партия использует весь арсенал имеющихся у нее средств. При содействии ОГПУ и благодаря контролю над местными газетами, против Люлина организуется яростная клеветническая кампания, в которой он представлен как никчемный человек, хулиган и пьяница; его специально вовлекают в драку, чтобы задержать и оставить за решеткой на пару дней. Затем, когда благоприятная атмосфера создана, в действие вступает активное меньшинство (комсомольская молодежь, женщины-делегатки), которые, засыпав Люлина оскорблениями, требуют

⁴⁷ РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.325. Л.9, 31.

⁴⁸ Там же. Оп.20. Д.596. Л.38об.; Оп.85. Д.325. Л.30. Л.9; Д.297. Л.71.

от имени всех рабочих отзыва его кандидатуры. Наконец, первого декабря партия делает попытку провести внезапную операцию. И на новом общем собрании, делегаты которого не избраны, но тщательно отобраны (на самом деле это было не собрание, а производственное совещание), добивается утверждения резолюции, которая дает отвод Люлину и заменяет его партийным кандидатом Махановым. Чтобы не было неприятных неожиданностей, партер на этот раз заранее занят членами партии и комсомола; пожарные старательно удаляют, под предлогом безопасности, всех рабочих, которые могли бы нарушить ход заседания⁴⁹. Однако упоение успехом длится недолго. От издевательского обмана, имевшего место на втором собрании, рабочие приходят в ярость; они чувствуют, что их провели и унизили и требуют новых выборов, так что даже представители ЦК не решаются не поддержать это требование, несмотря на настойчивые просьбы городского комитета партии, – подтасовка слишком очевидна⁵⁰. Тем более, что слухи о подделанных выборах достигли Москвы, о них рассказал близкий к Люлину рабочий корреспондент, написавший в профсоюзную газету «Голос текстильщика», которая была распространена на фабрике значительно больше, чем «Северный рабочий» – орган партии. В результате чего комиссия, проверявшая мандаты делегатов профсоюзного съезда, забраковала мандат Маханова⁵¹.

Затем, 18 декабря, когда съезд профсоюзов уже начал свою работу, созывается третья конференция. Далее происходит то, что секретарь Ярославского горкома партии Быкин называет историей «заранее предрешенного провала». Партия мобилизует все имеющиеся у нее ресурсы в поддержку своего кандидата, но на этот раз и сторонники Люлина не жалеют усилий. И находят, судя, во всяком случае, по докладам ОГПУ, благоприятную почву. Бесстыдная попытка партии навязать силой свою волю вызвала раздражение людей. Во многих цехах, на выборных собраниях коммунисты не могут даже начать говорить; а уж о том, чтобы добиться их избрания на конференцию, часто и речи быть не может. Наученные опытом, рабочие не только избирают своих делегатов, но, чтобы быть уверенными, что те будут голосовать, как обещали, и не поддадутся на лесть и шантаж, отказываются выдать им свободный мандат, а снабжают их точным письменным наказом для голосования⁵². И яростные нападки партии на Люлина в конце концов возымели прямо обратное действие, потому

⁴⁹ Там же. Оп.85. Д.325, л. 31, 39, 57; Оп.20. Д.596. Л.183; ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.6. Пор.973. Л.859–860.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.325. Л.32, 35, 57.

⁵¹ РГАСПИ, Ф.17. Оп.20. Д.596. Л.180–182, 184 и лиц.

⁵² РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.325. Л.32, 58, 64.

что, говоря словами рабочих, «коммунисты его не любят за то, что он указывает на их недостатки и вскрывает всю грязь»⁵³. В 8 часов вечера при переполненном зале открывается конференция. Присутствует около тысячи делегатов. Коммунисты, пришедшие с собрания ячейки, где они получили последние инструкции, с трудом находят себе места в последних рядах. Люди крайне возбуждены.

Царит огромное напряжение. Как скажет немного позже на партийном собрании II района один из делегатов, «рабочие шли на конференцию, как на бой с коммунистами»⁵⁴. Конференция продлится до 2-х часов ночи и с первой же минуты обещает быть «бурной». Люлин, которого партия до последнего момента старалась держать подальше от собрания, входит в зал под бурные аплодисменты, и милиция, растерявшись при виде решительного настроения присутствующих, не решается остановить его, хотя и получила такой приказ. По предложению Люлина, заготовленный партией список кандидатов в Президиум отвергается («не надо, не обманывайте»); при поименном голосовании местные кандидаты, выдвинутые партией и фабзавкомом, отвергнуты один за другим. Представители местной власти пытаются выступить, но им приходится пережить несколько весьма неприятных минут. Под дружные крики «долой!» «пошел вон!» председатель ГСПС Ярославля не может открыть рот; один из рабочих встает, подходит к нему и начинает трясти с воплем: «Убирайся, долой!» Наконец, без всякого давления избран Президиум. Туда входят Люлин, приветствуемый бурными аплодисментами, и двое его товарищей, бывших вместе с ним в Москве в составе делегации. Когда дело доходит до обсуждения делегата на съезд профсоюзов, напряжение достигает своего предела. Собрание полностью выходит из-под контроля. Рабочие отказываются слушать запланированные доклады; никому из представителей местных властей выступить не удастся; даже присутствующие представители центра (ЦК, профсоюза текстильщиков и т.д.) с трудом заставляют себя выслушать. Того, кто пытается сказать что-то против Люлина, гонят с трибуны. Среди выступающих за него, постоянно повторяется одна и та же основная мысль: «Люлин – действительный представитель рабочих "Красного Перекопа". Партийцы нас обманывают»⁵⁵.

Чтобы вернуть себе контроль над ситуацией, представители партии пытаются распустить собрание хитростью. Они предлагают сделать перерыв перед голосованием, но рабочие отказываются покинуть свои места, обвиняя партию в стремлении сорвать выборы: «Мы не уйдем отсюда,

---

⁵³ Там же. Д.297. Л.64.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп.20. Д.600. Л.7.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.297. Л.64–65; Д.325. Л.49, 59, 60.

пока не проголосуем за Люлина», – повторяют они. Председатель вынужден поставить кандидатуры на голосование, и, несмотря на то что процедура повторяется три раза, результатом ее становится избрание Василия Ивановича «подавляющим большинством голосов», среди которых много и членов партии, нарушивших указания сверху: 700 голосов за нашего героя и 300 за Маханова. И это еще не все. Партию унижают и дальше. Сторонники Люлина побеждают по всему фронту, также и по финальной резолюции, которая оставляет в силе избрание Люлина на I конференции и отказывается признать последующие манипуляции⁵⁶.

Партия уязвлена. Она пыталась применить силу и проиграла. Рабочие, по крайней мере, согласно докладам ОГПУ, ликуют, в кои-то веки испытывают вкус победы. На следующий день повсюду народ собирается кучками и обсуждает случившееся. Все или почти все на стороне Люлина. Коммунистов осыпают насмешками; когда они пытаются сказать что-то, рабочие не дают им говорить; некоторые даже доходят до угроз, предсказывая в недалеком будущем изгнание коммунистов из власти⁵⁷. Но есть и те, кто опасается, и не без оснований, что месть последует⁵⁸, потому что партия не может стерпеть такую обиду. И раз убеждения не действуют, раз попытки изолировать Люлина при помощи мелких провокаций не дают результатов, похоже, что, по мнению местных руководителей, остается лишь один путь: репрессии. На следующий день после конференции, 19 декабря, собирается бюро горкома партии и, констатировав, что «масса пошла за Люлиным, противопоставляя себя всей парторганизации», приказывает, по предложению Быкина, «очистить» фабрику «от чуждых, спекулятивных и вредных элементов» и провести в партийной организации 2-го района чистку от «чуждых и меньшевистских элементов»⁵⁹. Арест Люлина становится с этого момента всего лишь вопросом времени. Может быть, он мог бы еще его избежать. Ведь в самой партии сохраняется еще сопротивление. На улице только конец 1928 года. Валы репрессий не обрушились пока на страну, коллективизация лишь вот-вот начнется. И партия, по видимому, боится возможной реакции рабочих, поскольку настойчиво ходят слухи, что, если Люлин будет арестован, начнется забастовка⁶⁰. Поэтому партийное руководство выжидает, надеясь нормализовать обстановку, не прибегая к крайним мерам. Со своей стороны, Василий Иванович мог бы попытаться избежать ареста. Но не делает этого. Не отрекается.

⁵⁶ Там же. Д.325. Л.49, 59, 60.

⁵⁷ Там же. Д.325. Л.50, 66; Д.297. Л.65.

⁵⁸ Там же. Д.325. Л.66.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.20. Д.596. Л. 184 об.–185.

⁶⁰ ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.7. Поп.754. Л.22, 46.

Люлин – лидер сопротивления После триумфального избрания, подтверждающего, что Люлин бесспорный лидер (даже само ОГПУ вынуждено признать его настоящим представителем массы рабочих «Красного Перекопа»⁶¹, дни Василия Ивановича действительно сочтены. И он это знает. На самом деле он это знает с сентября, когда после поездки в Москву в составе делегации замечает за собой слежку. И, как признается одному из товарищей, готовится к аресту⁶². Опасения со временем все больше превращаются в уверенность. Сначала Люлин думает, что его арестуют во время поездки в Москву на съезд профсоюзов. Но, по таинственным для него причинам, его никто не трогает.

Вернувшись в Ярославль в конце декабря, он перестает ночевать дома⁶³. Но запугивания не заставляют его отступить. Напротив. Его позиция становится еще более радикальной. Этой радикализации способствует, по видимому, также огромное разочарование, постигшее его на съезде. Люлин делится со своими товарищами всей горечью своего состояния, допуская опасные высказывания, тщательно собранные осведомителями ОГПУ⁶⁴. Бессмысленно говорить с теми, кто сидит в правительстве, сообщает он, потому что «все эти вожди одна сволочь»⁶⁵. Он рассказывает, что во время съезда понял: ездить туда было бесполезно, все уже было решено заранее, «беспартийным рабочим говорить не давали», все, кто, как и он, поспешил первым записаться на выступление, все равно оказались затем в конце списка, так как наверняка было решено ограничить число тех, кому будет предоставлено слово⁶⁶.

Но самым удручающим впечатлением было для него посещение, вместе с другими участниками съезда, Центрального института труда. «Это учреждение научного способа выжимания последних соков из рабочих», – скажет он в растерянности, потому что, если организовать производство «по системе американского капиталиста Тейлора», «от рабочего останется только один скелет»⁶⁷.

Трудно сказать на основании доступных сегодня источников, повлияло ли и в какой мере «открытие» тейлоризма как крайней формы эксплуата-

---

⁶¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.325. Л.49).

⁶² ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.6. Пор.973. Л.707.

⁶³ РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.297. Л.62.

⁶⁴ Там же. Л.62–63.

⁶⁵ Там же. Л.62.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

ции рабочего и поощрительного к нему отношения Советского государства на дальнейшую эволюцию Люлина. Люлин, во всяком случае, насколько мне известно на настоящий момент, не оставил текстов, которые позволили бы ответить на эти вопросы; нам известны лишь те его мысли, которые сумели «выкрасть» полицейские осведомители. Тем не менее представляется вероятным, что это открытие, так же как и горькое разочарование, испытанное на съезде профсоюзов, в который он тоже до этого верил, заставило его занять более радикальную позицию и в нем созрело убеждение, что необходимо организовать рабочих на фабрике и самим сражаться за интересы трудящихся.

И действительно, Люлин не ограничивается опасными высказываниями, то там, то сям вырвавшимися у него в беседах с товарищами. Поддержка рабочих дает ему силу, у него «настроение боевое», и он готов вступить в сражение⁶⁸. Во всеулышание говорит он о том, как сказывается на производстве плохое качество сырья. Защищает старых специалистов, из которых делают козлов отпущения, сваливая на них все провалы в работе фабрики⁶⁹. Василий Иванович выступает против нового коллективного договора, явно предполагающего более низкое, чем рост стоимости жизни, увеличение зарплаты, и против Совета фабрики, который пытается представить это соглашение как улучшение условий жизни рабочих⁷⁰. Поднимая такие вопросы (например, нехватка хлеба или коллективный договор), по которым существует стойкое сопротивление рабочих властям, Люлин продолжает выражать позицию своих товарищей. Его стараются заставить замолчать, прерывая его на собраниях, и он отвечает, не давая себя запугать: «Если вы не дадите высказаться, то будет хуже!» Затем, обращаясь к президиуму, во всеулышание заявляет: «Вы насилуете волю собрания, это никуда не годится!»⁷¹. Его авторитет среди рабочих постоянно растет, как свидетельствует спецсводка ОГПУ, написанная в конце января 1929 года⁷². И это — несмотря на яростную кампанию в печати, развязанную против него и его товарищей. Их презрительно называют «люлинцы» и обвиняют в контрреволюционной деятельности, между тем как рабочие неоднократно требуют прекратить подобные нападки. Партия его опасается, но не решается арестовать.

---

⁶⁸ ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.7. Пор.754. Л.47.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.297. Л.62.

⁷⁰ ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.7. Пор.754. Л.40–41.

⁷¹ Там же. Л.43; РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.297. Л.58.

⁷² ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.7. Пор.754. Л.47.

Она ждет. Она натравливает на фабрику усердных осведомителей ОГПУ, чтобы «предупредить» действия рабочих⁷³. Чтобы не дать Люлину, как это было принято, отчитаться перед своими избирателями о результатах съезда профсоюзов, посвященное этому вопросу собрание фабрики отложили до 20 января. Партии удалось также воспрепятствовать избранию Люлина в качестве представителя от своего цеха, но пришлось допустить его на собрание как делегата съезда⁷⁴. И в качестве такового он имел право взять слово. Встреченное бурными аплодисментами зала выступление Василия Ивановича на этот раз является прямой атакой на политику партии, и, в частности, на ее экономическую политику. Люлин прежде всего говорит о тяжелейшем положении, в котором оказалась страна, и отрицает, что причиной кризиса, как утверждалось, является плохой урожай. Он указывает, опираясь на данные печати, что на самом деле собрано даже больше, чем в предыдущие годы. Причины кризиса следует искать в другом, говорит Люлин, намекая на политику притеснений по отношению к крестьянству. Хотя коллективизация еще только начинается, наступление на крестьян, включая увеличение налогов и разнообразные преследования, уже началось. Помимо этого, Люлин говорит об ухудшении условий жизни рабочих, связанных со снижением зарплат, ростом цен на продукты питания и безработицей. Наконец, вернувшись к проблемам на «Красном Перекопе», он обвиняет завком в том, что тот преследует его сторонников вместо того, чтобы заниматься нуждами рабочих. Столкновение носит очень острый характер; выступают также многие из его товарищей. Когда ораторы нападают на Люлина и его единомышленников, зал шумит, прерывает выступление выкриками; и при этом аплодирует, когда звучит критика в адрес партии и профсоюза. Хотя собрание проходит достаточно бурно, партии удается на этот раз овладеть ситуацией и не пропустить резолюцию протестующих⁷⁵. Безрезультатны требования прекратить превращать Люлина в преступника, тем самым изображая как незаконный и протест рабочих в целом. Более того. Собрание, в конце концов, одобряет резолюцию в поддержку так называемой «самокритики» — кампании, начатой в конце 1928 года сталинским большинством в Политбюро с целью выявления и разоблачения всех, кто не придерживается «генеральной линии». И действительно, самокритика будет важнейшим инструментом в процессе чистки советского и партийного аппарата на всех уровнях и будет использована во многих случаях (и, видимо, также в

---

⁷³ Там же. Л.48, 53.

⁷⁴ Там же. Л.59.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.297. Л.60–62.

случае «Красного Перекопа»), чтобы удалить рабочих, хоть как-нибудь заподозренных в несогласии⁷⁶.

Партия берет реванш

Воодушевленная первыми отвоеванными позициями, партия идет в наступление. В начале февраля созывается новое собрание рабочих, на котором, с благословения представителя Центральной контрольной комиссии, Назарова, начинается кампания по очищению фабрики от «враждебных советской власти и партии элементов» и «разоблачению Люлина»⁷⁷. Под давлением ОГПУ один из его самых близких союзников, Литочкин, комсомолец, предается жалкой самокритике. Он отказывается от Люлина, и даже обвиняет его, под ревящим разъяренного зала, в отходе от профсоюзной линии. Рабочие начинают выступать, защищая Люлина и во всеуслышание протестуют против атмосферы запугивания, создавшейся на фабрике, где отныне велика опасность оказаться в «черных списках». По словам одного из рабочих, выразившего мнение многих, «критику нужно проводить очень осторожно, а то за эту критику попадаешь в Соловки»⁷⁸. В то же время другой с угрозой добавляет: «Тов[арищи] коммунисты, вы хотите нас запугать, как Николай II, но до этого мы не допустим»⁷⁹. Велика ярость рабочих, но тем не менее именно с собрания 2 февраля начинается поворот в сторону «нормализации», под которой партия понимает подчинение непокорной фабрики, гордой своим революционным прошлым. Именно на этом собрании была одобрена резолюция, ставшая основой для будущих репрессий против рабочих.

Резолюция, посвященная Ноябрьскому пленуму ЦК, который положил начало разгрому правой оппозиции во главе с Бухариным, Рыковым и Томским, одобрила проводимую правительством политику индустриализации и отвергла любые претензии на законность рабочего протеста против этой политики. Согласно уже устоявшейся практике, протест рабочих объясняется их *отсталостью*, поскольку, будучи *несознательными*, рабочие не в состоянии увидеть свои «настоящие» классовые интересы, а

---

⁷⁶ С этой точки зрения показательным является предложение Литочкина, одного из соратников Люлина, внести в резолюцию о самокритике уточнение, что она не может быть использована ни для исключения из профсоюза, ни для увольнения рабочих – предложение, от которого, однако, председатель фабричного комитета Антонов ловко уклонился (ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.7. Пор.754. Л.63).

⁷⁷ РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.297. Л.58–59; Д.325. Л.71–72.

⁷⁸ ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.7. Пор.754. Л.67.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.297. Л.59.

именно: строительство социализма таким, каким его понимают большевики у власти. Если рабочие выступают против уплотнения труда, если они требуют увеличения зарплаты или хлебного пайка, как это происходит на «Красном Перекопе», причина тому – *отсталость*, несознательность. И этой отсталостью пользуются, продолжает резолюция, «враждебные» пролетариату и советской власти «элементы», которые, используя демагогию, увлекают за собой значительную часть рабочих, создавая тем самым трудности правительству. Все условия для превращения Василия Ивановича и его сторонников в подлежащих изгнанию «врагов народа» готовы. И это еще не все. Резолюция одобряет также чистку, решение о которой принято на пленуме, и требует даже, по настоянию городской партийной организации, ускорить чистку на фабрике, чтобы освободить ее от «всех примазавшихся элементов»⁸⁰.

Хотя собрание 2 февраля знаменует первую победу партии и является, в каком-то смысле, поворотным моментом, путь к «нормализации» далек от того, чтобы быть гладким и без препятствий⁸¹. Дела удастся нормализовать только внешне. Начиная с февраля месяца, партии удастся вернуть себе контроль над фабричными собраниями, устранив (или, по крайней мере, уменьшив) открытые проявления рабочего протеста. Результат этот был достигнут одновременным применением запугиваний и репрессий. Мы не знаем на данный момент, сколько рабочих было уволено или понижено в должности. Но нам известно о массовом использовании инструментов давления, принуждения рабочих по одному подписывать отвергнутые коллективно требования об ускорении темпов производства. Это вызвало среди рабочих такое бешенство, что сам профсоюз был вынужден обратиться с просьбой прекратить подобную практику⁸². Известно и о мобилизации «органов» с целью сломать сопротивление рабочих и постараться изолировать Люлина, тщательно проверив весь штат «Красного Перекопа», чтобы отсеять так называемые «чужеродные элементы» и тем самым подготовить их устранение, на чем в открытую настаивало то же ОГПУ⁸³.

---

⁸⁰ Там же. Д.325. Л.71–72. – Чистка 1929 года, материалы которой были недавно рассекречены, пока еще не изучена.

⁸¹ На этом настаивают как различные доклады ОГПУ, так и доклад о состоянии ярославской партийной организации, написанный в феврале 1929 года все тем же Назаровым, приехавшим проверять ситуацию в качестве представителя ЦКК. (РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Ед. хр.325. ЛЛ.77–78). Настоящий поворот произойдет только после ареста Люлина.

⁸² См., например: ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.7. Пор.754. Л.58.

⁸³ ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.7. Пор.754. Л.93.

Партия получила возможность, по крайней мере внешне, нормализовать обстановку не в последнюю очередь еще и потому, что всей печати постепенно была навязана единая линия, когда между концом 1928 и началом 1929 года наметилось окончательное поражение правой оппозиции. После пленума ноября 1928 года голоса, несогласные с генеральной линией, вынуждены прибегать к эзопову языку, а печать теряет даже ту небольшую самостоятельность, которую она еще имела. В нашем случае речь идет о ежедневном профсоюзном издании «Голос текстильщика», которое поначалу, как мы видели, дало возможность рабочим «Красного Перекопа» выразить свой протест, а сейчас присоединилось к очернителям «люлинцев», изменив свою позицию в соответствии с состоявшейся «нормализацией» профсоюзов. Томский, бывший вместе с Бухариным и Рыковым, лидером правой оппозиции, являлся одновременно и председателем ВЦСПС – организации, наследовавшей выработанные еще до революции традиции культуры труда и защиты рабочего класса. В силу этого ВЦСПС старался, хотя бы частично, насколько это позволяла пусть и ограниченная уже политическая диалектика, противостоять усиленной индустриализации, на которой во что бы то ни стало настаивал Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), противостоять как раз во имя сохранения, пусть и минимального, уровня жизни рабочих. Эту позицию с особой энергией отстаивал именно председатель профсоюза текстильщиков Мельничанский⁸⁴.

Можно говорить только о внешней нормализации, так как недовольство рабочих непрерывно растет в первые месяцы 1929 года вследствие ухудшения условий жизни. Ужесточение ритма труда, закручивание гаек в отношении дисциплины на фабрике (было достаточно опоздать на 10 минут, чтобы оказаться перед закрытыми воротами и получить штраф за прогул), незначительное увеличение зарплаты при постоянном росте цен, хроническая нехватка продовольственных продуктов первой необходимо-

---

⁸⁴ К сожалению, эта сторона вопроса, столь важная для реконструкции возникновения сталинизма, практически не исследована: в нашем распоряжении нет даже истории профсоюзов или ВСНХ в двадцатые годы, так как старые советские работы, полные умолчаний и полуправды, просто непригодны для использования. Мои утверждения основываются на том, что мне удалось увидеть в архиве в фонде профсоюзов, в архиве профсоюза текстильщиков и в архиве Министерства труда, находящихся в ГАРФе. Что касается позиции Мельничанского, см. его выступление на совещании по поводу конфликтов в текстильной отрасли, созванном в октябре 1928 года в Орграспредотделе Центрального Комитета (РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.305. Л.4–9). Согласно некоторым источникам, в связи с конфликтом на «Красном Перекопе» Мельничанский даже защищал Люлина (ср., например: РГАСПИ. Ф.17. Оп.20. Д.596. Л.181; ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.7. Пор.754. Л.67).

сти, и прежде всего хлеба, наряду с постоянным ухудшением качества питания, вызывают раздражение рабочих, вынужденных к тому же выстаивать огромные очереди у фабричного магазина⁸⁵. Нужда в хлебе становится месяц от месяца все более острой; очереди неумолимо растут. В марте снижают размер хлебного пайка, в том числе и на детей. В очередях вспыхивают ссоры и драки, сопровождаемые криками и приступами гнева по отношению к коммунистам, которых засыпают оскорблениями и называют «толстопузыми чертями» и «толстыми мордами»; звучат горькие жалобы матерей, чьим голодным истощенным детям угрожает туберкулез⁸⁶. Все в том же марте месяце, с переходом так называемой «новой фабрики» на 7-часовой рабочий день с тремя сменами, ритм труда ускоряется еще больше; пожилые женщины-работницы плачут, потому что не успевают следить за машинами, которые вращаются все быстрее и быстрее⁸⁷. Время от времени бешенство рабочих вырывается наружу, как о том свидетельствуют тщательно собранные полицейскими осведомителями фразы, в которых звучит глубокая враждебность по отношению к коммунистам, воспринимаемым как новые господа. Но, главное, протест рабочих, лишенный какого бы то ни было средства выражения, принимает форму пассивного сопротивления. Вынужденные молчать, рабочие сбегают с мероприятий и собраний, срывают организованные партией кампании. Например, кампания по переизбранию депутатов в советы в январе–феврале превращается в настоящее бедствие для партии. Избирательные собрания проваливаются одно за другим, потому что избиратели не приходят на них, тем самым заставляя партию созывать все новые и новые, а результаты по-прежнему не очень-то обнадеживают: например, из 1600 рабочих первой смены старой фабрики на собрание приходят всего 160, и на следующий день, после проведенной партией работы, их немного больше, но всего 260 человек⁸⁸.

И суть протеста совершенно ясна. Рабочие совершенно не хотят быть статистами в жалком спектакле, где все уже решено заранее, придавая законную силу решениям, принятым в другом месте. Как объясняет один из рабочих, «партийцы командуют, и мы должны подчиняться. Везде и всюду назначают партийцев, вот это и отталкивает нас от собраний»⁸⁹. Партия вынуждена назначить новые выборы. Чтобы рабочие не могли сбежать с собраний, их организуют в рабочее время. «Красный Перекоп»

---

⁸⁵ ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.7. Пор.754. Л.16–17, 20, 23–24, 49–51, 58, 90, 92.

⁸⁶ Там же. Л.92, 106–107.

⁸⁷ Там же. Л.105–106.

⁸⁸ ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.7. Пор.754. Л.89–90, 119.

⁸⁹ ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.7. Пор.754. Л.90.

целиком останавливают на полтора часа, которые затем рабочим придется отработать в праздничные дни, что вызывает еще одну волну недовольства: «Сами коммунисты не могут заинтересовать рабочих так, чтобы те ходили на собрания, так опять давай с рабочего тянуть. Они только и знают тянуть с рабочего»⁹⁰. И хотя непосредственно эта мера увенчалась успехом и удалось достичь 90% присутствия рабочих на собрании, коммунистам еще рано праздновать победу. Они не только вынуждены слушать неприятные для них враждебные выступления, но и кандидатов их постоянно освистывают, а из 60-ти избранных лишь 14 являются членами партии, в то время как товарищей Люлина проходит целых 5 человек⁹¹.

Арест Люлина и протест рабочих

Протест рабочих в первые месяцы 1929 года становится, по-видимому, все более радикальным, приобретая политический оттенок. Это видно, например, из требования свободы

печати, ясно сформулированного во время развязанной газетами кампании по обвинению Люлина. Кампании, позволившей увидеть, как беззастенчиво партия использует средства массовой информации, на что рабочие реагируют, как раз требуя свободы печати, которая позволит остановить злоупотребления⁹². В более общем плане яростная кампания, целью которой было представить Люлина воплощением зла, превратилась для партии в бумеранг. Как вынуждено будет признать само ОГПУ, «дальнейшие попытки дискредитировать Люлина перед массами... только увеличивали его авторитет и группировку а/с настроенных лиц». В результате Василий Иванович превратился в глазах рабочих в «героя, борца за рабочих, преследуемого властью»⁹³.

Люлин превратился в признанного лидера рабочих, выразителя глухого сопротивления политике усиленной индустриализации; число его сторонников среди работников «Красного Перекопа» все время росло, а предпринятые партией с начала года попытки нормализовать ситуацию не дали результатов. Это и стало причиной решения о его аресте⁹⁴. Накануне ареста, 9 июня, Василий Иванович снова выступал на собрании фабрики и снова говорил об ухудшении условий жизни рабочих, жестко нападал на правительственную политику индустриализации, выступал против перво-

---

⁹⁰ ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.7. Пор.754. Л.90.

⁹¹ Там же. Л.91.

⁹² Там же. Л.118.

⁹³ ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.8. Д.738. Л.58, 60.

⁹⁴ ГАЯО. Д.С-8597. Л.93.

ЯРОСЛАВСКИЙ РАБОЧИЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЛЮЛИН

го пятилетнего плана и «соцсоревнования» среди рабочих. Как сообщил старательный осведомитель ОГПУ по кличке «вождь», ни на шаг не отходивший от Люлина, этот последний повел за собой рабочих и нанес очередное поражение партии. Как и обещал Василий Иванович в присутствии нескольких своих верных товарищей, он выставил в жалком виде докладчика, секретаря партийной организации Ярославля, который не смог закончить своей речи из-за криков и свиста рабочих. Выступление же Люлина, напротив, было встречено бурными аплодисментами. В конце собрания рабочие отвергли предложенную партией резолюцию с одобрением пятилетнего плана и присоединения «Красного Перекопа» к популярному тогда «социалистическому соревнованию»⁹⁵. Опасаясь судьбы великана Голиафа, побежденного рабочим Давидом, и не видя другого способа справиться с сопротивлением рабочих, партия отложила в сторону сомнения и отдала приказ об аресте Василия Ивановича. В кратком объяснении, которое сопровождало ордер на арест, говорилось о «явно открытой контрреволюционной агитации», которой Василий Иванович запятнал себя, настраивая рабочих против пятилетнего плана, и подчеркивалось, насколько он опасен: его необходимо убрать, чтобы не дать ему возможности вредить и «лишний раз осложнить положение» на «Красном Перекопе»⁹⁶.

Новость об аресте сразу же наутро распространилась на фабрике. Теща Василия Ивановича рассказала об этом кучке рабочих: «Мой зять Люлин сегодня ночью арестован ГПУ, совершенно никто не знает за что, у него осталась семья из четырех человек, жена без работы, на что будем жить, совершенно не знаем!» Для рабочих наступил горький час поражения. Хотя осведомители уверяли, что большинство поддержало принятую меру, между строк чувствуется, что в реальности дело обстояло далеко не так. Несмотря на пропагандистскую кампанию, срочно организованную, чтобы «разъяснить», что Люлин был опасным контрреволюционером (для этого будет даже выдумана мифическая московская организация, агентом которой он якобы был), среди рабочих находятся и те, кто не боится сказать, несмотря на вездесущих доносчиков, готовых тут же сообщить кому следует, что Василий Иванович был арестован за свои смелые выступления против пятилетнего плана, за то, что защищал рабочих, что не боялся коммунистов, которые теперь мстят ему. «Наш защитник Люлин вчера арестован ГПУ. При этом нужно сказать: его арестовали неправильно, он хороший человек, он всегда говорил правду, что коммунистам не нрави-

---

⁹⁵ Там же. Л.1.

⁹⁶ ГАЯО. S8597. Л.2.

лось», – комментирует один из рабочих. А другой добавляет: «Коммунистам не понравилось, что Люлин говорил правду и резал им все в глаза, так его сейчас арестовали. Вот вам и критика, власть говорит: критикуйте все, что вам не нравится, а за критику забирают. Это неправильно». Есть и те, кто, охваченный яростью, смело хватается за грудки членов партии, с сомнительной иронией говоря: «Почему вы не расстреляете Люлина за то, что он Вас разбил на конференции?». Кое-кто, забывая об опасности, решается на открытые угрозы: «Не хочу видеть такого безобразия, которое творится у нас на фабрике, арестовывают хороших людей, а за что – совершенно зря. Тов[арищи]. коммунисты скоро дождутся, что у рабочих может терпения [не хватить] и им будет крах, все рабочие ждут войны, и как только получат в руки винтовки, то будут бить этих паршивых коммунистов». Приходит в действие механизм рабочей солидарности. Начинается сбор подписей за освобождение Люлина и сбор денег в помощь его семье. Но чем закончились эти инициативы, мы не знаем, так как партия их немедленно пресекла⁹⁷.

Не имеется никаких сведений о коллективных формах протеста, таких как забастовка, которую грозились устроить, но не устроили, вероятно, из-за угроз и репрессий, а может быть, из-за глубокого неверия в возможность воздействовать на реальность коллективными действиями. Знаменательно, что в связанных с этим разговорах рабочих все время присутствует мысль о войне как освобождении, войне долгожданной именно потому, что она, по их мнению, может перевернуть ситуацию, изгнав новых хозяев, как если бы теперь спасение могло прийти только извне. «Вот, его убрали, – говорит один из рабочих, комментируя арест Люлина, – а мы молчим, как дураки. Скорей бы была война, передушили бы всю эту сволочь!»⁹⁸ Несмотря на обстановку устрашения, одна попытка организовать коллективное выступление, хотя и задушенная в зародыше, все же была. Несколько дней спустя после ареста Василия Ивановича, 15 июня, на территорию фабрики через забор ночью бросили кое-как завязанный веревкой сверток. Там было пять листовок, написанных от руки химическим карандашом⁹⁹. Это были листовки «контрреволюционного характера», призывавшие рабочих возобновить борьбу за свободу.

«Борьба за существо[вание]. Товарищи рабочие, не забыли ли Вы, за что боролись, за что проливали кровь, за свободу, за улучшение рабочего быта всего мира, за освобождение из-под ига капитала и за слова свобода, теперь выходит все на старое, к крепостному праву, не стали давать гово-

⁹⁷ ФГАЯО-ЦДНИ. Ф.1. Оп.27. Д.3312. Л.105–107.

⁹⁸ Там же. Л.106.

⁹⁹ Там же. Л.107.

ЯРОСЛАВСКИЙ РАБОЧИЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЛЮЛИН

ритель правду, не стали давать, что требуется рабочему для жизни, стали нажимать крепче, увеличивать выработку товара, а уменьшать заработки, уплотнять стали донельзя, на каждом шагу замечания ставят, проводят состязания, а больше пока ждать хорошего нечего, пока не выступите в бойню и забастовку. Рабочий "Кр. Перекопа"¹⁰⁰.

Далее в листовке идут еще инструкции. Анонимный рабочий призывает товарищей готовиться к часу «ч», когда, говорит он, мы закроем фабрику и выгоним их. Тогда, добавляет он, «будем бить советских капиталистов <...> угнетателей рабочих масс» и потребуем, наконец, увеличения зарплат, прекращения ночных смен и уплотнения рабочего дня. Призыв кончается напоминанием о старой революционной традиции союза с крестьянами, и в формулировках чувствуется влияние левой оппозиции («Товарищи рабочие, вас ждет все крестьянское население к выступлению против советской буржуазии и бюрократии»). А в заключении слышится нота удивления перед отсутствием реакции на Апокалипсис, который, как кажется, уже обрушился на страну. «Неужели вы не поймете то, что происходит?» – спрашивает автор, прежде чем добавить: «... хлеба не проси, арестуют»¹⁰¹. Послание тем не менее так и не дошло до своего адресата, поскольку внимательный ночной сторож быстро подобрал его и передал куда следует.

Ссылка и гибель

Что касается Василия Ивановича, то он, после короткого следствия, был осужден внесудебными органами ОГПУ на 3 года ссылки в северных областях за «антисоветскую агитацию» на основании статьи 58/10 Уголовного кодекса¹⁰². Отбывать наказание его отправили в Великий Устюг, где он работал механиком на фабрике

---

¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.297. Л.56.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² ГАЯО. Д.88597. Л.109. – Люлин был осужден Особым совещанием ОГПУ по предложению ОГПУ Ярославля. Особое совещание было создано в 1924 году при ОГПУ для того, чтобы заниматься целым рядом преступлений, считавшихся особо опасными, к которым относились и «контрреволюционные», и «антисоветские». Особое совещание состояло из трех членов Коллегии ОГПУ и могло приговорить к ссылке, депортации, заключению в лагерь до трех лет; в последующие годы эти полномочия постоянно будут расширяться. Число приговоренных Особым совещанием будет головокружительным образом расти во второй половине двадцатых годов: с 9 366 в 1924 году до 13 102 в 1926-м, а в 1929 году достигнет 37 197 человек (Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991: Справочник / Кокурин А.И., Петров Н.В. – сост. и предисл. М.: Материк, 2003. С.5–6, 37).

и вместо того, чтобы раскаяться и постараться искупить свою вину, продолжал бесстрашно настраивать рабочих и других ссыльных против советской власти и пятилетнего плана. «Мы голы и босы, нет у нас достижений, а есть упадок. Жизнь рабочим и крестьянам теперь не сладка, – достается от пятилетки: от мужика отбирается последнее, а рабочего заставляют работать сверх сил, рабочие Англии и Франции находятся в лучших условиях, чем в СССР»¹⁰³, – говорит он, согласно отчетам осведомителей. Подобную агитацию ОГПУ сочло весьма неуместной и предложило оставить Люлина под специальным наблюдением и после освобождения¹⁰⁴.

После отбытия наказания Василий Иванович был сослан на три года в Кострому, приблизительно в ста километрах от Ярославля, куда наш герой, будучи человеком свободным и гордым, ездил, когда хотел, не спрашивая, естественно, к большому разочарованию ОГПУ, ничьего разрешения. И его присутствие в Ярославле, где еще в начале 1933 года ситуация была весьма далека от мирной, сочли опасным, так как он мог снова возглавить рабочих¹⁰⁵. Однако Василий Иванович рискнул еще раз испытать судьбу. И переборщил, тайно вернувшись в Ярославль, где и был арестован в 1934 году и осужден на 5 лет лагерей. Оттуда он не вернулся. Вероятно, был расстрелян в 1937, когда во время большого террора к стенке поставили многих заключенных, осужденных за антисоветские преступления. Люлин был реабилитирован только в 1993 году, когда советский режим уже прекратил свое существование¹⁰⁶.

**Советская власть и рабочие:
к генезису сталинизма**

Что же, кроме пусть и самого святого права на память, показалось мне столь важным в истории Василия Ивановича Люлина и заставило терпеливо, по кусочкам разгадывать тайну его жизни, восстанавливая, как в головоломке, общую картину? О чем еще говорит нам эта судьба, помимо того, что случилось с простым рабочим из города Ярославля? Для того, кто стремится разобраться в запутанном клубке российской послереволюционной истории и, в частности, проследить процесс генезиса сталинизма, испытания, выпавшие на долю Люлина, по самым разным причинам представляют огромный интерес. Рассказанное здесь, прежде всего, проливает свет на до сих пор неизвестный для многих аспект истории тех лет. А именно: остроконфликтный

---

¹⁰³ ГАЯО. S. 8597. Л.111.

¹⁰⁴ Там же. Л.111–112.

¹⁰⁵ Там же. Л.114–115.

¹⁰⁶ ГАЯО. S. 8597. Л.118.

характер взаимоотношений между рабочими и советской властью. И в частности, сопротивление, оказанное начатой во второй половине 20-х годов политике модернизации экономики в рекордные сроки; политике, проводившейся без оглядки на высокую социальную цену, которую надо было за это заплатить.

И правда, отношение рабочих к тому, что в ту эпоху называлось диктатурой пролетариата, было одним из главнейших табу официальной истории в Советском Союзе, потому что болезненно затрагивало проблему легитимации режима. Большевицкая диктатура обосновывалась в рамках идущего от Маркса телеологического понимания истории. Согласно ему, капитализм, поработивший людей, подчинив их законам прибыли, благодаря революции должен был смениться на социализм – царство свободы, строить которое предстояло рабочему классу, освобождающему все человечество от бывшего рабства. Тем не менее, поскольку рабочий класс, ввиду своего зависимого положения в эпоху капитализма, не имел возможности созреть как правящий класс, он должен был после революции делегировать власть своему передовому отряду – коммунистической партии. Последняя являлась, согласно большевистской доктрине, носителем *подлинных* интересов этого класса и необходимого для построения социализма *научного* знания, а именно: марксизма-ленинизма. Большевицкая диктатура, следовательно, была легитимна в той мере, в какой она воплощала власть рабочих.

Однако протест рабочих против политики, осуществлявшейся руководством страны во имя абстрактного класса, постоянно грозил, в глазах самих большевиков, поставить под вопрос легитимность их власти. Я не говорю уже о проблемах с самоидентификацией, создаваемых непризнанием со стороны рабочих, во всяком случае для старой гвардии большевиков. Центральная роль, которую доктрина отводила пролетариату, как раз и делала категорически неприемлемым всякое сопротивление со стороны рабочих. Отсюда изнурительные попытки отрицать его, сводить все конфликты к проблеме отсталости, несознательности, которые, в свою очередь, неизбежно возводились к непролетарскому социальному происхождению протестующих и сопровождались бесконечными изысканиями по поводу того, что же определяет социальную принадлежность – происхождение или собственная деятельность. Отсюда и не менее изнурительные попытки любой ценой сделать рабочих «сознательными», убеждая их в правильности политики партии. Поразительно, насколько, в том числе и в случае «Красного Перекопа», основная причина протеста рабочих усматривается не в ухудшении условий жизни и труда, но в том, что партия и профсоюзы недостаточно проводили разъяснительную работу, убеждая

рабочих в необходимости пойти на жертвы добровольно. И это основной мотив, постоянно возникающий во всех докладах, написаны ли они рукой местных партийных начальников, или присланных из Москвы инспекторов, или сотрудников ОГПУ. И именно поэтому для выхода из тупика все они предлагали одно и то же средство: подавлять, конечно, но и усиливать «массовую работу», для чего просили прислать из Москвы группы опытных пропагандистов¹⁰⁷.

Рабочий протест представлял большую опасность, так как угрожал дестабилизацией и в идеологическом, и в политическом плане. Поэтому с самого начала он подвергался цензуре как из боязни «заразы», так и для того, чтобы не «портить» картину поддержки диктатуры со стороны рабочих. В печати той эпохи почти ничего нельзя найти о конфликтах и протестах¹⁰⁸. Если проглядеть номера «Северного рабочего», ежедневного партийного издания Ярославля, за последние месяцы 1928 года, там не найти и следов истории, которую мы только что рассказали, за исключением текстов, призванных рассказать о недостойном поведении Люлина. Чтобы не могла просочиться никакая информация о протестах, в 1927 году, по случаю 10-й годовщины революции, был принят ряд мер, сделавших подобные явления «невидимыми». Систему регулярного фиксирования конфликтов на производстве, действовавшую еще с дореволюционных времен, отменили, число обследуемых предприятий уменьшили. Высшей точки этот процесс достигнет в 1929 году, когда протестные выступления и конфликты станут государственной тайной, которую будет ревностно охранять ОГПУ и сообщать о них только тем, кому следует¹⁰⁹. В конце 20-х годов печать, уже находившаяся под полным контролем партии, пережила еще одно «закручивание гаек» и превратилась в простое средство пропаганды, потеряв то двойное назначение, которое поначалу имела. А именно: быть одновременно и средством информации, и средством пропаганды, при исключительном преимуществе второй составляющей¹¹⁰. Как и вся пропагандистская машина, в 1929 году печать становится

¹⁰⁷ По просьбе партийного комитета Ярославля, чтобы мобилизовать рабочих «Красного Перекопа» и восстановить партийную организацию на фабрике, летом 1929 года Центральный Комитет направил специальную группу агитаторов и пропагандистов. Однако операция, по-видимому, не дала положительных результатов (РГАСПИ. Ф.17. Оп.20. Д.596. Л.185 е; Д.616. Л.113 е и след.; Оп.74. Д.2. Л.62–68).

¹⁰⁸ Так, например, было подсчитано, что 96% всех конфликтов, имевших место с 1922 по 1924 год, подверглись цензуре в печати (Ср.: Розенберг В. *Формы и способы рабочего протеста в России, 1918–1929 гг.* // Кирьянов Ю.И., Розенберг В., Сахаров А.Н. *Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг.* М.: Едиториал УРСС, 1998. С.10).

¹⁰⁹ Кирьянов Ю.И., Розенберг В., Сахаров А.Н. *Указ. соч.* С.3, 5, 6.

¹¹⁰ Печать изменила свой статус между 1927 и 1928 годами в результате деятельности

на службу индустриализации и I пятилетнего плана, чтобы воодушевить рабочих на подъем производства.

Прославление энтузиазма рабочих, окрыленных перспективой индустриализации, иллюстрируемое непрерывным шествием молодых сильных, мускулистых и улыбающихся героев – рабочих-ударников, участвующих в социалистическом соревновании за увеличение производственных показателей и т.п., – доминирующая тема всех пропагандистских материалов эпохи: от печати до литературы, кино и искусства. Такое изображение рабочих – пламенных борцов за индустриализацию – в противовес другим отсталым социальным группам имело двойную функцию. С одной стороны, оно должно было уничтожить всякие следы рабочего сопротивления, которое, насколько можно судить по первым исследованиям, как раз усилилось именно в эти годы. С другой стороны, создать картину массовой поддержки рабочими режима, что, в свою очередь, преследовало разные цели. Во-первых, тем самым снова «подтверждалась» пролетарская природа режима и легитимизировалась предпринятая политика модернизации. Во-вторых, оказывалось давление на трудящихся с тем, чтобы они вели себя в соответствии с образцами, предлагаемыми пропагандой.

Эта двойная функция видна на примере тома, посвященного «Красному Перекопу» в знаменитой серии «История фабрик и заводов», опубликованной под руководством М.Горького. В тридцатые годы в ней были выпущены книги о важнейших предприятиях страны¹¹¹. Издание, посвященное «нашей» фабрике, рассказывает о конфликте между настоящими рабочими, готовыми принести себя в жертву для увеличения объема производства, и вероломными «люлинцами», желавшими обманом заставить первых свернуть с правильного пути¹¹². Подхваченная и растиражированная системой пропаганды, картина рабочего энтузиазма в великой эпохе индустриализации в конце концов стала безоговорочно доминировать и превратилась в одно из общих мест советской историографии. До самого

руководителей Отдела печати Центрального Комитета, С.Гусева и С.Ингулова. По их мнению, задачей печати в эпоху индустриализации является мобилизация рабочих на производстве. Превращенная в простой инструмент пропаганды, печать была тогда жестко подчинена Агитпропу, который именно в 1928 году слился со старым Отделом печати (См.: На новые пути. Печать как орудие мобилизации масс: Сборник статей / Под ред. С.И.Гусева. М.; Л., 1927; Ингулов С. Партия и печать. М., 1928; Его же. Реконструктивный период и задачи печати. М.; Л., 1920; Его же. Реконструктивный период и задачи печати. М.; Л., 1930.)

¹¹¹ Об этой серии книг см.: Журавлев С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М. ИРИ РАН, 1997.

¹¹² Паялин Н.П. Волжские ткачи. 1722–1917. М., 1936; Федорович В.Ф. Волжские ткачи. Фабрика «Красный перекоп», б. Ярославская большая мануфактура 1918–1932. М., 1935.

распада СССР социальные конфликты и отношение рабочих к режиму были для советских историков одним из главнейших табу. Что же касается западных ученых, то в их распоряжении не было источников, позволяющих обсуждать подобные проблемы, поскольку газеты того времени хранили полное молчание. Только в последние годы, когда, вслед за крушением СССР, архивы были открыты, историки смогли начать работать над этой темой. Она представляется ключевой для понимания истории 20-х годов. Ведь как раз, ввиду центрального положения рабочих в большевистской картине мира, их отношение к власти имело особое значение и влияло на принятие политических решений¹¹³. Речь идет о безграничном и совершенно нетронутом поле для исследований, которое еще только предстоит распахать. И это относится, прежде всего, к годам великого сталинского перелома, поскольку до сих пор проводившиеся изыскания касались лишь самых первых послереволюционных лет¹¹⁴. Только в последнее время начали исследовать более поздний период. Некоторые работы, появившиеся, когда эта статья уже была написана, заслуживают упоминания.

Среди прочих речь идет о прекрасной работе Даяны Кёнкер о типографских рабочих со времен революции до великого сталинского перело-

¹¹³ Розенберг В. Указ. соч. С.14. См. также: Rosenberg W.G. Labor activism in Piter, 1918–1929: toward a new understanding of the «proletarian dictatorship» // Сахаров Е.И., Помолов С.И., Розенберг В.Г., Черняев В.Ю. Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С.30–38. – Билл Розенберг – один из тех, кто больше всего способствовал и инициировал исследования в этом направлении. Первые сборники статей по данной проблеме выходили под его редакцией.

¹¹⁴ Помимо уже цитировавшихся работ, см., например: Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М.: Собрание, 2006; Гоголевский А.В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005; Ижевско-вожжикское восстание. 1928 г. / Под ред. В.Ж.Цветкова. М.: Посев, 2000; Чураков Д. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М.: РОССПЭН, 2004; Яров С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Следует особо отметить значение опубликованного Д.Б.Павловым сборника документов, посвященного движению так называемых «уполномоченных», избравшихся на фабриках, главным образом в Петрограде, весной 1918 года. Это было самостоятельное движение с участием значительного количества меньшевиков и эсеров, которое большевики очень скоро подавили (Рабочее оппозиционное движение в большевистской России 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы / Павлов Д.Б. – ред.-сост., вступ.ст. М.: РОССПЭН, 2006).

ма и о книге Джеффри Россмана, посвященной рабочему сопротивлению в годы первой пятилетки¹¹⁵. Следует также вспомнить труды некоторых российских ученых, которые, однако, продолжая линию старой международной историографии рабочего движения, предпочли сосредоточиться на мотивациях и стимулах к труду¹¹⁶.

История Люлина показывает, как важно исследовать вопрос об отношении рабочих именно к «великому перелому». Восстановленная нами цепочка событий наводит на мысль о новом подходе к пониманию генезиса сталинизма, который и по сию пору, если не считать чисто идеологических текстов, не представляющих большой эвристической ценности, остается одной из крупнейших неразгаданных проблем в истории XX века. А именно: установление сталинской диктатуры было конечной точкой развивавшегося по спирали и становившегося все более радикальным политического и социального конфликта, вызванного глухим сопротивлением рабочих (и, шире, всего общества) тому проекту модернизации, который навязали стране большевики.

Случай «Красного Перекопа» является с этой точки зрения показательным, потому что позволяет увидеть через увеличительное стекло микроистории возникновение и динамику того, что я назвала *спиралью радикализации*. Увеличение нагрузки на работе, вызванное уплотнением производственного процесса, вызывает протест рабочих, которых партия пытается заставить молчать, используя авторитарные методы (принуждение к новому собранию, чтобы провести нужную партии резолюцию и отменить результаты собрания, на котором рабочие выразили свою волю). Авторитаризм, в свою очередь, вызывает волну ярости среди рабочих, способствуя радикализации позиций. Это проявляется на собрании, которое неожиданно голосует за отправку в Москву делегации (для прояснения вопросов с поставками продовольствия) и освистывает секретаря парткома. Тогда партия пытается вернуть себе контроль над ситуацией, прибегая к репрессивным мерам (усиливается политический надзор на фабрике; Лю-

---

¹¹⁵ Koenker D. *Republic of Labor. Russian Printers and Soviet Socialism, 1918–1930*. Ithaca; L.: Cornell Un.Pr., 2005; Rossman J. *Op. cit.* – Россман, чье исследование посвящено волнениям рабочих, прокатившимся весной 1932 года по нескольким самым крупным текстильным фабрикам Ивановской области (к которой по административной реформе 1929 года была присоединена также Ярославская область), и, в частности, забастовке на Тейковской мануфактуре и восстании в Вичуге, «встречался» также и с Люлиным и написал его краткий портрет.

¹¹⁶ См., например: Маркевич А., Соколов А. «Магнитка близ садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М.: РОССПЭН, 2005; Журавлев С., Мухин М. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938. М.: РОССПЭН, 2004.

лин, как уже говорилось, находится под пристальным наблюдением и ожидает ареста). Рабочие реагируют: выбирают (снова неожиданно) Василия Ивановича делегатом съезда профсоюзов и проваливают кандидата от партии. Та, в свою очередь, мобилизует все имеющиеся в ее распоряжении средства, чтобы навязать рабочим свою волю и заставить их отречься от Люлина. Но в то же время она хочет соблюсти внешние формы демократического функционирования профсоюза (впрочем, как и других институтов), что заставляет ее до поры до времени изворачиваться. Действуя таким образом, партия и дальше теряет доверие и авторитет в глазах рабочих. Последние занимают еще более радикальные позиции и в конце концов добиваются своего, посылая Люлина на съезд. Тогда партия делает следующий шаг и все более открыто прибегает к репрессиям, обращаясь в ОГПУ с просьбой провести на фабрике чистку. Спираль закручивается все больше, поведение партийных руководителей подталкивает рабочих к крайним позициям, приобретающим политический оттенок, а Люлин становится признанным лидером. И так далее, вплоть до ареста Василия Ивановича. Именно во время этой серии цепных реакций, которую я называю *«спиралью радикализации»*, формируются и утверждаются, шаг за шагом, те самые репрессивные практики и те самые механизмы упорядочивания жизни общества и контроля над ним, установление которых является признаком прихода сталинской диктатуры.

Эта гипотеза, преимущество которой в том, что она возвращает генезису сталинизма динамический характер, проливая свет на сложное сплетение связей между властью в ее различных проявлениях и обществом, требует, естественно, подтверждения в серии исследований. Такие исследования позволили бы увидеть, прежде всего, можно ли и насколько обобщать картину, которая вырисовывается из истории Люлина. То есть протест рабочих против «великого перелома», который кладет начало *«спирали радикализации»*. Только такие работы позволят оценить, насколько рассказанная здесь история может считаться репрезентативной в более общем плане. Они позволят уточнить размах рабочего сопротивления в стране – во скольких и каких отраслях оно имело место и так далее, чтобы, в конце концов, попробовать понять, насколько сильно было влияние этого процесса на очень подвижное в то время равновесие между властью и обществом, и лишь затем обсуждать его значение в генезисе сталинизма.

Окажись верной гипотеза об определяющей роли, которую сопротивление рабочих (и, шире, всего общества) сыграло в установлении сталинской диктатуры, она позволила бы также по-новому взглянуть на проблему сопоставления сталинизма с другими тоталитарными режимами, воз-

никшими в Европе в период между двумя войнами. Если действительно сталинская диктатура была тем окончательным ответом, который в конце 20-х годов большевики у власти сумели дать на глубокий социальный кризис (вызванный напряжениями, возникшими в результате модернизации), тогда можно говорить о сталинизме как об одном из проявлений того более общего «кризиса классической модерности»¹¹⁷, плодом и одновременно симптомом которого была Первая мировая война.

Подобное прочтение сталинизма подразумевает целый ряд следствий, из которых два заслуживают, чтобы на них остановились отдельно.

Первое. Сталинизм перестает существовать в одной только исторической длительности российской истории, как мы довольно прочно привыкли считать ныне. Его не следует сводить к восточному варварству. Он принадлежит истории западной модерности. Сталинизм был порожден большевистской революцией, однако это не значит, что между ними есть жесткая причинно-следственная связь. Детище той самой революции, которая обещала эмансипацию всего общества, сталинизм был, с этой точки зрения, крайним экспериментом западной модерности, базировавшейся на представлениях о человеческом всемогуществе, о возможности ковать новых людей и создавать райскую жизнь будущего.

Такое прочтение сталинизма – я перехожу ко **второму** следствию – могло бы способствовать, в более общем плане, тому, чтобы переформулировать понятие тоталитаризма, который в такой перспективе представляется формой реакции на кризис модерности, столь мучительно переживаемый Европой на заре XX века. И это позволило бы, наконец, преодолеть апории тоталитарной теории, унаследованной от холодной войны, и вернуть тоталитаризму его эвристическую ценность, сделав его одной из интерпретационных парадигм истории первой половины прошлого столетия, способной служить общей рамкой, внутри которой можно сравнивать и понимать, во всем их разнообразии, опыт развития режимов тоталитарного типа.

Перевод с итальянского Елены Балаховской.

---

¹¹⁷ В том смысле, в котором это выражение употреблял Демлев Й.К. Поикерт (Peukert D.J.K. *La repubblica di Weimar. Anni di crisi della modernità classica*. Torino: Bollati Boringhieri, 1996). Я также многим обязана книге Петера Вагнера, на мой взгляд, многое проясняющей (Wagner P. *Liberté et Discipline. Les deux crises de la modernité*. Paris: Métailié, 1996).

Кризис, начавшийся под влиянием одного фактора, влечет за собой мощный попутный ветер других обстоятельств, когда все отдельные участники кризиса остаются в полном неведении относительно той силы, которая будет определять ход событий. И отдельные субъекты, и массы в общем списывают на счет последнего предшествующего состояния все то, что их гнетет, в то время как причиной этого являются по большей части такие вещи, в которых сказывается несовершенство самих людей.

**Единственно благодаря слепой
коалиции всех тех, кто хочет
каких-то перемен, вообще
оказывается возможным выбить
клин из-под существующего
положения вещей; без них старые
установления, хороши они или
плохи, утвердились бы навсегда...**

Якоб Буркхардт

Владимир Трофимов

**ПРОБЛЕМЫ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ДВИЖЕНИЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XX ВЕКА**

УДК
329.15

After a brief survey of certain achievements the author examines the process of difficulties built-up and subsequent crisis which hit the Communist movement in the 2nd half of the 20th century. As the author demonstrates, the crisis was caused by the external, objective factors that bore on the movement (abrupt change of the situation in the world and within countries, the diverse anti-Communism(as well as subjective reasons related to the major errors in the parties' activities and activities of the Communist movement as a whole. Among causes of the crisis one has to mention inadequate attention of the parties to changes of the situation, wavering between dogmatism and denial of principles, inability or unwillingness to overcome theoretical and political disagreements that arose among parties etc. The author offers a concise characterization of the Communist movement at the beginning of the 21st century and possible perspectives of the Left movements' development are outlined.

Ключевые слова: коммунистическое движение; международные совещания компартий; антикоммунизм; культ личности; разногласия; еврокоммунизм; кризис.

Key words: the Communist movement; international conferences of the Communist parties; anti-Communism; cult of personality; disagreements; Euro-Communism; crisis.

E-mail: v.a.trofimoff@gmail.com

После Второй мировой войны на протяжении ряда десятилетий коммунистическое движение было весьма влиятельной в мире силой. В первые послевоенные годы это было следствием той роли, которую сыграли коммунисты в борьбе против фашизма, за свободу и независимость своих стран, за благородные идеалы справедливости, равноправия стран и народов, против эксплуатации и угнетения людей.

В дальнейшем влияние коммунистов определялось рядом факторов длительного действия. Прежде всего тем, что в СССР, странах Центрально-Восточной Европы, Китае и некоторых других государствах они играли руководящую роль в строительстве (вначале довольно успешном) социалистического общества.

Именно благодаря усилиям коммунистов человечеству удавалось на протяжении длительного времени избегать крупномасштабных войн и, за редким исключением, серьезных межгосударственных столкновений. Наличие мощного ракетно-ядерного щита у Советского Союза сдерживало гегемонистские устремления любителей навязывать свою волю другим народам вооруженным путем.

В первые послевоенные годы коммунисты входили в состав правительств в Австрии, Бельгии, Дании, Исландии, Италии, Люксембурге, Норвегии, Финляндии, Франции и делали максимум возможного для решения экономических и социальных проблем, для демократизации политического строя, в защиту прав трудящихся. В странах, подвергшихся значительным разрушениям материальных ценностей, на первом плане была «битва за производство», как писал французский министр-коммунист Франсуа Бийу.

В дальнейшем вплоть до конца 70-х годов французские коммунисты получали на выборах более 20% голосов избирателей, а итальянская компартия – от 20% до 34% голосовавших. Значительное влияние в своих странах имели компартии Греции, Финляндии, Португалии (после ликвидации фашистского режима в стране), Кипра.

Коммунисты имели значительный вес в жизни некоторых государств Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна¹. Показателем влияния коммунистов и их идеологии следует считать возросший интерес национально-демократических и революционно-демократических партий, возникших в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки, к марксистско-ленинской идеологии, к опыту решения социально-политических и национальных проблем компартиями социалистических стран.

---

¹ *Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Вьетнам, Индия, Индонезия (до 1965 г.), Куба, Лаос, Непал, Уругвай, Шри-Ланка.*

Не будучи объединены в рамках международной организации, компартии поддерживали между собой тесные связи в различных формах. Это были двусторонние встречи представителей партий, присутствие на съездах, региональные конференции, а также международные совещания коммунистических и рабочих партий (1957, 1960, 1969). В 1947–1956 годах существовало Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ). Оно было создано в сентябре 1947 года на совещании представителей партий² в Польше. Информбюро издавало газету «За прочный мир, за народную демократию» (1947–1956). В 1958–1990 годах компартии издавали журнал «Проблемы мира и социализма».

Встречи, конференции, совещания, совместные издания были средствами обмена опытом работы, обсуждения теоретических вопросов, а порою и выработки общих позиций по острым международным проблемам. И хотя при этом иногда допускались ошибки в оценках событий, в анализе процессов, происходивших в различных группах стран, названный опыт следует признать позитивным в тех случаях, когда он не был связан с навязыванием опыта одной или нескольких партий другим. А это имело место, например, в рамках Коминформа со стороны ВКП (б). Одно из проявлений крупных ошибок – резкое и необъективное осуждение руководства Коммунистической партии Югославии со стороны Информационного бюро³, что привело к изоляции КПЮ и отнюдь не способствовало успеху общего дела.

С конца 40-х годов XX века коммунисты стали сталкиваться с постепенно нараставшими трудностями. Сложности в деятельности компартий и движения в целом были связаны с факторами двух видов. Первый – внешний, не зависящий от самих компартий. Второй – условно говоря, внутренний для коммунистического движения, связанный с состоянием коммунистических партий, их теоретической и практической деятельностью, с характером отношений между партиями различных стран, их отношением к разным политическим силам.

С самого момента возникновения коммунистического движения (середина XIX в.) оно стало объектом атак со стороны имущих классов, правящих сил европейских стран. Достаточно вспомнить о Кельнском процессе, организованном в 1852 году прусскими властями против чле-

---

² Болгарии, Венгрии, Италии, Польши, Румынии, СССР, Франции, Чехословакии, Югославии.

³ См., например: Югославская компартия во власти убийц и шпионов. Резолюция Совещания Информбюро // Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 года. М., 1949. С.23–29.

нов Союза коммунистов. В ходе процесса имела место целая серия «совершенных полицией мошеннических подделок, клятвопреступлений, подделок документов, подтасовок дат, краж и т.д.», каких не было «даже в анналах прусской политической юстиции»⁴.

В пропагандистских целях использовались как реальные ошибки, упущения в действиях компартий, так и клеветнические постулаты, заведомо лживые измышления, ложно трактуемые факты и события, связанные с коммунистами. Все это было рассчитано на обработку граждан с целью подрыва или недопущения роста влияния компартий.

Кроме того, произошли существенные изменения в мире: развитие стран капитала, становление и последующее функционирование стран социализма, возникновение новых глобальных проблем. Эти и многие другие вопросы требовали осмысления, серьезных выводов и быстрых, порою нестандартных решений. Многообразие условий, в которых действовали компартии, требовало дифференцировать стратегию и тактику деятельности с учетом конкретной ситуации.

Обстановка, складывавшаяся в мире с конца 1940-х годов, существенно отличалась от той, в которой коммунистическое движение родилось как массовая политическая сила. Ту обстановку точно охарактеризовал в 1919 году премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж в секретной ноте, направленной президенту США и премьеру Франции. Вот эта характеристика: «...вся Европа насыщена духом революции. Глубокое чувство не только недовольства, но гнева и возмущения царит в рабочей среде против условий, существовавших до войны. От одного конца Европы до другого больше не удовлетворяет массы весь современный строй с его политическим, социальным и экономическим укладом...»⁵.

После Второй мировой войны сложилась совершенно другая обстановка: в капиталистических странах Европы и Америки не существовало революционной ситуации, даже в условиях классового и политического противостояния происходило относительно мирное развитие. В колониальных странах на первый план вышли общенациональные антиимпериалистические задачи борьбы за свободу и независимость, требовавшие создания широких коалиций. В СССР и странах, вставших на путь созда-

---

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.8. С.397–398.

⁵ Цит. по: Первый конгресс Коминтерна. М., 1986. С.208. – В этот период «бури и натиска» родившееся коммунистическое движение взяло на вооружение марксистскую теорию в варианте, обогащенном В.И.Лениным, большевиками и революционерами ряда других стран применительно к обстановке глубокого общественного кризиса, революционной ситуации в основных европейских странах.

ния социалистического общества, центральными стали созидательные социально-экономические и политические вопросы.

Обстоятельства требовали от компартий самого тщательного учета как новой международной обстановки, так и национальной специфики своих стран. Иначе говоря, некоторые общие принципы марксистской теории должны были использоваться не как незыблемые догмы, а как «руководство для действия».

Между тем часть руководящих партийных кадров, воспитанных Коминтерном, который возник в других условиях и действовал не просто как союз партий, но как единая международная партия, недостаточно учитывала специфические особенности различных стран, а теорию рассматривала как сумму незыблемых догм.

Это и многое другое (включая личностные факторы) порождало крупные сложности, которые выше были отнесены к внутренним проблемам коммунистического движения. Коснемся некоторых.

Первое. Значительное число партий Западной Европы и Америки не смогли сделать должные выводы из новой обстановки в мире и в своих странах, не устояли под огнем мощных антикоммунистических атак, не смогли найти свою нишу в общественно-политической жизни стран. В результате их влияние на трудящихся резко ослабело, а сами партии приобрели характер чисто пропагандистских организаций. Речь идет о компартиях таких стран, как Бельгия, Великобритания, Канада, Нидерланды, Норвегия, США, ФРГ и др. Это, безусловно, оказало отрицательное воздействие на вес и влияние коммунистического движения в целом.

Второе. Доклад Н.С.Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г.⁶ имел весьма неоднозначные, в значительной мере негативные последствия для компартий других стран. Начать с того, что в руководстве некоторых партий были не согласны с односторонней резко критической оценкой личности Сталина и его роли в истории Советского государства и коммунистического движения.

Еще более серьезным событием были проявившиеся несколько лет спустя особые позиции руководства Коммунистической партии Китая, его несогласие с целым рядом выводов XX съезда КПСС.

Важно и то, что чем дальше, тем больше разногласия между двумя самыми многочисленными и влиятельными компартиями углублялись и в конечном итоге в начале 60-х годов привели к выработке двух принципиально противоположных стратегических линий, которые каждая из двух конфликтующих партий предлагала всему коммунистическому движе-

---

⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. №3.

нию. В результате вместо делового товарищеского обсуждения важных и сложных проблем между представителями двух партий развернулась острая теоретическая и политическая борьба, серьезно обострившая положение в мировом коммунистическом движении в целом.

В ноябре 1960 года в Москве состоялось Совещание представителей 81 коммунистической партии⁷, на котором было принято Заявление Совещания. В документе давался анализ эпохи, рассматривалась обстановка в трех группах стран, определялись общие задачи работы компартий, а также специфические задачи деятельности в странах капитала и в зоне национально-освободительного, антиимпериалистического движения (Азия, Африка, Латинская Америка). Основу Заявления подготовили представители КПСС. В нем нашли отражение некоторые скорректированные принципиальные положения, содержащиеся в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду:

- о возможности предотвращения новой мировой войны и эффективной борьбы против локальных конфликтов,
- о мирном сосуществовании государств с различным социальным строем⁸,
- о возможности перехода к социализму, «осуществления социалистической революции мирным способом»⁹.

Представители КПК, еще до Совещания заявлявшие о наличии у них расхождений с руководством КПСС и намерении «не повиноваться ошибочным взглядам», на самом Совещании отстаивали свои позиции и в ходе трехнедельных дискуссий добились внесения ряда поправок в текст Заявления. В итоге и делегация КПК подписала этот документ, явившийся результатом компромисса. В целом его следует оценить как попытку поиска некоторых новых подходов к проблемам мирового развития, деятельности партий в различных странах. Вместе с тем в Заявлении имелись несомненные недочеты, слабости, ошибочные положения.

В целом документ недооценивал возможность развития капитализма по восходящей и создавал чрезмерно радужную картину положения в СССР и других социалистических странах, в которых будто бы не было проблем и противоречий.

Руководство КПК, одоблившее на пленуме ЦК (январь 1961 г.) итоги Совещания, в 1962–1963 годах развернуло резкую критику политической

---

⁷ В нем участвовала и делегация КПК во главе с Лю Шао-ци.

⁸ Определенном на XX съезде как «генеральная линия внешней политики нашей страны».

⁹ На XX съезде говорилось «о возможности использования и парламентского пути для перехода к социализму».

линии ряда компартий¹⁰, обвиняя их в ревизионизме. Концентрированным выражением идейно-политической платформы руководства компартии Китая явилось письмо ЦК КПК Центральному комитету КПСС¹¹. В этом документе дана китайская трактовка генеральной линии коммунистического движения: «Эта генеральная линия есть линия решительного ведения народами революционной борьбы и доведения до конца мировой пролетарской революции, а также линия наиболее эффективной борьбы против империализма, в защиту мира во всем мире».

Дело не ограничилось констатацией разногласий и взаимными обвинениями теоретического и политического планов. Ряд компартий¹² полностью поддержал позиции КПК.

Компартии начали поиск путей преодоления принципиальных разногласий и достижения единства международного коммунистического движения, что затруднялось не только глубиной разногласий и нежеланием сторон идти на уступки, но и разной оценкой степени разногласий, необходимости и путей их преодоления.

Обстановка в комдвижении осложнилась еще в связи с событиями в Чехословакии в августе 1968 года. Ряд компартий западноевропейских стран поддержал курс на создание «социализма с человеческим лицом», провозглашенный новым руководством КПЧ, который проводился в жизнь с января по август 1968 года. Руководители компартий СССР, Болгарии, Польши, Венгрии, ГДР после нескольких встреч с новым руководством КПЧ¹³ приняли решение ввести войска в Чехословакию с целью побудить руководство этой страны соблюдать «общие принципы строительства социализма». Это вызвало несогласие ряда авторитетных компартий¹⁴, осудивших ввод войск как недопустимое вмешательство во внутренние дела. На этой волне в ряде европейских партий стали громко звучать голоса за:

- адаптацию комдвижения к новым историческим реалиям,
- пересмотр прежних коммунистических установок,
- больший реализм в оценках перспектив революционных процессов,
- «национальные концепции социализма» и пути к социализму.

---

¹⁰ Болгарии, Венгрии, Индии, Италии, СССР, Франции, Чехословакии.

¹¹ Правда. 1963. 14 июля.

¹² Компартии Бирмы, Малайзии, Новой Зеландии, Таиланда, Филиппин.

¹³ В ходе которых пытались убедить в опасности этого курса для социалистических завоеваний народа Чехословакии и для целостности Организации Варшавского договора в условиях холодной войны.

¹⁴ Итальянской, французской, испанской, австралийской и некоторых других.

В результате выработанный после пятилетних дискуссий Основной документ Совещания 1969 года удовлетворил представителей не всех партий. Четыре партии (включая ИКП) не поддержали основные теоретические и политические разделы и одобрили только один раздел, посвященный общим задачам антиимпериалистической борьбы; представитель одной партии не поддержал весь документ. В итоге Основной документ, содержащий ряд интересных реалистичных положений, не способствовал укреплению влияния партий и сплоченности движения в целом.

Следующим крупным событием в коммунистическом движении стало появление «еврокоммунизма». Представители трех западноевропейских компартий (Испании, Италии и Франции) вначале в ходе двухсторонних встреч, а на общей встрече в Мадриде (март 1977 г.) сформулировали общую идейно-политическую программу. Последняя, по их словам, отражала «решимость построить социализм в условиях демократии и свободы» на «основе концепций, разработанных совершенно независимо каждой из трех партий». В совместном заявлении указывалось следующее. Коммунисты трех названных стран намерены бороться за построение нового общества в условиях «политического и социального плюрализма, в условиях уважения, гарантии и расширения всех коллективных и личных свобод»¹⁵. С точки зрения международных дел партии высказались за новые шаги «по пути разрядки напряженности и мирного сосуществования». Было подчеркнуто также: «Три партии намерены также укреплять в будущем интернационалистскую солидарность и дружбу на основе независимости каждой партии, равноправия, невмешательства, уважения свободного выбора самобытных путей и решений для построения социалистических обществ, отвечающих условиям каждой страны».

С довольно значительной временной дистанции следует сказать, что упомянутые позиции отражали искреннее стремление найти свои национальные пути движения к социализму, соответствовавшие ситуации 70-х годов в развитых капиталистических странах. Интерес к этим новаторским для коммунистического движения взглядам был проявлен в ряде стран¹⁶. Однако «еврокоммунизм» был критически воспринят руководством Компартии СССР, ряда стран Восточной Европы. Это произошло

---

¹⁵ Свобода убеждений и слова, печати, ассоциаций и собраний, манифестаций, свободное передвижение людей как по своей стране, так и за границей; профсоюзная свобода, независимость профсоюзов и право на забастовку; неприкосновенность личной жизни; уважение принципа всеобщего избирательного права и возможность демократического чередования большинства у власти; религиозные свободы; свобода культуры, выражения различных философских, культурных и художественных взглядов и убеждений.

¹⁶ Великобритании, Бельгии, Финляндии, Японии и др.

в связи с утверждениями, в первую очередь, руководителя КПИ Сантьяго Каррильо об «извращении социализма» в этих странах, поскольку-де политическая система там не является системой социалистической демократии¹⁷. Развернулась новая волна дискуссий, которая не могла быть полезной партиям и движению в целом.

С конца 70-х – начала 80-х годов наступил этап кризиса международного коммунистического движения. Условно в качестве рубежной точки нарастающего кризиса можно назвать критическую ситуацию в Польше (1980–1981), когда коммунистическое руководство страны оказалось под угрозой потери власти и ввело 13 декабря 1981 года чрезвычайное положение. Симптомами кризиса были нарастающие трудности в руководимых коммунистами социалистических странах:

- замедлились темпы экономического развития,
- происходило отставание от развитых капиталистических стран в области жизненного уровня народа,
- проявилась прогрессирующая бюрократизация партийного и государственного аппаратов,
- не осуществлялась демократизация различных сфер общественной и государственной жизни,
- нарастали протестные настроения (иногда открытые, а чаще подспудные).

Итогом этого была утрата компартиями стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) влияния в обществе и отстранение их от власти (1989–1990), распад СССР (1991) и крутой поворот в социально-экономическом и политическом развитии государств, возникших на развалинах СССР.

Одновременно в конце 70-х – 80-х годах происходило ослабление компартий развитых капиталистических стран. Это относилось не только к партиям, которые в предыдущие годы не были влиятельными¹⁸. Но это же коснулось и влиятельных партий¹⁹, о которых речь шла выше.

Крах общественного строя в государствах, возникших на территории СССР, в странах ЦЮВЕ, превращение компартий этих стран²⁰ в мало-

---

¹⁷ *L'Humanite*. 5.03.1977. – А Каррильо в своей книге резко отверг целый ряд теоретических и политических воззрений компартий этих стран, опиравшихся на марксистско-ленинские идеи (См.: Каррильо С. *Еврокоммунизм и государство*. М., 1977).

¹⁸ Австрии, Бельгии, Великобритании, Дании, Канады, Нидерландов, Норвегии, Швейцарии.

¹⁹ Италии, Испании, Франции.

²⁰ Кроме сильно ослабленных, но все-таки сохранивших определенное влияние компартий РФ, Чехии и Моравии, Словакии, Украины и наследницы СЕПГ (ГДР) – ПДС.

ПРОБЛЕМЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

влиятельные пропагандистские организации нанесли серьезный удар по идеалам коммунистического движения в целом.

Встает вопрос, есть ли перспектива у коммунистического движения в современном мире? Ответ предполагает выяснение вопроса о его идеологической основе, о классово-социальной базе и о политическом пространстве в различных странах.

Как уже отмечалось, коммунистические партии родились и сформировались в основной своей массе в бурный период окончания Первой мировой войны, подъема массового движения в странах капитала и первого этапа антиимпериалистического, освободительного движения в странах Азии, некоторых колониях и полуколониях Африки и Латинской Америки в значительной мере под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Идеологической основой компартий, Коминтерна был марксизм. Он сформулировал принципы, которые стали основой практической деятельности компартий стран капитала в годы массового революционного подъема (1917–1921).

Попытки компартий стран капитала (по своей идеологии и происхождению революционных организаций) выработать адекватные новой обстановке идейно-политические установки, преодолев основные принципы марксизма, и найти соответствующую политическую нишу не оказались успешными. Бесплодными оказались и попытки догматически придерживаться идей и формул прошлого.

В большинстве стран Европы и Северной Америки, особенно высокоразвитых, в условиях глобализации и европейской интеграции перспективы существования и деятельности коммунистических партий представляются туманными.

В пяти странах Азии (Китае, Вьетнаме, КНДР, Лаосе, Непале) компартии являются правящими. Значительным влиянием пользуется компартия Индии (марксистская). Действуют компартии в ряде других азиатских стран. Залогом их успеха является сочетание общих принципов марксизма, идей выдающихся национальных мыслителей (Мао Цзэдун, Дэн Сяопин – в Китае; Хошимин – во Вьетнаме) с прагматическим подходом к реалиям своих стран. Весьма существен учет национальных традиций, национального характера народа, решительный отказ от всякого догматизма во имя решения насущных социальных и национальных проблем.

В большинстве стран Латинской Америки и Карибского бассейна компартии, существующие с 1920-х – 1940-х годов, немногочисленны и не имеют значительного влияния среди трудящихся и в политической жизни. Правда, в разные периоды XX столетия компартии Бразилии, Мексики, Перу, Уругвая, Чили имели немалый политический вес. А ком-

партия Кубы в труднейших условиях экономической блокады со стороны США, многочисленных провокаций и разного рода стихийных бедствий на протяжении нескольких десятилетий является правящей. Она отстаивает право народа Кубы строить общество социальной справедливости, несмотря на происки внешних сил.

В 90-х годах XX – начале XXI века в некоторых латиноамериканских странах стали формироваться политические организации вокруг харизматических лидеров, получивших на президентских выборах большинство голосов избирателей и ставших руководителями государств и правительств. Они проводят политику защиты независимости своих народов, социальных реформ, а Уго Чавес (Венесуэла), Эво Моралес (Боливия) и возглавляемые ими партии выступили с идеями строительства социализма XXI века, пытаясь претворить их в жизнь. В современных условиях, когда потерпел поражение опыт строительства социалистического общества компартиями СССР и стран ЦЮВЕ, учитывая особое внимание империализма США к странам Латинской Америки и Карибского бассейна, именно подобного рода организации могут стать движущей силой прогресса. Это не значит, конечно, что коммунисты не найдут там себе места в процессе антиимпериалистических, демократических, а может быть, и социалистических преобразований.

В любой стране коммунистическая партия может рассчитывать на успех только при условии сочетания в своей деятельности национальных и ставших чрезвычайно актуальными в современных условиях интернациональных задач. В числе последних – задачи сохранения окружающей среды и предотвращения ее загрязнения, энергетической, экологической и демографической безопасности. И, конечно, сохранения мира между странами и народами, предотвращения вооруженных конфликтов, а в случае их возникновения – ликвидации в соответствии с нормами международного права.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Савельев Петр Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Московского института открытого образования

Горинов Михаил Михайлович

кандидат исторических наук, зам. директора
Центра научного использования и публикации
архивного фонда объединения «Мосгорархив»

Суржикова Наталья Викторовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
института истории и археологии УрО РАН

Тараторкин Филипп Георгиевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России средневековья
и раннего Нового времени РГГУ

Ферретти Мария

доктор исторических наук,
профессор Университета Витербо, Италия

Трофимов Владимир Александрович

доктор исторических наук, профессор Московского
государственного областного университета

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics,
specialist in political sciences, President of the International
Public Foundation «Experimental Creative Center»,
editor-in-chief of «Russia XXI»,
chief producer of the Theatre «On the Boards»

Savel'ev Petr Yur'evich

Ph.D., historian,
Professor of chair for social and humanitarian studies
of the Moscow Institute of Open Education

Gorinov Mikhail Mikhailovich

Ph.D., historian,
vice-director of the Centre of Scientific Use and Publication
of Archive Foundation of Association «Mosgorarchive»

Surzhikova Natalia Viktorovna

Ph.D., historian, senior researcher of the Institute of History and
Archeology, the Ural branch of RAS

Taratorkin Philip Georgievich

Ph.D., historian, assistant professor,
chair of Early and Early Modern Russian History, Russian State
University for Humanities

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, chair of Early and Early Modern
Russian History, Russian State University for Humanities

Ferretti Maria

D.Sci., historian, Professor of the University Viterbo, Italia

Trofimov Vladimir Aleksandrovich

D.Sci., historian,
Professor of the Moscow State Regional University

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ в Москве

«Фаланстер», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;
«Циолковский», Политехнический музей, подъезд 7д;
магазины издательства «РОССПЭН»:
Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;
магазин ОГИ, Потаповский пер., д.8/12;
киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;
киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д.6;
киоски «Аргумент» в I и II гуманитарных корпусах МГУ,
Воробьевы горы;
киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 3-ий читательский
подъезд;
книжная ярмарка в «Олимпийском», стенд 109

в Санкт-Петербурге

магазин «Книжный окоп»,
Тучков пер., 11/5
магазин «Ноосфера»
ул. Малая Посадская, 4а (вход в арку) тел. (812)498-61-71

**Журнал «Россия XXI» вы можете купить
или заказать с доставкой
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».**
**Адрес: Москва, Глинищевский переулок, дом 6
(за книжным магазином «Москва», под вывеской
«Союз женщин России»).**
**Проезд: ст. м. «Пушкинская», «Чеховская», «Тверская»
или «Охотный ряд». Магазин работает ежедневно,
кроме воскресенья,
с 11 до 20 часов. Телефон: (495) 650-60-31,
сайт www.hamlet.ru**

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»

Внимание!

**С 2012 года меняется подписной индекс журнала
по каталогу Агентства «Роспечать».
Теперь подписка на журнал годовая, индекс 83496.**

**Альтернативная подписка:
ООО «ИнтерПочта-2003»
тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64
ООО «Смарт-Трейд» т/ф (499)500-97-08
ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00
ООО «Союзпресс» тел. (495)675-09-40**

**В редакции подписка и продажа льготные.
Тел. (495)691-74-79
E-mail: russia21@ecc.ru,
bushueva@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2**

**Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12, факс (495)306-37-57
e-mail: export@periodicals.ru**

**Подписка на электронную версию журнала,
начиная с 1 номера 2008 года, оформляется через
Научную электронную библиотеку: www.elibrary.ru**

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI» 2011.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru> или <http://www.ecc.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 20.10.2011. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 13 печ. л.

Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».

140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел. 554-21-86

5.2011 september-october

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Beyond the Capitalism _____ **6**

Pages of History

Petr Savel'ev

Well Forgotten Past _____ **66**

Mikhail Gorinov

Evgeni Preobrazhensky:
the Bolshevik of the Clerical Origin _____ **88**

National Doctrine

Natalia Surzhikova

Ethnicity and Faith in the Practices of Russian
Captivity in 1914-1919 (on Materials of the Ural
Region) _____ **116**

European Parallels

Philip Taratorkin, Andrey Yurganov

The Russian Paradigm
of the Hungarian Professor _____ **142**

Topical Archive

Maria Ferretti

Vassily Ivanovich Lyulin, the Worker
from Yaroslavl City _____ **154**

Readers' Letters

Vladimir Trofimov

Problems of the Communist
Movement in the 2nd Half
of the 20th Century _____ **192**

РОССИЯ XXI